

СЕН-СИМОН
ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА**

Под общей редакцией

академика

В. П. ВОЛГИНА

МСМХLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

СЕН-СИМОН
ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

Т о м   И I

*Перевод с французского
под редакцией и с комментариями*
Л. С. ЦЕТЛИНА

Вступительная статья
В. П. ВОЛГИНА

МСМХLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК С С С Р
Москва — Ленинград

OEUVRES CHOISIES
DE
C.-H. DE SAINT-SIMON

SAINT - SIMON

Fondateur
de la Religion Nouvelle.

АНРИ СЕН-СИМОН

Литогр. Энгельман, 1825

О ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЕ ⁷⁵

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной причиной кризиса, переживаемого политическим организмом вот уже тридцать лет, является полное изменение социальной системы, стремящееся в настоящее время охватить наиболее цивилизованные нации, как конечный результат тех видоизменений, которые последовательно испытывал до сих пор старый политический строй. Говоря точнее, существо этого кризиса состоит в переходе от феодальной и теологической системы к промышленной и научной. Он неизбежно будет продолжаться до того времени, когда полностью завершится образование новой системы.

И управляющие и управляемые в равной мере оставались до сих пор, остаются еще и сейчас в неведении этих основных истин или, скорее, и те и другие понимают их лишь смутно, неполно и совершенно недостаточно.

XIX век все еще находится под властью критического характера XVIII века, он все еще не принял свойственного ему организационного характера. Такова первая истинная причина ужасной затяжки кризиса и страшных несчастий, сопровождающих его до сих пор. Но этот кризис по необходимости прекратится или по крайней мере превратится в простое моральное движение, как только мы возвысимся до понимания великой роли, отводимой нам ходом цивилизации, как только светские и духовные силы, которые должны в данный момент вступить в действие, выйдут из состояния бездеятельности.

Философский труд, первый отрывок которого я представляю теперь публике, имеет общей целью развить и доказать важные положения, лишь вкратце сформулированные мною, по возможности привлечь общее внимание к истинному характеру великой социальной реорганизации, завещанной XIX веку, доказать, что эта реорганизация, подготовленная постепенно всем развитием цивилизации до настоящего момента, теперь вполне назрела и не может быть отсрочена без самых тягостных последствий, указать точно и ясно, каким способом должна производиться эта реорганизация спокойно, уверенно и быстро, несмотря на все реальные препятствия, одним словом, содействовать, насколько это в силах философии, образованию и завершению промышленной и науч-

ной системы, установление которой одно только может положить конец современным социальным волнениям.

Промышленную доктрину (я беру на себя смелость утверждать это заранее) можно было бы легко понять и без больших усилий принять, если бы большинство умов постаралось усвоить и обсудить ее. Но, к несчастью, дело обстоит не так. Порочные и глубоко укоренившиеся умственные привычки мешают почти всем понять эту доктрину.* Бэконовская *tabula rasa* была бы гораздо более нужна для усвоения политических идей, чем всех других; человек должен испытывать гораздо больше затруднений в отношении идей этой категории.

Затруднения, испытанные учеными в их стремлении дать правильное понимание астрономии и химии при существовавшем обыкновении рассматривать эти науки с точки зрения астрологии и алхимии, сказываются теперь и в политике, где совершается подобная же пермена, переход от гадательной науки к положительной, от метафизики к физике.

Вынужденный бороться с упорными и общераспространенными привычками, я считаю

* Поэтому я считаю людей, обычно не занимающихся политикой, гораздо более способными — при прочих равных условиях — понять мой труд и судить о нем, как и вообще о всякой положительной политической мысли.

полезным пойти им навстречу и несколько предвосхитить часть моего труда. Я считаю полезным объяснить здесь кратко и в общей форме, какое влияние на политику приобрели и сохраняют до сих пор пустые и метафизические доктрины, какая ошибка заставляет принимать эти доктрины за истинную политику и, наконец, почему теперь необходимо от них отказаться.

Промышленная и научная система родилась и развивалась при господстве феодальной и теологической системы. Этого простого сопоставления достаточно для того, чтобы понять, что между этими двумя абсолютно противоположными системами должна была существовать какая-то система промежуточная и неопределенная, единственное назначение которой было видоизменять старую систему так, чтобы дать развиваться новой системе, а затем осуществить самый переход к ней. Этот общий исторический факт очень легко предположить на основании приведенных мною данных. Всякая перемена как в светской, так и в духовной области может совершаться только постепенно. В данном случае перемена была так велика, а с другой стороны, феодальная и теологическая система по самой своей природе так противилась каким-либо изменениям, что для их осуществления потребовалась специальная деятельность в продолжение нескольких веков особых классов, порожденных старой системой, но отли-

чающихся и до известной степени независимых от нее: самым фактом своего политического существования они должны были создавать в недрах общества то, что я называю отвлеченно промежуточной и переходной системой. Этими классами были в светской области легисты, в духовной — метафизики; в своих политических действиях они столь же тесно связаны между собой, как феодализм и теология, как промышленность и опытные науки.

Указанный мною сейчас общий факт имеет громадное значение. Это одно из тех основных данных, на которые должна опираться положительная политическая теория. Осветить ее особенно важно в настоящее время, потому что то смутное и неясное, что было в ней до сих пор, больше всего содействует и сейчас путанице в области политических идей и вызывает почти все политические шатания.

Было бы совершенно не по-философски не признавать замечательного и полезного влияния, которое имели легисты и метафизики: они смягчили феодально-теологическую систему, они помешали ей задушить с первых же шагов промышленно-научную систему. Легистам мы обязаны уничтожением феодальной юстиции и установлением менее притеснительного и более организованного правосудия. Сколько раз во Франции деятельность парламента оказывала защиту промышленности от феодализма! Упрекать

это сословие в честолюбии значит осуждать неизбежные следствия полезного, разумного и необходимого дела; это значит обойти существо вопроса. Что касается метафизиков, то им мы обязаны Реформацией XVI в. и установлением принципа свободы совести, подкопавшего основы теологической власти.

Я вышел бы из рамок предисловия, если бы останавливался долее на тех соображениях, которые легко разовьет каждый здравомыслящий человек на основании предыдущих указаний. Я со своей стороны заявляю, что совершенно не представляю себе, как могло бы без вмешательства легистов и метафизиков произойти изменение старой системы и развитие новой.*

С другой стороны, если нелепо отрицать особую пользу, какую оказали успехам цивилизации легисты и метафизики, то очень опасно и переоценить эту пользу или, вернее, не признать ее истинной сущности. По своей исторической роли политическое

* Переходная стадия до такой степени диктовалась самой природой вещей, что ее можно отыскать даже в способе обсуждения чисто научных вопросов. Какой настоящий астроном, физик, химик или физиолог не знает, что человеческий ум в течение долгого времени пользовался в каждой области метафизическим методом, прежде чем перейти от чисто теологических идей к положительным? Разве не убедился всякий, размышлявший над развитием наук, что для этого перехода промежуточное состояние было полезно и даже абсолютно неизбежно?

влияние легистов и метафизиков было осуждено на кратковременность, так как оно не было организующим, а лишь видоизменяющим и облегчающим переход. Они выполнили свое естественное назначение с того момента, как старая система потеряла большую часть своей власти, а силы нового получили реальное преобладание в обществе как в светской, так и в духовной области. Вплоть до этого момента, достигнутого вполне в середине прошлого века, политическая деятельность легистов и метафизиков не переставала быть полезной и почтенной, но она приняла совсем вредный характер, когда перешла за свои естественные границы.

Когда была провозглашена французская революция, дело шло уже не об изменении феодально-теологической системы, потерявшей уже почти все свои реальные силы. Дело шло об организации промышленно-научной системы, призванной по состоянию цивилизации ее заменить. На политическую арену должны были, следовательно, выступить промышленники и ученые, каждый в своей естественной роли. Вместо этого во главе революции стали легисты; они дали ей направление в соответствии с доктринами метафизиков. Излишне напоминать, какой ужасный разброд произошел вследствие этого и какие несчастья явились в результате этого разброда. Но следует сугубо отметить,

что, несмотря на этот громадный опыт, государственными делами все еще продолжают руководить легисты и метафизики, что только они в настоящий момент разрешают все политические споры.

Этот опыт, как бы дорого он ни стоил и каким бы внушительным он ни был в действительности, вследствие своей запутанности оставался бы бесплодным, если бы непосредственным анализом не была доказана абсолютная необходимость отнять у легистов и метафизиков общее политическое влияние, которым они пользуются благодаря предвзятому мнению о превосходстве их доктрин. Но очень легко доказать, что доктрины легистов и метафизиков по своей природе совершенно не способны теперь должным образом руководить политическими действиями и правителей и управляемых. Это обстоятельство столь существенно, что оно совершенно обесценивает значение, какое могли бы иметь способности отдельных лиц, как бы блестящи они ни были.

Каждый мало-мальски просвещенный человек хорошо сознает теперь необходимость общего преобразования социальной системы: потребность в нем столь назрела, что она неизбежно должна ощущаться. Но главная ошибка при этом состоит в вере, что в основу построения новой системы должны быть положены доктрины легистов и метафизиков. Эта ошибка поддерживается только тем, что

люди идут недостаточно далеко в своих политических наблюдениях и не исследуют достаточно глубоко общих фактов, или, лучше сказать, тем, что политические выводы все еще не основываются на общих исторических фактах. Без этого нельзя было бы так заблуждаться, чтобы принимать за действительную смену социальной системы лишь видоизменение ее, которое оказало уже все свое влияние и не может больше играть никакой роли.

Легисты и метафизики склонны принимать форму за содержание и слово за дело. Отсюда общепринятое представление о почти бесконечном множестве политических систем. Но на самом деле есть и могут быть только две системы социальной организации, действительно отличающиеся друг от друга: феодальная или военная система и система промышленная, а в духовной области — система верований и система положительных доказательств. На всем своем протяжении жизнь цивилизованного человечества, несомненно, делится согласно этим двум великим общественным системам. Как у отдельной личности, так и у нации существуют только две цели деятельности: или завоевание или труд; в духовном мире им соответствуют или слепые верования или научные доказательства, т. е. доказательства, основанные на положительных наблюдениях. Следовательно, необходимо изменение цели общей

деятельности для того, чтобы действительно изменилась социальная система. Всякие иные усовершенствования, сколь бы значительны они ни были, являются только видоизменениями, т. е. переменами формы, а не системы. Только метафизика может представлять вещи в ином виде вследствие несчастной способности соединять то, что должно быть расчленено, и расчленять то, что должно быть соединено.

Когда феодальная или военная система была в полной силе, общество было организовано вполне определенно и своеобразно, ибо оно ставило тогда ясную и определенную цель своей деятельности, а именно — развитие большой военной активности; все части политического организма были согласованы для достижения этой цели. И сейчас общество также стремится организовать наиболее совершенным образом и не менее определенно и своеобразно, имея целью промышленную деятельность, к которой также будут направлены все связанные между собой социальные силы. Но со времени падения феодальной или военной системы и до сих пор общество не было организовано настоящим образом, так как обе указанные выше цели стояли рядом, и политический строй имел убудочный характер. Однако то, что было полезно и даже необходимо как переходное и подготовительное состояние, теперь, когда переход в главных чертах за-

вершился, стало явной нелепостью как постоянная политическая система. Тем не менее именно к такому положению и ведут доктрины легистов и метафизиков.

Не будет лишним повторять, что общество для своей деятельности нуждается в цели, что без этого не может быть никакой политической системы.* Между тем законодательство само по себе никогда не является целью, а может быть только средством. Разве не было бы странным, если бы в результате всех успехов цивилизации люди стали теперь объединяться в общества с целью составлять законы друг для друга.** Это

---

* Бонапарт понимал эту основную истину, приняв восстановление феодальной и теологической системы. Он только сделал из нее ложное применение, причиной чего была его бездарность в такой же и даже в большей мере, чем его честолюбие: ведь его воспитание давало ему возможность узнать, в каком направлении должен действовать теперь глава цивилизованной нации. В нашу эпоху честолюбец становится военным, если считает себя бездарным, и промышленником, если чувствует себя даровитым.

** Нам, несомненно, скажут, что согласно этой гипотезе целью общественного договора является обеспечение свободы. Но это значит постоянно вращаться в том же кругу идей и принимать переходное состояние за систему, которую необходимо установить.

Пока феодально-теологическая система была еще более или менее в силе, обеспечение свободы должно было быть предметом первых забот, так как свобода тогда подвергалась сильным и непрерывным нападениям. Но теперь, когда дело идет об установлении промышленно-научной системы, об этом нечего бес-

было бы, без сомнения, пределом мистификации. Разве не было бы это похоже на людей, которые с важностью собираются для составления новых правил шахматной игры и вследствие этого считают себя игроками?

— — —

покоиться: эта система приведет с необходимостью, без всяких забот об этом, к наивысшей степени социальной свободы и в светской и в духовной области. При таком строе сложный политический аппарат, занятый только охраной свободы от покушений, которым она на самом деле не может больше подвергаться, был бы очень похож на Дон Кихота, воюющего с ветряными мельницами. Впрочем, обеспечение индивидуальных свобод не может быть целью общественного договора. Свобода с правильной точки зрения является следствием цивилизации — прогрессивной, как и она сама, но не может быть ее целью... Люди не соединяются для того, чтобы стать свободными. Дикари соединяются для того, чтобы охотиться, чтобы вести войны, но, конечно, не для того, чтобы обеспечить себе свободу, так как для этого им было бы лучше оставаться изолированными. Повторяю: цель нужна для деятельности, а свобода не могла бы быть ею, потому что она такую цель предполагает. Истинная свобода состоит совсем не в том, чтобы члены общества по своему желанию могли сидеть сложа руки; такие наклонности должны сурово подавляться всюду, где они существуют; свобода состоит, напротив, в возможно широком и беспрепятственном развитии способностей, полезных обществу как в светской, так и в духовной области.

Отметим, кроме того, что по мере прогресса цивилизации развивается в той же степени разделение труда как в духовной, так и в светской области в самом широком смысле. Отсюда необходимо вытекает, что люди меньше зависят друг от друга индивидуально, но тем больше каждый из них зависит от всей

Столь явная нелепость тем не менее естественна и, следовательно, простительна у легистов, способность суждения которых обычно испорчена вследствие привычки рассматривать только формы. Но промышленникам,

---

массы. Пустая метафизическая идея свободы в таком виде, как она теперь распространена, в высшей степени стеснила бы влияние массы на личности, если бы мы ее попрежнему положили в основу политического учения. С этой точки зрения она протизоречила бы развитию цивилизации и мешала бы организации хорошо построенной системы, требующей тесной связи частей и зависимости их от целого.

Я не говорю уже о политической свободе, потому что слишком очевидно, что в ней еще меньше, чем в индивидуальной свободе, можно видеть цель ассоциации. Впрочем, для характеристики истинного положения вещей я могу здесь заметить, что наиболее полным и убедительным доказательством пустоты и неопределенности, в которой пребывают еще политические идеи, служит признаваемое в теории за каждым гражданином, вне всякой зависимости от способностей, в качестве естественного права, право заниматься государственными делами, ограниченное только на практике, да и то опять-таки независимо от способностей. Если бы этого не было, можно ли было бы когда-нибудь заявлять, что для политических рассуждений не требуется ни врожденных, ни приобретенных способностей? Такие заявления делаются, правда, не прямо, но смысл их не подлежит сомнению.

Почему не провозглашают, что французы, уплачивающие тысячу франков прямых налогов, способны делать открытия в химии, раз устанавливают подобный же принцип в области политики, по-своему трудной и важной, как и химия? Почему? Потому что ясно, какие способности необходимы для занятия химией, и неясно, какие способности необходимы для

привыкшим, наоборот, рассматривать все по существу, оставаться в подобном заблуждении было бы совершенно непростительно.

Вернемся же к здравому взгляду на вещи. Признаём, что влияние легистов и метафизиков было в течение долгого времени по-

---

политики. В чем же основа этого различия? В том, что химия теперь положительная наука, в то время как политика только гадательное учение, не заслуживающее названия науки.

Метафизика не учит ничему реальному. Именно поэтому ей свойственно утверждать, что люди способны ко всему, не нуждаясь ни в какой специальной научной подготовке. Достопримечательное обстоятельство, на которое я указываю, существует теперь только в политике и в философии, ее матери, потому что из всех отраслей наших знаний только они остались еще метафизическими. Но нечто аналогичное можно наблюдать и в области наук, которые являются сейчас наиболее положительными, в ту эпоху, когда они еще пребывали в мрачной области метафизики. Какие способности необходимы для того, чтобы иметь право заниматься науками,— это было точно выяснено и перестало вообще быть предметом споров только тогда, когда науки приняли положительный или опытный характер. Абсолютно то же должно произойти и в политике. Сейчас еще можно, не подвергаясь насмешкам, защищать то мнение, что политические знания прирождены, или что достаточно родиться французом, чтобы быть в состоянии рассуждать о политике. Это считается даже патристическим. Но когда политика возвысится до ранга опытных наук, что сейчас уже не может быть очень замедлено, тогда станет точным и определенным характер способностей, требующихся для занятия ею; занятие политикой будет тогда исключительно поручено специальному классу ученых, который заставит умолкнуть болтунов.

лезно, так как оно преобразовывало феодально-теологическую систему и тем облегчало развитие промышленно-научной системы. Но признаём также, что в силу этого влияние их должно было прекратиться после того, как оно выполнило свое назначение, и что поэтому оно теперь уже не приносит никакой пользы: старая система уже видоизменилась настолько, что не имеет достаточно силы, чтобы попрежнему служить основой общества, а новая система развилась настолько, что ждет лишь толчка, чтобы овладеть социальным организмом. Легисты и метафизики охраняли новую систему в ее детстве против старой системы в ее солидном возрасте. Но после того как ребенок возмужал, а зрелый человек впал в дряхлость, всякое вмешательство бесполезно и даже вредно, и новый человек должен непосредственно договариваться со стариком.

Действительно, теперь посредничество легистов и метафизиков между старой и новой системами является главной причиной безвыходной запутанности в области политических идей; оно преграждает наступление промышленного режима. Но пусть устранят это посредничество, пусть между обеими борющимися системами установятся прямые отношения, и весь этот хаос рассеется как колдовство. Люди объяснятся и поймут друг друга; они не будут больше думать, что общество может существовать без цели для

своей деятельности; так как старой военной цели у общества быть больше не может, то они признают, что следует безотлагательно заняться организацией общества для промышленной цели. Феодалы и теологический класс поймут, что у них нет никаких способов бороться с промышленниками и учеными, чтобы помешать окончательному установлению новой системы. Промышленники и ученые в свою очередь поймут, что они должны возместить старым классам прекращение их политической карьеры, облегчая им вступление на новое поприще.

Я, может быть, слишком много говорил здесь об основном факте, составляющем предмет моего исследования, но он настолько важен для понимания политических идей, что я не могу жалеть об этой пространности изложения. Надеюсь, что она облегчит читателю понимание моего произведения, указывая ему точно тот пункт, в котором оно выступает против общепринятых идей. Ибо этот очерк имеет своей главной целью определить более точно (я не мог бы этого сделать никаким другим способом) истинный характер промышленной системы, объясняя ее коренное отличие от расплывчатой либеральной системы, с которой ее склонны смешивать. Одним словом, я хотел отмежевать научную политику, основанную на согласованных рядах общих исторических фактов, от метафизической политики, основанной на абстрактных предположениях, более или ме-

нее туманных, более или менее бессодержательных, являющихся только различными оттенками теологии.

Во всем предшествующем изложении я рассматривал великое моральное движение, к которому призвано теперь общество, только с точки зрения смены основных доктрин. Но существует другая точка зрения, на которую я должен указать в немногих словах в этом предисловии.

Идеи и чувства неизбежно связаны друг с другом и соответствуют друг другу. Всякое великое движение в области идей вызывает подобное же движение в области чувств. С этой точки зрения любовь к человечеству является подобием и необходимой помощницей философии. Чтобы вызвать великое философское движение, имеющее целью изменение общих идей, необходимо, чтобы у всех людей, способных к благородным и возвышенным чувствам, было развито активное человеколюбие. Упадок старых основных учений позволил развиваться эгоизму, все более опустошающему общество и в высшей степени противодействующему образованию новых учений. Чтобы бороться с ним и разбить его, необходимо выступление человеколюбия. Эта работа не менее необходима, чем работа философская, и должна даже предшествовать ей. Вот почему я полагал своей обязанностью в этом же первом отрывке моего труда обратиться с призывом к друзьям человечества, т. е. ко всем людям, ода-

ренным благородными чувствами, каково бы ни было их социальное положение: принадлежат ли они к сторонникам старой системы, новой или переходной. Этим «обращением» я заканчиваю данную книгу.

2. ВВЕДЕНИЕ

Две партии, ожесточенно борющиеся за полное овладение властью, которую каждая по различным мотивам считает своей естественной собственностью; правительство, стремящееся обеспечить себя от покушений той и другой партии, но считающее своей обязанностью удовлетворять присущую им обоим алчность, распределяя выгоды управления более или менее равно между двумя соперничающими во властолюбии классами; наконец, промышленники всех родов, земледельцы, фабриканты, торговцы, стонущие под двойным гнетом, страстно желающие перестать служить пищей разным интриганам, но не имеющие никакой ясной идеи, никакой решительной воли к достижению этого и поэтому остающиеся пассивными зрителями происходящей борьбы в наивном ожидании, что часть тех, кто живет или стремится жить интригой и мотовством, великодушно избавит их от этого, — такова в общем картина современной политической жизни, представляющаяся всякому беспристрастному и просвещенному наблюдателю;

такovým оказывается к настоящему времени печальный результат революции, в самом начале стремившейся, как всем известно, к организации экономического либерального режима с прямой и единственной целью обеспечить наиболее возможное благосостояние трудолюбивому и производительному классу, образующему в условиях нашей цивилизации истинное общество.

Каковы же причины, которые, отвлекая нашу революцию от ее первоначальной цели, привели и удерживают общество в том плачевном состоянии, в котором оно находится в настоящее время? Каковы средства для выхода из этого состояния, для водворения порядка и благоденствия на прочном основании? Вот те два общих и тесно связанных между собой вопроса, которым я даю здесь первое разъяснение.

Суть этого сочинения, на которую я хочу обратить внимание в первую очередь, сводится к сближению или, лучше сказать, к обобщению интересов королевской власти и промышленников. Это я провожу всюду. Сочетание этих двух сил было господствующей идеей, занимавшей мой ум на протяжении всего моего труда. Я достигну своей важнейшей цели, если добьюсь того, что внимание промышленников, как и истинных друзей королевской власти, будет серьезно приковано к этому основному пункту.

Чтобы дать понять обоим заинтересованным партиям всю важность указанного

сближения, я старался показать им: 1) что отклонение революции состояло главным образом в ошибке, допущенной королевской властью отделением себя от общин вскоре после открытия Генеральных штатов, и общинами, давшими увлечь себя в направлении, враждебном королевской власти, вместо того чтобы обеим сторонам отстаивать объединение политических сил, благо которого для каждой из них было испытано в течение нескольких веков; 2) что поэтому при настоящем положении дел крайне необходимо как для королевской власти, так и для общин немедленно приступить к этому разумному объединению.

Королевской власти я показал, что если действительная цель революции до сих пор не осуществлена и именно потому, что она была поставлена, то она тем не менее продолжает существовать, она существует во всей своей силе и во всем своем объеме, поскольку не устранены основные препятствия к ее достижению. Ибо всякая потребность политических организаций, как и отдельных лиц, продолжает жить до тех пор, пока не будет удовлетворена, и проявляется она с тем большей энергией, чем дольше откладывается ее удовлетворение. Таким образом, революция еще очень далека от своего завершения и может она завершиться только полным осуществлением той цели, которая была предопределена ей всем ходом событий, т. е. образованием новой политической системы.

Никакая человеческая сила не в состоянии повернуть назад это естественное движение или подчиниться ему только наполовину. Стать во главе этого движения — вот что может быть наиболее выгодно для королевской власти.

Рассматривая, далее, вопрос о частном и непосредственном интересе королевской власти, я доказываю, что повелительная необходимость ее сохранения диктует ей безотлагательное решение возможно скорее и полнее объединиться с промышленниками, которые одни только и могут действительно защитить ее от нападений наполеоновских феодалов. Я показываю, что недоверие правительства к преданности промышленников королевской власти в лице теперешней династии ни на чем не основано. Так как промышленники по существу своего положения являются друзьями порядка и в политической области не имеют в виду ничего другого, кроме установления экономичной и полезной для промышленности системы управления, то нет никаких данных для появления у них хоть малейшего стремления к перемене династии, если только королевская власть ясно выразит намерение вступить с ними в союз, а оба класса трутней, живущих на их счет, предоставить самим себе. С этого момента промышленники займут такое положение, которое положит конец всякой надежде на успех честолюбцев, рассчитывающих ниспровергнуть царствующую династию, чтобы воз-

вести на престол короля по своему образу и подобию.

Обращаясь, с другой стороны, к промышленникам, я им показываю, что наступил момент проявить политическую активность и непосредственно заняться своими общими интересами, что им пора перестать обращаться за советами вовне, за исключением ученых, занятых разработкой опытных наук, с которыми они должны считать себя состоящими в одной и той же корпорации; я устанавливаю, что первая и общая причина всех бедствий, которые их угнетали с самого начала революции, кроется в их собственном политическом бездействии, в том, что они неизменно доверяли юристам защиту их общественных интересов. Я стараюсь убедить их в том, насколько нелепо с их стороны ждать от кого-либо другого, кроме как от самих себя, введения режима экономичного и рассчитанного на интересы культуры, промышленности и торговли, так как только они сами могут обладать действительной волей и способностью построить такую систему. Я стараюсь убедить их в том, что в настоящее время их бездействие составляет единственную действительную трудность, которую им предстоит преодолеть, так как их силы во всех отношениях и в наивысшей степени являются решающими.

Исходя из этого, я пришел к заключению, что если королевская власть, поняв свои

наиболее важные интересы, решит принять необходимые меры для вовлечения промышленников в политическую деятельность, то они должны будут безотлагательно и уверенно вступить на открытый им путь. В противном случае интересы королевской власти, как и их собственные интересы, заставят их самих взять инициативу в этом отношении в собственные руки. И в том и в другом случае первым политическим актом промышленников должно быть торжественное и энергичное заявление о том, что они безусловно желают сохранения королевской власти в руках Бурбонов. Такое заявление, подрывающее всякие надежды честолюбцев на успех, необходимо для прекращения их наглых покушений. Я показываю промышленникам, что предубеждение, которое бонапартисты стремятся им внушить относительно желаний Бурбонов продлить свою противозаконную власть, совершенно призрачно. Ибо Бурбоны, конечно, должны гораздо более желать наслаждаться властью в безопасности (то, что им вполне гарантировала бы защита промышленников), чем простираť ее дальше того, что необходимо при настоящем положении общества.

Общий вывод настоящего сочинения в отношении к промышленникам и королевской власти заключается в том, что эти две силы больше всего заинтересованы в объединении

и что их объединение должно совершиться возможно скорее и полнее.

Но этого мало. И правительству, и народам слишком часто давали советы, хотя и вполне правильные, но лишенные какого-либо реального значения вследствие недостаточной определенности и отсутствия указаний на средства исполнения, которые можно применить немедленно. И я счел своим долгом завершить свой труд предложением непосредственных административных мероприятий, чтобы начать организацию союза между промышленниками и королевской властью и работать над упорядочением и устройством новой политической системы. Эти мероприятия, с одной стороны, могут быть легко приведены в исполнение королевской властью тотчас же, если она решает их принять. С другой стороны, я доказываю промышленникам, что в их распоряжении имеются простые и законные средства, чтобы немедленно побудить королевскую власть их принять в случае, если бы она оказалась настолько слепой, чтобы не распознать в них действительную силу.

Из этого краткого обзора можно видеть, что мой труд состоит из тройкого рода соображений. Сначала я устанавливаю необходимость для промышленников и королевской власти соединения их сил; затем я останавливаюсь на мероприятиях, могущих начать осуществление этого союза; наконец, я

показываю, что эти мероприятия могут быть легко и непосредственно проведены в жизнь.

3. ПОСЛАНИЕ КОРОЛЮ

Ваше величество!

Уже в течение многих лет, а особенно в настоящее время, состояние социального организма вызывает тревогу государей.

Во Франции, равно как и в других западноевропейских странах, все проникательные люди с беспокойством наблюдают кризис, в который оказалось вовлеченным общество; все ясные умы, каковы бы ни были их мнения относительно природы и средств прекращения этого кризиса — все они признают полную невозможность того, чтобы современное политическое положение было продлено; все провозглашают необходимость достигнуть, наконец, устойчивого порядка вещей. Эта потребность глубоко чувствуется теперь как народами, так и государями, каждым согласно присущим ему интересам.

Раз наличность зла в достаточной мере установлена и признана, ничего другого не остается, как искать средства к его устранению. К несчастью, все усилия, затраченные до сих пор с этой целью государственными людьми и публицистами, не подвинули сколько-нибудь заметно вперед разрешения этого вопроса. Это вполне очевидно, ибо, несмотря на все теоретические труды и

практические попытки, как правители, так и управляемые все еще почти в равной степени недовольны положением дела, в равной степени тревожатся за свое будущее, в равной степени не знают, куда идти.

Из этого необходимо заключить, что изыскания государственных людей и публицистов о способах восстановления спокойствия в общественном строе до сих пор были плохо направлены.

Если попытаться пойти дальше и установить, в чем заключалась неправильность избранного ими пути, то мы найдем, что эта неправильность заключалась в том, что они клали в основу своих рассуждений почти исключительно чисто метафизические принципы и поверхностный анализ социального положения современного общества вместо того, чтобы опираться на целый ряд широких исторических наблюдений над ходом развития цивилизации. Это нетрудно доказать следующими рассуждениями, которые достаточно наметить в общих чертах.

Если рассмотреть великую политическую проблему с наиболее доступной пониманию правительств точки зрения, то проблема эта целиком сводится к тому, чтобы определить, какой порядок вещей может приобрести в настоящее время устойчивость.

Между тем единственный устойчивый и прочный государственный строй, очевидно, есть тот, который опирается на светские и

духовные силы, получившие уже в настоящее время наибольшее влияние и имеющие вместе с тем тенденцию в силу одного естественного хода вещей все более и более выявлять свое преобладание. Если же это так, то не остается сомнения, что наблюдение прошлого есть единственное средство безошибочно обнаружить эти силы и оценить, по возможности точно, их тенденцию и достигнутую ими степень преобладания. А отсюда следует, что изучение хода развития цивилизации должно лечь в основу политических рассуждений, чтобы они были способны руководить государственными людьми при выработке ими общих планов действия; ведь до сих пор даже наиболее способные из них никогда не следовали этому методу, ограничиваясь анализом лишь современного состояния общества и отвлекаясь от предшествующих форм; потому-то и политика их до сих пор была лишена надлежащих основ.

Всякий анализ настоящего, взятый изолированно, как бы искусно он ни был сделан, может дать только весьма поверхностные или даже совершенно ложные выводы, так как такой анализ склонен беспрестанно смешивать и принимать один за другой два вида элементов, которые в политическом организме существуют всегда совместно, но которые весьма важно различать: это — пережитки угасающего прошлого и зародыши восходящего будущего.

Это различие, полезное для всякой эпохи в целях выяснения политических идей, является основным в настоящее время, когда мы касаемся величайшей революции, переживаемой человеческим родом.

Если не руководиться внимательнейшим изучением прошлого, то как отличить социальные элементы, относящиеся к системе, которая обречена на исчезновение, от элементов той системы, которой предстоит утвердиться?

Без такого внимательнейшего различения — какая человеческая прозорливость могла бы избежать обычной ошибки, состоящей в том, что за силы, действительно преобладающие в обществе, принимают такие силы, от которых остается одна лишь тень и которые представляют собой не что иное, как сущности, так сказать, метафизические?

Итак, чтобы рассмотреть современный социальный кризис в его настоящем виде и открыть верное средство к его прекращению, правительствам безусловно необходимо в основу своих рассуждений положить общие выводы, к которым приводит ряд наблюдений над ходом развития цивилизации.

Но, сверх того, необходимо иметь в виду, что эти наблюдения могут быть весьма поучительны и полезны лишь в том случае, если они производятся в большом масштабе и относятся к общественной системе в ее целом или к наиболее существенным ее элементам. Если же они относятся к слишком

близкой эпохе или произведены со слишком частной точки зрения, они могут лишь породить новые заблуждения; примеров этого легко можно было бы привести очень много.

Наиболее подходящей отправной точкой мне представляется эпоха формирования наших современных обществ — средние века. Философское наблюдение прошлого, начиная с этой эпохи, дает нам замечательнейшее обобщение, которого достаточно для того, чтобы поставить нынешнюю политику правительства на положительное и весьма широкое основание.

Кратким изложением этого обобщения и вытекающих из него главных следствий я хочу ограничиться в настоящем послании, с которым я осмеливаюсь обратиться к вашему величеству.

Ваше величество! Проповедь христианства в Европе и завоевание Западной империи северными народами положили основание современному обществу. Во Франции его начало относится к V столетию, но упорядочено оно было лишь к XI в. благодаря всеобщему утверждению феодализма и окончательной организации духовной власти при Гильдебранде⁷⁶ и его первых преемниках.

При этом старом порядке все относящееся к светской жизни общества было в руках военного сословия. Вся собственность, как движимая, так и недвижимая, принадлежала исключительно ему. Даже трудящиеся были его рабами, каждый в отдельности и

все вместе. Точно так же духовенство, которое, впрочем, разделяло с военными светские привилегии феодального строя, являлось исключительным руководителем духовной жизни общества не только в его целом, но и во всех частностях. Оно одно руководило как общим, так и частным образованием; его доктрины и решения давали направление мнениям и поведению всех людей всех возрастов и при всех обстоятельствах жизни.

Этот политический строй держался в течение нескольких веков независимо от действия силы, которая его первоначально установила, так как этот строй находился в полном соответствии с состоянием цивилизации того времени. Промышленность находилась тогда еще в младенческом состоянии, а война должна была составлять главное занятие народов в качестве как средства обогащения, так и средства защиты от нападений, которые беспрестанно ему угрожали. Вследствие этих двух обстоятельств военное сословие, вполне естественно, было облечено высшей степенью власти и уважения, тогда как промышленники могли занимать лишь подчиненное положение. С другой стороны, положительные науки еще совсем не существовали, и духовенство, будучи единственным сословием, обладавшим некоторым просвещением, приобрело по необходимости безраздельную власть над умами, получило в исключительное управление совесть и вслед-

ствие этого заняло в обществе положение, соответствовавшее его высоким функциям.

Два главных события, вызванных естественным ходом цивилизации и сопутствуемых в своем действии множеством других важных явлений, более или менее тесно с ними связанных, мало-помалу, но безвозвратно разрушили этот политический строй, изменив сверху донизу то состояние общества, которому он соответствовал. Эти два обстоятельства — раскрепощение общин и развитие положительных наук, принесенных в Европу арабами.

Промышленникам, бывшим раньше рабами, благодаря упорному труду, терпению, бережливости и изобретательности удалось все же приумножить то небольшое достояние, которое позволили им составить их господства. К тому же и военное сословие, чтобы легче обеспечить себе удовольствия, которые доставляли ему новые, созданные промышленниками предметы, согласилось предоставить им свободное распоряжение своей личностью и произведениями своего труда.

Так как это освобождение открыло промышленности путь к развитию, она с тех пор делала непрерывные и все возрастающие успехи. Благодаря этому круг потребностей и наслаждений все расширялся, и в результате, в то время как промышленники создавали своими трудами огромную массу новых ценностей, дворяне непрерывно продавали

им все бóльшие и бóльшие доли своей движимой и недвижимой собственности.

Медленное, но неуклонное действие этих двух постоянных и ведущих к одной и той же цели факторов привело к такому перемещению собственности, что масса промышленников, считая в их числе и земледельцев, владеет в настоящее время наибольшей частью всех богатств.

Эта перемена повлекла за собой и другую перемену в общем направлении развития общества.

По мере того как общество благодаря промышленности умножало свои богатства, война стала терять свое завоевательное значение.

А так как тот же переворот происходил у всех западноевропейских народов, то и оборонительная война также все больше теряла свое значение.

Вследствие этого военная профессия может теперь играть в обществе лишь весьма подчиненную роль.

Этому естественному результату сильно способствовало изобретение пороха, которое вызвало прекращение военного воспитания как воспитания специального и поставило военную силу в существенную зависимость от промышленности; таким образом, военные успехи обеспечены теперь наиболее богатым и наиболее просвещенным народам.

Это постепенное возвышение промышленности и соответственное падение феодализма

и гражданской жизни сопровождались непрерывным ростом политического влияния промышленного класса за счет класса феодального.

Ваши предки, государь, сильно способствовали в этом существенном отношении естественному ходу вещей, и вот, благодаря постоянному совместному действию этих двух факторов, политическое могущество дворянства было почти совершенно уничтожено одновременно с падением его роли в гражданском обороте.

Если теперь присмотреться к обществу с его духовной стороны, то мы найдем, что и здесь произошла столь же полная перемена.

Когда в Европу через посредство арабов проникли опытные науки, духовенство начало было их разрабатывать, но оно скоро бесповоротно их оставило, и они перешли в руки особого класса, который с тех пор образовал новый элемент в обществе.

Благодаря огромным успехам, сделанным с того времени науками, совершенно рассеялось умственное превосходство духовенства, которое составляло истинную основу его духовной власти. Под влиянием просвещения умы людей мало-помалу освободились от полного подчинения теологическим верованиям. Наконец, и политическое влияние этих верований и даже их моральное влияние были уничтожены в самом своем основании с того момента, как за каждым человеком было признано право подвергать их критике

и принимать или отвергать их согласно своим личным взглядам.

По мере того как мнения духовенства утрачивали свое господство, взгляды ученых в области их компетенции начали приобретать авторитет даже в тех случаях, когда они оказывались в явном противоречии со взглядами духовенства.

В настоящее время одни лишь научные положения могли бы иметь власть над общими воззрениями, богословские же суждения пользуются реальным влиянием лишь в наименее просвещенных классах общества, но и там их влияние довольно слабо и не может идти ни в какое сравнение с тем влиянием, которым пользуются здесь мнения ученых.

Это факт, о котором можно сожалеть, но который необходимо признать в полной мере; в высшей степени важно никогда не упускать его из виду из опасения впасть в глубокое заблуждение относительно средств прекращения того беспорядочного состояния, в котором очутилось общество.

Все вышесказанное представляет собой краткое изложение наиболее общих наблюдений над главнейшими политическими фактами последних семи или восьми столетий. Это изложение может быть в свою очередь точно резюмировано в виде следующего общего вывода:

«Как светская, так и духовная власть в обществе перешла в другие руки. Действительная светская власть сосредоточена в на-

стоящее время в руках промышленников, духовная же — в руках ученых; эти два класса являются притом единственными, которые оказывают реальное и постоянное влияние на общественное мнение и поведение народа».

Вот эта-то основная перемена и была действительной причиной французской революции. Этот великий кризис вовсе не имел своим источником тот или другой отдельный факт, какое бы реальное значение он ни имел. Переворот в политической системе произошел по той единственной причине, что состояние общества, которому соответствовал старый политический строй, совершенно изменилось по существу. Гражданская и моральная революция, которая совершалась постепенно в течение более шести столетий, породила и сделала неизбежной революцию политическую; это как нельзя более соответствовало природе вещей. Если желательно указать непременно происхождение французской революции, то его следует приурочить к тому моменту, когда в Западной Европе началось раскрепощение общин и развитие опытных наук.

Прежде чем из вышеизложенного резюме сделать выводы относительно плана действий, который, по моему мнению, должен быть в настоящее время принят правительствами, необходимо бросить общий взгляд на путь французской революции до настоящего времени и на главные ее результаты. Хотя состояние общества в основном оста-

лось в сущности таким же, как я только что обрисовал, и хотя оно продолжало лишь развиваться далее в том же направлении, однако события привнесли в него чисто случайные элементы, способствовавшие затемнению их истинного характера.

Так как основной причиной французской революции было изменение соотношения сил, происшедшее как в светской, так и в духовной областях, то единственным средством направить ее надлежащим образом, несомненно, являлось привлечение к непосредственной политической деятельности сил, получивших преобладающее значение; это средство и теперь еще остается единственным, какое способно завершить революцию. Надо было, следовательно, призвать промышленников и ученых к образованию такой политической системы, которая соответствовала бы новому социальному строю. Это, повидимому, понял ваш знаменитый и несчастный брат,⁷⁷ государь, предоставив третьему сословию двойное представительство в Генеральных штатах.

Итак, революция начата была хорошо. Почему же она почти тотчас же попала на ложный путь? Вот это-то и важно выяснить, а для этого нам необходимо вернуться к прошлому.

По своей природе человек не может переходить от одной доктрины к другой непосредственно, без промежуточных ступеней. Этот закон с еще большей строгостью действует

в применении к различным политическим системам, через которые человечество вынуждено проходить естественным ходом цивилизации. Таким образом, та же необходимость, которая создала в промышленности элементы новой светской власти, предназначенной заместить военную, а в положительных науках — элементы новой духовной власти, призванной наследовать теологической, та же необходимость должна была развить и привести в действие (прежде чем эта перемена в состоянии общества стала давать себя сильно чувствовать) как светскую, так и духовную власть промежуточного, убудочного, переходного характера, — власть, единственная роль которой заключалась в облегчении перехода от одной социальной системы к другой.

Для перехода от военного принципа к промышленному должен был создаться промежуточный принцип, который, признавая главенство первого, подчинил бы, однако, его действие различным ограничениям и правилам, введенным в интересах промышленников.

Точно так же для перехода от власти теологической, основанной на откровении, к власти научной, основанной на доказательствах, должна была установиться промежуточная власть, которая, допуская преобладание некоторых основных религиозных верований, признала бы право исследования во всех

второстепенных областях. Предугадать эти два общих факта можно было бы и посредством одного размышления, если бы даже не заставила нас признать их история.

И действительно, история показывает нам, что эти два промежуточных класса были: в области светской власти — легисты, а в области духовной — метафизики.

Легисты, по своему происхождению бывшие лишь агентами военного сословия, вскоре образовали отдельный класс, который видоизменил действие феодального строя, создав юриспруденцию, являвшуюся не чем иным, как стройной системой барьеров, противопоставленных применению силы.

Точно так же метафизики,* вышедшие сначала из недр теологии и никогда не перестававшие строить свои рассуждения на религиозной основе, видоизменили влияние теологии, установив право исследования в области вероучения и морали.

Их деятельность, которая началась главным образом с Реформации XVI в., закончилась в истекшем столетии провозглашением неограниченной свободы совести.

---

* Ими, очевидно, и была произведена в Англии и Германии перемена в духовной области.

Во Франции эту роль играли главным образом литераторы, но так как все их принципы были по существу метафизическими, то я счел нужным применить к ним наименование метафизики, а не литераторы, как наименование и более общее и более характерное.

В результате этого естественного порядка вещей легисты и метафизики в течение последних двух или трех столетий почти безраздельно занимали арену политической жизни, а коммуны мало-помалу усвоили привычку видеть в них естественных защитников их общих интересов.

Так как они действительно великолепно выполнили задание, поставленное перед ними естественным ходом цивилизации, то коммуны, приняв за абсолютно верное то, что было верно лишь относительно, сочли за лучшее доверить им защиту интересов промышленности, когда они были призваны образовать Генеральные штаты 1789 г. Эта основная ошибка коммун, вытекавшая из их политического неведения, была главной причиной ложного направления, которое приняла революция с самого своего возникновения.

Коммуны должны были понять, что переходный период уже закончился или по меньшей мере достаточно подвинулся вперед, и что вследствие этого роль легистов и метафизиков уже сыграна, во всяком случае как главная роль.

Они должны были понять, что истинная цель революции состояла в образовании совершенно новой политической системы и что легисты и метафизики, все труды которых ограничивались лишь измышлением переходных форм, в силу этого были неспособны правильно руководить революцией; они

должны были сообразить, что выполнить это задание могли только наиболее способные ученые и промышленники; одним словом, они должны были выбрать себе советников из их среды.

Легисты же и метафизики, призванные, таким образом, к организации новой политической системы, могли только продолжать итти по своему постоянному, привычному пути; поэтому они занялись единственно установлением пространной системы гарантий для управляемых и сдержек для управляющих, не замечая, что силы, от которых они старались еще себя ограждать, уже почти исчезли.

Когда же у них явилось желание итти дальше, они бросились на основной вопрос о возможно лучшей власти и, неизменно верные своим обычным навыкам, решали его как вопрос юридический и метафизический. Ибо теория прав человека, служившая основой всей их деятельности в области общей политики, есть, действительно, не что иное, как применение высшей метафизики к высшей юриспруденции.

Бесполезно припоминать здесь абсурдные идеи, порожденные этим методом, и плачевные практические последствия, явившиеся его результатом. Как бы ни были пагубны эти последствия ложного пути легистов и метафизиков, задачам философии мало соответствовало бы упрекать их в этом: это был единственно свойственный им образ дей-

ствий, и его коренной недостаток заключался только в том, что он совершенно не был приспособлен к решению задач, которые были поставлены перед ними.

Вся ошибка, следовательно, заключается в конечном счете в действиях коммун, избравших себе представителей в классах, из которых они вовсе не должны были их брать. Мы избежали бы всех великих бедствий нашей революции, если бы промышленники, в ответ на благородный призыв королевской власти, избрали себе руководителей в собственной среде.

Простой здравый смысл руководит лучше, чем ложные научные построения. Если бы коммуны сами занялись рассмотрением своих интересов, они не были бы вовлечены в метафизические рассуждения о правах человека; они ограничились бы руководством своего собственного политического опыта. Точно так же, как они когда-то выкупали свою свободу, они выкупили бы тогда у военного сословия ту долю политических прав, которой оно продолжало пользоваться и которая тяготела над коммунами. Уничтожение феодализма произошло бы не насильственно, а в силу любовной сделки, и революция с самого своего возникновения получила бы характер мирной реформы.

Более того, она скоро бы и кончилась, ибо коммуны, хорошо зная, что соответствует их интересам, и руководствуясь только положительными идеями, вступили бы пря-

мо на путь новой политической системы, которая формировалась бы затем постепенно, в нормальном порядке, по мере выяснения идей.

Государь! Если я счел нужным остановиться на вышеизложенном, то вовсе не для выражения напрасных сожалений о прошлом, а потому, что ошибка, допущенная промышленниками в самом начале революции и сообщившая ей столь дурное направление, эта ошибка еще и теперь является главным препятствием к водворению устойчивого порядка вещей, согласного с интересами королевской власти и коммун.

Я глубоко убежден, что ваше величество не смогли бы оказать своей династии более существенной услуги, как употребив свое влияние на то, чтобы преодолеть политическую инертность промышленников и то упорство, с каким они предоставляют легистам и метафизикам защиту их общих интересов. Впрочем, наблюдение, на котором основан этот взгляд, верное относительно коммун, верно также (и на тех же самых основаниях) и относительно королевской власти.

Если при теперешнем политическом положении легисты и метафизики оказываются неспособными представлять общие интересы коммун, то они в равной степени и по той же причине неспособны и к службе в качестве советников королевской власти.

Объяснив направление, принятое революцией, я перехожу к указанию главных ре-

зультатов, к которым она привела до Реставрации.

Результаты революции, на которые прежде всего необходимо обратить внимание, в данном случае сводятся в светской области к уничтожению феодальных привилегий, к продаже дворянских и церковных имений и к появлению нового феодализма, в области же духовной — к торжественному установлению принципа свободы совести.

Пожалованная вашим величеством хартия⁷⁸ освятила затем эти результаты.

Продажа дворянских и церковных имений была актом насилия, независимым от естественного хода вещей, а образование нового феодализма явилось результатом того ложного направления, по которому пошла революция с самого своего возникновения. Что же касается уничтожения прежнего феодализма и установления религиозной свободы, то они уже совершенно не имели случайного характера. Они явились неизбежным следствием развития общества в течение всех предшествовавших веков, начиная с раскрепощения коммун и проникновения в Европу через посредство арабов положительных наук.

Эти результаты следует рассматривать только как естественное завершение процесса упадка прежней социальной системы, процесса, шедшего до тех пор медленно и постепенно.

Часто отмечали, что исполнение любого

крупного дела, какого бы характера оно ни было, почти всегда целиком приписывается тому, кто лишь последним приложил к нему руку, хотя он по существу способствовал его успеху лишь в самой малой степени. На совершенно таком же основании поверхностные умы приписывают разрушение прежней социальной системы французской революции. Однако весьма несложное размышление должно было бы предостеречь от столь очевидной ошибки, послужившей тем не менее источником множества неправильных суждений как со стороны поклонников революции, так и со стороны ее хулителей. Достаточно было спросить себя: каким чудом здание, построение которого требовало более чем шестисотлетних усилий и трудов всякого рода, могло быть разрушено в одно мгновение, если к тому же принять во внимание, что оно существовало без изменений в течение семи-восьми столетий?

Уничтожение феодализма, произведенное Учредительным собранием, было лишь упразднением остатка политической власти, который дворяне сохраняли еще за собой и который заключался в некоторых правах, не имевших сами по себе почти никакого значения, хотя и весьма тягостных для коммун. Ведь в действительности разложение феодального строя произошло в промежуток времени от Людовика Толстого до Людовика XI и от последнего до Людовика XIV.⁷⁹ Сравнительно с потерями фео-

дализма в продолжение всего этого времени совершенно не имеет значения то, что отняла у него революция.

Еще с большей очевидностью применимы эти мысли к духовной власти. Провозглашение принципа свободы совести, разрушающего в корне всякую теологическую власть, было лишь торжественным выражением того состояния умов, которое сложилось задолго до революции. Такое состояние умов явилось само по себе непосредственным результатом хода цивилизации, начиная с того времени, когда в Западной Европе стали развиваться положительные науки, в частности с открытия книгопечатания и с Реформации XVI в. Ход цивилизации сделал тогда неизбежным уничтожение теологической власти, как некогда было необходимо установление этой власти при Гильдебранде вследствие того морального состояния, в котором общество находилось в течение четырех или пяти веков до этого папы.

Таким образом, то, что сделала собственно революция, по своей важности не соответствует обычному представлению о ней. Эта эпоха была лишь заключительным периодом процесса падения старой социальной системы, процесса, совершавшегося в течение пяти-шести веков и к тому времени почти законченного. Ниспровержение этой системы не было ни следствием, ни еще менее целью революции; напротив, оно было ее настоящей причиной. Настоящей целью революции, той

целью, которую поставил перед ней ход цивилизации, было образование новой политической системы. И именно потому, что эта цель еще не достигнута, не закончена еще и революция.

Состояние моральной и политической неурядицы, в которое ввергнута в настоящее время Франция, а также другие страны Западной Европы, зависит исключительно от того, что старая социальная система разрушена, а новая еще не сформировалась. Этот кризис прекратится и порядок установится на прочной основе лишь тогда, когда с полной энергией начнется организация новой системы. Вот что показывает с полной очевидностью углубленное исследование непрерывного хода цивилизации от раскрепощения общин и введения арабами в Европу положительных наук и до наших дней.

Таково было положение вещей ко времени возвращения вашего величества,⁸⁰ с тех пор оно и не изменилось.

В обществе существовали две силы противоположного характера. Одни — дряхлые, немощные, не могущие служить точкой опоры, не способные уже долго держаться сами собой. Это — силы старого феодализма, с которым заодно действовало и духовенство, а также силы нового феодализма. * Другие, на-

---

* Я без колебаний причисляю к дряхлым силам также силы нового феодализма, несмотря на его недавнее появление.

против, возмужалые, всемогущие, поистине созидательные силы и в светской и в духовной области; они находятся среди промышленников, с одной стороны, и среди ученых и художников — с другой.

На этом основании план политических действий, который должны были составить министры вашего величества, выявляется сам собой. Он заключается в том, чтобы предоставить собственной судьбе (удовлетворяя интересы отдельных лиц) классы, осужденные ходом вещей на политическую смерть, и активизировать силы, ставшие преобладающими.

Что же делали министры вместо этого? На обе категории дворянства они смотрели как на классы, которые королевская власть долж-

---

Ведь ясно, что при современном состоянии цивилизации образование феодализма не может быть длительным ввиду полной его противоположности естественному ходу вещей. Усилия Бонапарта восстановить в XIX в. феодализм по тому же плану, как Хлодвиг,⁸¹ были в светской области подобны усилиям императора Юлиана⁸² восстановить в духовной области язычество в эпоху, когда проповедь христианства была в полном разгаре: они уже не могли иметь успеха.

Всякое противоестественное творение может иметь лишь мимолетное существование. Такова была римская республика во Франции по мысли наших демагогов, таков будет феодализм Бонапарта, столь же необоснованное создание революции. Этот феодализм исчез бы сам собой, если бы королевская власть, вместо того чтобы его поддерживать, нашла себе более твердую опору в прямой и тесной связи с коммунами.

на прежде всего стараться привязать к себе, заботясь только о том, чтобы при королевском покровительстве балансировать между ними, так что ни одна из них не могла считать себя ни устраненной, ни предпочитаемой. *

Этот план был совершенно негоден главным образом по двум соображениям; во-первых, он возлагал поддержку королевской власти на силы, которые не имели никакого реального значения, которые сами получали от королевской власти все свое призрачное существование и поэтому были для нее настоящим бременем, а отнюдь не какой-либо опорой; во-вторых, возлагая на коммуны поддержку обеих групп феодалов, план неизбежно устанавливал чрезвычайно обременительную систему управления с постоянно возрастающими расходами, систему, которая все больше и больше настраивала коммуны против королевской власти.

Таким образом, этот план действий лишал влияния и денег истинных друзей королевской власти, чтобы наделять ими ее действительных врагов.

---

* Эта система балансирования, подвергавшаяся резонной критике со стороны обеих заинтересованных частей дворянства, была, конечно, лучше и для королевской власти и для коммун, чем безусловная и исключительная связь с какой-либо одной из них. Раз уж был принят совершенно негодный план дать трону опору в интересах, чуждых коммунам, то эта система была единственным средством поддержать его некоторое время.

Причина какого-либо заблуждения чаще всего кроется не в дурных намерениях или в неспособности, а обычно в недостатке понимания фактов, которые должны служить основой суждения, или в плохом их подборе. Такова была, осмеливаюсь думать, причина, приведшая министров вашего величества к принятию столь порочной системы.

Четыре ошибки фактического характера, кажется мне, привели их к теоретическим заблуждениям.

Во-первых, я не сомневаюсь, что министры искренне думали, что обе группы дворянства были классами, имеющими наибольший вес в государстве, что они обладали наибольшей политической силой. Ничего не было естественнее такого убеждения, как бы плохо оно ни было обосновано. Только глубокое изучение хода цивилизации на протяжении пяти-шести веков могло уберечь от этой политической иллюзии, а между тем до настоящего времени лишь очень немногие государственные деятели и публицисты понимали необходимость такого изучения. Как было уберечься без этого изучения от ошибочного представления о действительном состоянии общества? Все обстоятельства, которые могут его маскировать, в настоящее время уже выяснены. С одной стороны, обе группы дворянства и их клиентура образуют две организованные партии, весьма активные, в которых подвизаются завербованные ими, как главные агенты той или другой партии,

почти все законоведы, т. е. почти все те, которые говорят и пишут теперь по политическим вопросам. Как может в результате этого не получиться внушительное впечатление о силе этих партий?

С другой стороны, ни промышленники, ни даже ученые политически не организованы. Они не проявляют никакой активности в области своих общих интересов. Они совсем ими не заняты, если не считать их жалоб, когда они оказываются в слишком большом угнетении и не доходят до источника болезни, чтобы найти лекарство. У них нет блестящих и шумливых адвокатов, их представители в палатах составляют очень незначительное меньшинство и притом не образуют там какой-либо отдельной партии. По этим двум общим причинам указанных заблуждений совершенно невозможно не ошибиться в оценке действительной силы двух групп феодалов по сравнению с силой коммун.

Если не усвоена привычка обосновывать всякие политические суждения рядом исторических фактов, отмечающих ход цивилизации со времени освобождения общин, ошибки неизбежны.

Во-вторых, министры вашего величества, несомненно, полагали, что весьма сильной опорой можно считать силу духовенства. Это еще одна иллюзия, причину которой очень легко показать.

Моральные идеи до настоящего времени были основаны на учениях духовенства. Уче-

ные еще не внедряли, даже не начинали создания позитивной системы морали, которая, не отбрасывая устойчивого и благотельного действия высоких религиозных верований, была бы все же независимой. При смутном понимании такого положения вещей наиболее выдающиеся умы прошлого века, как Монтескье и Руссо, сурово осуждали опрометчивую, безрассудную дерзость, с которой поверхностные философы оскорбляли и высмеивали религиозные идеи, эту основу всякой морали.

Такое мудрое отношение в настоящее время стало всеобщим сначала среди ученых, а затем среди промышленников, потому что опыт все более и более заставлял чувствовать потребность в моральных идеях, а следовательно, и в поддерживающих их основах.

Современное поколение искоренило в наших книгах и в обществе этот непристойный, насмешливый тон в отношении религиозных верований, которым хвасталось предыдущее поколение. Этот тон теперь почти всюду подвергается осуждению, даже в салонах наших бездельников; он считается признаком дурного вкуса. Вместо него водворилось общее чувство уважения к религиозным идеям, основанное на убеждении в их настоящей необходимости. Если не приучить свой ум к тщательнейшим наблюдениям хода развития человеческого разума, начиная от введения арабами в Европу положительных наук, то это чувство легко принять за действительную веру или по крайней мере за склонность к

восстановлению верований в их прежней силе. Но у тех, которым этот ход развития известен, не остается сомнения, что учения духовенства потеряли всю свою силу, что они уж больше не могут быть опорой королевской власти, что они не могут уже служить основой для морали, хотя ученые еще не построили мораль на новых основаниях.

Такое положение вещей неизбежно будет очень кратковременно; когда оно прекратится, то все влияние, которым пользуется еще духовенство, исчезнет навсегда.

В-третьих, министры вашего величества, вероятно, полагали, что старое дворянство очень предано королевской власти, а новое вследствие благодеяний короля очень скоро станет также преданным ей.

Они, несомненно, не ошиблись в отношении многих отдельных почтенных лиц из той и другой категории дворянства, у которых уважение, с одной стороны, и признательность — с другой, достаточно сильны, чтобы руководить личными интересами. Но так нельзя судить о массах. Опыт достаточно показал, что старое дворянство в общем считало своей целью восстановление своих привилегий и своих богатств и, если возможно, то даже такого режима, при котором король является только *primus inter pares*;⁹⁹ оно смотрело на покровительство короля как на средство достигнуть этой цели, чему и были подчинены его преданность и повиновение. Это абсурдное предположение министров не имеет места в действительности.

Что же касается бонапартовского дворянства, то оно вообще считало милости короля его долгом; оно весьма неприязненно смотрело на конкуренцию старого дворянства; государственные должности оно считало своей естественной и законной собственностью; оно будет чувствовать себя обеспеченным в обладании своими титулами и богатствами лишь тогда, когда возведет на трон короля по своему образцу. Теперь в этом уже убеждены все рассудительные и беспристрастные наблюдатели, хотя и не говорят об этом громко.

Наконец, министры опасаются, может быть, что общины мало преданы королевской власти вообще и Бурбонскому дому в частности. Эти опасения совершенно призрачны. Промышленники и ученые глубоко сознают, что королевская власть, в частности власть Бурбонов, нуждается в поддержании мира и порядка,— того, в чем они сами по своему социальному положению больше всего заинтересованы. Они любят Бурбонский дом. Они помнят все услуги, которые он оказал делу общин со времени их освобождения, надеясь и веря, что он не оставит этого дела. Они в ужасе от деспотизма Бонапарта и его сообщников, всю тяжесть которого они испытали; они видят, что произвол возрождается и приобретает силу, вместо того чтобы потерять ее с переходом власти в новые руки. Одним словом, они являются естественной опорой трона вашего величества.

Из всего вышесказанного следует, ваше величество, что политический план, проводимый

министрами вашего величества, начиная с реставрации, не только невыгоден сам по себе, но что и ни один из мотивов, которые можно привести в его пользу, не имеет никакого реального основания. Министры должны оставить этот план, а в таком случае остается выбрать один из следующих путей: или вступить в тесный союз с одной из двух категорий дворянства, пожертвовав другой, или же искренне объединиться с общинами, отказавшись от обеих категорий дворянства.

Мне кажется, я доказал, ваше величество, что ни одна из обеих категорий дворянства не может служить опорой вашему трону. Так же бесспорно по-моему и то, что ясно выраженное желание общин закончить революцию установлением новой политической системы, основанной на промышленности — как новом светском элементе, и на опытных науках — как новом духовном элементе, что это желание, говорю я, неминуемо осуществится вопреки всем препонам и усилиям всех партий, так как это есть конечный результат всего прогресса цивилизации в течение последних шестисот лет и, можно даже сказать, с самого ее возникновения.

Таким образом, чтобы принять план действий на длительное время, не следовало бы ни минуты колебаться между двумя указанными мною путями. Первый путь мог бы рассчитывать лишь на весьма мимолетный успех, между тем как для утверждения трона вашего величества на прочной основе есть,

как в этом легко убедиться, чрезвычайно простое и вместе с тем наиболее верное и прямое средство, это — искренний и решительный союз с общинами.

Для этого достаточно сравнить вероятные последствия каждого из намеченных мною предположений.

Если бы министры опирались исключительно на какую-нибудь одну категорию дворянства и, следовательно, принесли бы общины в жертву ее жадности, то по всем вероятностям произошло бы одно из двух:

если это старое дворянство, то новое, обманутое в своих притязаниях, стремилось бы открыто и со всей своей силой опрокинуть трон вашего величества и, может быть, достигло бы этого, потому что общины, которые только и могли бы этому помешать, в этом случае слабо противились бы ему;

если бы, наоборот, министры опирались только на новое дворянство, то оно, вероятно, воспользовалось бы этим, чтобы более уверенно выступить против вашей августейшей династии.

Нет сомнения, что тому и другому следовало бы предпочесть систему балансирования, коренной недостаток которой я все же, мне думается, доказал.

Но если ваше величество, предоставив обе категории дворянства их неизбежной судьбе, заключит союз со своими верными общинами, прочность вашего трона была бы обеспечена навсегда, потому что даже чисто пассивное сопротивление общин предотвратило

бы малейшие покушения обеих категорий бессильного дворянства.

Разумеется, ваше величество должно было бы примириться с уменьшением гражданского листа, как и власти министерства и его агентов в связи с упразднением большого числа статей расходов и должностей, бесполезных и обременительных для общин, одним словом, королевство утратило бы последние черты феодализма и приобрело бы общинный характер. Но зато уверенность в совершенно спокойном пользовании властью, в передаче обладания ею августейшей династии, не опасаясь уже никаких распрей со стороны людей честолюбивых, слава законодателя и вечного благодетеля Франции и всех цивилизованных народов благодаря созданию новой политической системы — все это, несомненно, вполне достаточно вознаградило бы ваше величество за умаление власти, которое не может быть оскорбительным, поскольку она весьма относительно или захвачена насилием.

Впрочем, речь в сущности вовсе не идет о каком-либо совершенно новом пути, речь идет только о возврате к пути, принятому наиболее знаменитыми предками вашего величества, которые всегда были в союзе с общинами, в частности, о верности линии, начертанной вашим августейшим братом, когда он предоставил общинам двойное представительство в Генеральных штатах.

Ваше величество!

Упразднить обе категории дворянства, составить избирательный корпус из промышлен-

ников и направить путем премирования труды ученых к основным политическим вопросам — вот бесспорные и решительные средства завязать неразрывный союз с общинами.

Наибольшим, даже единственным препятствием, которое вашему величеству при этом пришлось бы преодолеть, явилась бы политическая апатия промышленников, их чрезмерная неуверенность в своем образовании и в своей политической способности, их слишком большое доверие к легистам и метафизикам. Но мудрая настойчивость вашего величества и поощряемая вами деятельность ученых очень скоро преодолели бы это затруднение. Внушением промышленникам справедливого чувства собственного достоинства и правильного представления о своем политическом значении им был бы тотчас же дан импульс к деятельности, единственное условие, которого им нехватает, чтобы возвыситься до роли, предназначаемой им в настоящее время ходом цивилизации.

Таковы, ваше величество, мысли, высказанные со всей откровенностью и честностью и внушенные желанием упрочения королевской власти в руках вашей августейшей династии.
вашему верноподданному.

4. ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Господа! Страсть, которая вас воодушевляет,— божественного происхождения. Она дает вам место в первом ряду христиан, она дает

вам право и налагает на вас обязанность бороться с дурными страстями, с народами и царями, поддающимися этим страстям.

Ваши предшественники положили начало социальной организации человеческого рода, — ваше дело завершить это святое начинание. Первые христиане создали основу всеобщей морали, провозгласив и в хижинах и в дворцах божественный принцип: все люди должны видеть друг в друге братьев, должны любить и помогать друг другу. Они придумали учение, согласное с этим принципом, но это учение получило у них абстрактный характер, и на вашу долю выпадает честь организовать светскую власть в согласии с этой божественной аксиомой. Вы были извечно предназначены к тому, чтобы доказывать государям, что их интересы и их долг предписывают им дать своим подданным конституцию, ведущую непосредственно к улучшению социального положения наиболее многочисленного класса; вы были предназначены к тому, чтобы побудить этих вождей народов подчинять свою политику основному принципу христианской морали.

Это вы спасли человеческий род от вырождения после крушения Римской империи. Теперь обстоятельства сложились так же (поскольку это возможно при ином состоянии цивилизации): одинаковые причины вызывают сходные следствия. Господа, вы должны последовать примеру своих предшественников, вы должны развить одинаковую с ними энер-

гию. Они основали христианскую религию, а вы должны преобразовать ее; вы должны завершить организацию моральной системы, вы должны подчинить ей светскую власть.

Господа, отдадим себе отчет в состоянии современного общества. Обратим наше внимание сначала на Францию и начнем с исследования того положения, в каком находятся ее основные учреждения, т. е. духовенство, королевская власть и судебная власть.

Французское духовенство — часть христианского духовенства; значит, оно получило от своего божественного основателя задание неустанно защищать дело бедных и непрерывно трудиться над улучшением в физическом и моральном отношении участи этого последнего класса общества. Однако на самом деле оно настолько забыло о своем божественном призвании, что теперь его единственным занятием является проповедь народу беспрекословного повиновения владыкам земли; оно не тратит больше своих усилий на то, чтобы смело напоминать князьям и их придворным о возлагаемых на них религией обязанностях по отношению к народу.

Во Франции, как и во всей Европе, королевская власть была сначала варварским учреждением, т. е. учреждением, которое основали во Франции варварские народы, прогнавшие римлян. Но короли Франции изменили природу этого учреждения, сначала, когда они приняли христианскую религию, в особенности же, когда они присвоили себе титул «короля божьей милостью». Принимая

этот христианский титул, они, очевидно, брали на себя обязательство неустанно трудиться над улучшением участи наиболее многочисленного класса своих подданных, но королевская власть, конечно, совершенно забывает это свое обязательство всякий раз, когда подчиняется духовенству и дворянству, этим настоящим кровопийцам народа.

Если мы, наконец, рассмотрим судебную власть, то мы должны будем признать, с одной стороны, что обязанность христианских судей состоит в улаживании споров между отдельными людьми, а главное — в защите их от всяких произвольных действий правителей, с другой стороны, что они в настоящий момент поставили себе, кажется, целью установить власть произвола во всей ее полноте.

Из всего сказанного я совсем не хочу заключить, что все духовные, все министры и все судьи проникнуты дурными намерениями; я, наоборот, убежден в том, что почти все они действуют добросовестно: они делают зло, но стремятся делать добро, я даже убежден, что большинство из них изменит свое поведение, когда им станет известно, каким оно должно быть

Вы видите, господа, что политическое положение Франции в настоящее время очень прискорбно: высокая власть, христианская обязанность которой трудиться неустанно и всесторонне над улучшением участи народа, наоборот, употребляет вверенную ей силу на

то, чтобы установить порядок вещей, служащий всецело к выгоде управляющих и к ущербу управляемых.

Мы должны установить еще другое очень важное положение, а именно, что политическое зло, причиняемое французам плохим руководством их правителей и плохим применением государственной власти, не является их единственной бедой; они испытывают еще другую беду, являющуюся следствием страсти к завоеваниям, в которую их вовлек Бонапарт.

Всякий народ, стремящийся к завоеваниям, должен разжигать в себе дурные страсти, он должен больше всего уважать людей жестокого характера, как и людей наиболее коварных. Пока люди, обладающие этими вредными качествами, проявляют свою деятельность в чужих краях, мирные граждане, остающиеся в своем отечестве, сохраняют национальный характер, не отступая совсем от своего достоинства и благородства. Но как только внешнее сопротивление превышает силу экспансии, результаты коварства и жестокости проявляются внутри страны. Жадность до этого была национальным чувством и испытывалась гражданами только коллективно, — теперь она становится господствующим чувством каждого человека; эгоизм, эта гангрена человеческого рода, поражает все политическое тело и становится общей болезнью всех классов общества.

В начале своей революции французы (когда подверглись натиску европейского феодализма

ма) дали торжественное обещание воевать только для защиты своей территории; они обязались также относиться к другим народам как к братьям и вместе с ними бороться против устарелых учреждений, тяготевших над Европой, несмотря на успехи просвещения.

Эта политика французов была честна, она была мудра, она была самая выгодная, какую они только могли принять, она была истинно христианская. Они должны были сохранить ее, но, к своему несчастью, они ее изменили. Они поддались убеждениям коварных людей, что имеют право на возмещение ущерба, и не обратили внимания на то, что возмещение они могут получить только за счет народов, так как все богатства производятся народами.

Французы вступили в войну с простым намерением обороняться, но они не замедлили превратить войну в предмет спекуляции, и это антихристианское их поведение вскоре вызвало образование лиги народов и королей для борьбы с ними. Дважды они испытывали оккупацию большей части своей территории и захват своей столицы. И, наконец, запертые в своих границах, они должны были в течение шести лет расплачиваться за то уважение, какое они оказывали во время завоеваний своим войскам и чиновникам, служившим Бонапарту главным образом для того, чтобы доставить ему пушечное мясо.

Господа, Францию поражает еще третья

политическая язва, и причиной этой третьей болезни является преобладание, которое она предоставляет метафизикам.

Метафизика оказала французам большие услуги, она много содействовала прогрессу цивилизации, начиная с освобождения общин и до 1789 г. Но с начала социального кризиса, в который вовлечена Франция и вся Европа, она постоянно служила и служит еще и теперь самым крупным препятствием к восстановлению спокойствия путем водворения устойчивого порядка, т. е. порядка, соответствующего состоянию просвещения.

В период от освобождения общин до начала революции метафизика спутала все понятия, она заглушила голос здравого смысла и создавала род ублюдочной политической доктрины, ослепившей глаза духовенству и дворянству; этим она оказала важную услугу ученым и промышленникам.

Ублюдочная и нелепая доктрина, сочиненная метафизиками, образовала как бы прикрытие против дворянства и духовенства, — прикрытие, под защитой которого могли спокойно трудиться промышленники и ученые, занятые изучением опытных наук. Под защитой этого прикрытия промышленность и положительные науки приобрели достаточные силы для успешной борьбы с духовенством и дворянством. Нет сомнения, что духовенство и главари дворянства, если бы метафизики не отвлекли их внимания в другую сторону и не заставили их потерять из

виду путь, по которому им следовало идти в их собственных интересах, сделали бы изложенные ниже выводы.

Дворянство должно было бы рассуждать так: если разовьется промышленность, то мир станет более цивилизованным, войны станут реже, уменьшится значение воинов, и руководители мирных работ станут в конце концов первым классом общества.

Придя к этому выводу, главари дворянства помешали бы расцвету промышленности, а они тогда имели для этого полную возможность и все средства.

С другой стороны, богословы должны были бы сказать себе: если мы допустим образование корпорации ученых, трудящихся над тем, чтобы все наши знания были основаны на опыте, то с необходимостью наступит время, когда богословие потеряет всякий авторитет, когда люди вернутся к чистой религии и заставят всех государственных чиновников руководиться в своем поведении принципом: «все люди должны видеть друг в друге братьев, должны любить друг друга и помогать друг другу».

Придя к этому выводу, духовенство, располагавшее тогда властью и необходимыми средствами, сделало бы невозможным прогресс астрономии, физики, химии и физиологии.

К счастью для нас, благодаря метафизикам произошло то, что, с одной стороны,

ученые, посвятившие себя опытным наукам, приобрели больше положительных знаний, чем духовенство, и бóльшую способность применять правила божественной морали, а с другой — промышленники своими трудами приобрели больше богатств, чем дворянство, и получили большее влияние на народ. Таким образом, политическая сила перешла из одних рук в другие, и стало противоестественным и недопустимым, чтобы управление государственными делами оставалось в руках духовенства и дворянства.

Революция стала неизбежной, но эта революция быстро достигла бы своей цели, если бы в нее не пожелали вмешаться метафизики. Метафизики оказали крупную услугу обществу, подготавливая кризис, но они причинили ему большое зло, захотев руководить им; так же, как дворянство и духовенство, они продолжали трудиться несоответственно потребностям общества.

Предположим на момент, что палата депутатов состоит только из двух классов: с одной стороны, из дворян и чиновников, занятых в управлении государством, и с другой — из промышленников и лиц, труды которых содействуют непосредственно успехам промышленности; все судьи, адвокаты и другие юристы были бы исключены. В этом случае между обеими партиями с необходимостью установился бы свободный и деловой обмен мнениями. Предметом этого обмена мнениями был бы вопрос о том, должна ли

нация быть организованной в интересах военных, праздных богачей и государственных чиновников или же в интересах производителей; не надо было бы долго ожидать результатов этой дискуссии и сомневаться в ее исходе: громадное большинство нации, живущее трудами своих рук, высказалось бы в пользу производителей, и в интересах короля было бы, очевидно, присоединиться к этому мнению и подчинить ему поведение своих министров.

В этом случае политика стала бы простой вещью, она стала бы положительной. Можно было бы приступить к установлению порядка вещей, соответствующего состоянию просвещения, можно было бы составить первую статью единственной конституции, которая может стать прочной. Эта статья гласила бы:

Целью политической ассоциации французов служит благосостояние при помощи мирного и действительно полезного труда.

Непосредственным следствием этой первой статьи было бы то, что руководители наиболее важных мирных работ получили бы наивысшее влияние в управлении государственными делами.

Таким образом, принятие этой одной статьи закончило бы борьбу, которая идет около тридцати лет между духовенством и дворянством, с одной стороны, и промышленниками и учеными — с другой.

Господа, мне остается вам доказать, что

окончанию этой борьбы мешают юристы, что именно они мешают принятию этой основной статьи конституции и проведению в жизнь вытекающих из нее следствий. Это доказательство, господа, опирается на следующий общеизвестный факт.

Юристы образуют большинство в министерствах и в государственном совете; они дают главарей трем существующим партиям, они руководят «ультра»,⁸³ они составляют планы как для либералов, так и для сторонников правительства. Таким образом, они проводят все дела современной политики.

Я имел, следовательно, основание сказать, что преобладание юристов, этих метафизиков в политике, являлось одной из социальных болезней, от которых страдает Франция в настоящий момент.

Господа, резюмируя этот обзор социального положения французов, мы найдем, что их одновременно терзают три ясно различимые политические болезни:

1. Три основные власти, на которых покоится социальная организация этой нации, руководятся ошибочными учениями, не ставящими уже себе цели улучшения участи последнего и самого многочисленного класса общества; те, в чьих руках находится применение этой власти, забыли великий принцип морали, которому должны подчиняться все политические комбинации.

2. Вся нация в целом отдалась страсти к завоеваниям; и управляемые, и правящие

находятся в данный момент во власти эгоизма, который является неизбежным результатом стремлений к неправому господству над другими народами и моральных привычек, приобретенных во время военных успехов.

Из того, что среди управляемых господствует эгоизм, вытекает невозможность создать достаточно твердое общественное мнение, чтобы принудить правителей вернуться на путь морали, завещанной христианской религией.

3. Как над управляемыми, так и над правящими всех категорий и всех направлений господствуют, ими руководят в данный момент политические метафизики, получившие образование в школах, где преподают своды законов, установленные в эпоху варварства, невежества и суеверия; отсюда вытекает невозможность свободного обмена мнениями по вполне определенным вопросам; таким образом, при современном положении дела неизбежно, чтобы в голове короля и в уме народа создалось определенное мнение о мерах, необходимых для завершения революции.

Господа, станем теперь на более широкую точку зрения и рассмотрим положение Европы.

В продолжение нескольких веков, именно, от установления феодализма до реформации Лютера, обитатели Центральной и Западной

Европы были организованы в двух отношениях:

1. Они все были подчинены феодальному режиму.

2. Они имели одну религию, и общее их духовенство было подчинено одному главе и одному главному штабу, поставленным в независимое положение относительно отдельных национальных правительств.

Таким образом, обитатели Центральной и Западной Европы повиновались одной духовной власти и подобным же светским властям.

Дезорганизация европейского общества со времени реформации Лютера произошла последовательно в двух направлениях:

1. Феодальный режим потерял свою чистоту сначала в Англии, затем последовательно во Франции, Бельгии, Испании, Португалии, в Неаполе и в нескольких государствах Германии.

2. Христианская религия раскололась на четыре толка: католический, лютеранский, кальвинистский и англиканский.

Дезорганизация европейского общества была, наконец, завершена образованием Священного союза, ибо Священный союз, составленный из светских глав важнейших наций, поставил себя над главами различных толков христианской религии. Таким образом, независимость духовной власти была совершенно уничтожена; таким образом, в дей-

ствительности нет больше демаркационной линии, отделяющей светскую власть от духовной; таким образом, наконец, духовная власть выступает как власть, подчиненная светской власти, агентом которой она согласилась быть.

Я полагаю, что этого краткого очерка состояния Европы достаточно, чтобы убедить вас, господа, в том, что современное положение вещей противоестественно и не может дальше продолжаться.

Этого очерка, наконец, достаточно, чтобы убедить вас в том, что современный кризис не является особенностью Франции, что это общий кризис всей Европы, что французский народ нельзя рассматривать и лечить отдельно, что средства, которые могут исцелить Францию, должны быть применимы ко всей Европе, так как Франция до известной степени зависит от своих соседей, и ее положение устанавливает известного рода политическую солидарность между нею и другими народами континента.

Как же, господа, исцелить политический организм Европы? Как восстановить спокойствие на континенте? Как установить прочный политический порядок? Вот в сущности вопрос, который я хочу исследовать вместе с вами. Предмет этот слишком обширен, чтобы исчерпать его в одном исследовании. Но очерк, который я вам представляю, надеюсь, будет заключать в себе наиболее важные положения. Его будет достаточно для того,

чтобы указать направление, а по мере того как мы будем подвигаться вперед, мы будем яснее видеть и цель.

Господа! Итальянцы, французы, англичане и испанцы, так же как и другие народы, покоренные римскими легионами, испытали уже социальный кризис, подобный тому, который Европа переживает в данный момент.

Этот первый кризис был даже более жестоким и более опасным, потому что он произошел в то время, когда цивилизация была еще мало развита, когда у разных наций, испытывавших его, не существовало никакого общего принципа. Он произошел во время падения Римской империи.

Все народы, подчиненные этой империи, были поражены теми тремя политическими болезнями, которые я описал в начале моего обращения.

Их учреждения устарели, перестали соответствовать состоянию просвещения, действовали против интересов народов. Цицерон не представлял себе, чтобы два авгура могли смотреть друг на друга без смеха: сенат был унижен, первую роль играли римские всадники, они управляли государственными делами, они же обогащались на счет народа, будучи агентами фиска.

Эгоизм овладел всеми классами общества, чувства чести и патриотизма уступили место самой ненасытной жадности. На общие интересы не обращали никакого внимания, вме-

сто любви к отечеству народ был охвачен страстью к празднествам и зрелищам. Никто не занимался больше никакими положительными делами в общественных интересах; учителями политики стали метафизики; они обращали внимание на пустые предметы, имевшие только второстепенный интерес.

Итак, господа, человечество шло прямо к своему упадку вследствие плохого применения приобретенных знаний. Несчастья просвещенной части его были значительно усугублены непрерывными нашествиями варварских народов, кровожадный характер которых соединялся с развращенными нравами римлян.

Каким образом цивилизация поднялась после этого падения? Каким образом установился тот порядок вещей, которому мы обязаны всем последующим прогрессом? Вот исторические факты, на которых вы должны в данный момент сосредоточить все свое внимание, потому что только изучение этих фактов может привести вас к открытию средств, чтобы выйти со славою из современного политического кризиса.

Господа, в ту эпоху, когда Римская империя падала и разлагалась, бог открыл обитателям Иудеи принцип морали, который должен был послужить основой всех общественных отношений и руководить поведением всех христиан. Он сказал: все люди должны смотреть друг на друга, как на братьев, они должны

любить друг друга и помогать друг другу.

Слово божие наэлектризовало ваших предков, оно вдохновило их до такой степени, что каждый из них, как только узнавал божественное откровение, оставлял свои личные дела, отказывался от начатых предприятий и задуманных планов для того, чтобы бороться с верой во многих богов, доказывая ее нелепость, чтобы бороться с эгоизмом, доказывая, что необходимым следствием этой страсти явится, в конце концов, разложение общества, чтобы бороться со склонностью к метафизическим идеям, доказывая, что они научают принимать слова за дела и мешают людям направить свое внимание на цель, к которой они должны стремиться.

Поведение этих первых христиан достойно восхищения во всех отношениях: они преодолели самые крупные препятствия, какие вставали когда-либо перед людьми; они выполнили самое трудное задание, какое когда-либо ставилось; они превзошли всех античных героев храбростью, стойкостью так же, как проницательностью; они составили катехизис, книгу, наиболее ценную из всех, когда-либо опубликованных. Я говорю не о том катехизисе, по которому обучают теперь иезуиты, а о том первоначальном катехизисе, который давал разумный анализ человеческих поступков и делил страсти на два больших класса: на полезных ближнему и на вредных ему.

Господа, поведение этих первых христиан должно служить нам образцом. Нам предстоит завершить то, что они начали. На нас возложена славная задача применить в политической практике учение, которое они могли создать лишь в отвлеченном виде. Наша миссия состоит в том, чтобы вручить духовную власть людям, наиболее способным научить ближних тому, что им полезно знать, а светскую власть поручить тем сильным людям, которые наиболее заинтересованы в поддержании мира и в улучшении положения народа.

Существенное условие успеха нашего святого начинания — этого мы никогда не должны терять из виду — это то, что единственным средством, дозволенным нам для достижения нашей цели, является убеждение. Пусть нас преследуют, как и первых христиан, но нам совершенно невозможно действовать физической силой.

Господа, начиная от основания христианства, труды наших предшественников имели всегда одну и ту же цель (социальную организацию человечества), один и тот же характер (бескорыстие), но они не всегда имели один и тот же вид: припомним вкратце их историю и бросим в то же время общий взгляд на развитие христианского общества.

При возникновении христианства и в продолжение первого времени его существования громадное большинство населения стран, где

оно было принято, было погружено в такое состояние невежества, что невозможно было думать об отмене рабства; таким образом, политическая деятельность друзей человечества в этот период была чрезвычайно ограничена, светская власть должна была по необходимости иметь в таких условиях характер полного произвола.

Первая задача ваших предшественников была выполнена, когда они побудили императора Константина признать существование духовной христианской власти, пекущейся о наставлении в божественной морали; этой морали должны были подчиняться, с ней должны были сообразоваться все люди, какого бы ранга они ни были.

После того как этот успех был достигнут, рвение друзей человечества к деятельности, направленной непосредственно к организации общества, должно было уменьшиться, ибо друзья человечества, воодушевленные самой благородной страстью, все же подчинены законам, управляющим всеми людьми страсти.

Согласно этим законам такие люди способны развить всю свою энергию только тогда, когда имеют перед собой ясно осознанную цель; опасности только увеличивают их рвение и жар, но на них не приходится рассчитывать при выполнении подготовительных работ для нужд общества.

Итак, вторая эпоха христианского общества началась в V в., после обращения

Константина. Она продолжалась до конца крестовых походов в XIII в.

В течение этой второй эпохи христиане были заняты деятельностью двоякого рода: одни трудились, чтобы сохранить общество в целости, а другие — чтобы оно было организовано.

Христианскому обществу угрожали саксы, сарацины и норманны. Христианство было бы уничтожено по меньшей мере на много веков, если бы эти народы, стремившиеся к завоеваниям, достигли успеха в своих планах. В течение этой эпохи друзья человечества должны были посвятить себя военному делу, что они и выполнили. Так как нельзя заниматься двумя делами сразу, то они работу по обучению морали и по организации общества предоставили духовенству, т. е. наемникам, занимавшимся этим ремеслом по своему положению. Отсюда должно было вытекать и на самом деле вытекало то, что война велась хорошо, а общественная организация, данная христианскому обществу, не была свободолюбивой.

Работа этой эпохи до сих пор оценивалась очень низко. Философы XVIII в. подняли большой шум против крестовых походов и были в этом неправы. Когда римляне захотели отделаться от карфагенян, они перенесли войну к ним. Сарацины непрерывно возобновляли бы свои нападения на Европу, если бы крестоносцы не перенесли войны к ним и не

вели ее долгое время. Этот народ был фанатизирован Магометом, сделавшим его неспособным к христианской морали на много веков.

Приходится только пожалеть, что друзья человечества не взялись сами за организацию христианского общества, ибо в таком случае эта организация носила бы печать их бескорыстия, но, повторяю, это было невозможно, так как в течение всего этого времени они были заняты деятельностью, необходимой для сохранения общества. Более того: хотя христианское общество было организовано гораздо хуже, чем могло быть, хотя оно было глубоко пропитано свойственной духовенству жадностью, все же оно в XIII в. стояло выше всех человеческих обществ, существовавших до этого времени. Христианская политическая корпорация была связана крепче, чем Римская республика и империя во все времена.

Я перехожу к обзору третьей эпохи, начавшейся в XIII в. и закончившейся в 1789 г.

В течение этой третьей эпохи произошли крупные события троякого рода; все они заслуживают вашего внимания.

Когда христиане закончили длительные войны с саксами, сарацинами и норманнами, когда успехи, достигнутые ими в борьбе с этими народами, единственными, которых они должны были бояться, укрепили их положение, социальная организация, которую они дали своей светской власти, оказалась уже

для них не подходящей. Она носила по существу военный характер, между тем как им нужны были мирные учреждения, ибо они должны были посвятить себя теперь мирной деятельности.

После того как благодаря повсеместной проповеди духовенства все обитатели Европы были обращены в христианство и усвоили тот принцип, что все народы и все люди должны содействовать общему благосостоянию человеческого рода, духовная власть должна была уменьшить число своих представителей, чтобы стать меньшей обузой для народа. Она должна была бы заняться главным образом изучением и совершенствованием положительных наук, обучать людей полезным знаниям для выполнения мирных работ.

Друзья человечества этой эпохи глубоко почувствовали эти истины и с конца XIII в. посвятили себя, с одной стороны, изучению законов, управляющих явлениями, а с другой — промышленной деятельности, посредством которой произведения природы перерабатываются для удовлетворения человеческих потребностей.

Вот какова была та чрезвычайно полезная деятельность, которой посвятили себя христиане в течение третьего периода христианства.

В продолжение всей этой эпохи дворянство и духовенство были почти исключительно за-

няты защитой от народа полученной ими власти, хотя применение этой власти ввиду изменившихся обстоятельств стало в значительной своей части скорее вредным, чем полезным обществу. Вот в чем состоял второй род деятельности, на который я хотел обратить ваше внимание.

Последовательное падение в течение всей этой эпохи духовной и светской власти, несмотря на все их усилия удержаться и на громадные средства, находившиеся в их распоряжении, служит новым доказательством того, что бог осуждает на уничтожение социальные учреждения, которые становятся вредными человечеству.

Третье заслуживающее внимания событие этой эпохи — это образование третьей политической власти, установление судебной власти. Третий род деятельности, заслуживающий нашего внимания, — это деятельность легистов.

Легисты были заняты определением различных прав; они создали поэтому каноническое право, международное право, феодальные права, уголовное право, гражданское право и т. д. Их труды оказали, конечно, услугу, но нельзя скрывать от себя, что они были поражены коренным пороком. Этот порок объясняется тем, что их деятельность протекала в эпоху, когда основные учреждения уже устарели и не соответствовали общественным потребностям, когда подвизавшиеся в

них представители духовной и светской власти пользовались правами, не принадлежавшими им по закону.

Я не считаю более нужным распространяться об этой третьей эпохе и перехожу к четвертой.

Но прежде чем говорить по существу, я вас прошу заметить, что эта эпоха отличается особым характером, придающим ей в наших глазах гораздо больше значения, чем всем другим эпохам; она нас интересует больше всего, она — единственная, имеющая для нас непосредственный интерес.

Господа! То, что произошло после 1789 г., послужило введением к этой четвертой эпохе, которая на самом деле едва лишь началась; ее начало относится к тому моменту, когда вследствие изменений, происшедших в Испании, Португалии, Италии и части Германии, среди большей части европейских народов возникло движение, имеющее своей целью преобразование общества.

Франция не могла быть преобразована изолированно, она не имеет особой, свойственной лишь одной ей морали. Она является только одним из членов европейского общества; у нее и ее соседей существует несомненная общность политических принципов. Одним словом, самым значительным моральным результатом французской революции было то, что она вызвала стремление к совершенствованию, которое проявляется теперь во всей Европе.

Я буду далее говорить с вами о будущем: судите меня строго, но не судите меня легкомысленно. В начале этого обращения я сравнил теперешнее положение с положением, в котором находилось общество в эпоху падения Римской империи. Затем я сделал краткий обзор хода цивилизации от основания христианства до сего дня; без сомнения, высказанные здесь мысли очень важны, они имеют для нас ценность в двух отношениях, но все же они имеют только второстепенный интерес. Вы должны их рассматривать, с одной стороны, как предварительные замечания, а с другой — как факты, служащие опорой для дальнейшего. Я прибег к сравнению для того, чтобы приковать ваше внимание; я сделал вам свой краткий обзор для того, чтобы вы могли судить о моих идеях с правильной точки зрения.

То, что наиболее важно для вас, то, о чем вы больше всего желаете знать, то, чему я намеревался учить вас, это — вопрос о том, что произойдет в будущем. Хорошо, господа, я дам по этому вопросу самые точные объяснения. Я вам скажу сейчас о том, что совершится, кем оно совершится и каким образом оно совершится.

Господа! Я последовательно поставлю три указанные вопроса и отвечу отдельно на каждый из них. Я приведу в каждом ответе соображения, на которых основывается мое мнение.

Первый вопрос. Какие главные политические перемены произойдут в течение четвертой эпохи христианства?

Отвст. Я думаю, что в течение этого четвертого периода организуется новая духовная власть и новая светская власть.

Я полагаю, что новая духовная власть будет составлена из всех существующих в Европе академий наук и из всех лиц, заслуживающих допуска в эти научные корпорации. Я полагаю, что после образования этого ядра составляющие его лица организуются сами. Я думаю, что этой новой духовной власти будет поручено дело воспитания и народного просвещения. Я полагаю, что основой нового общественного воспитания послужит чистая евангельская мораль и что оно будет затем очень расширяться в области положительных наук в зависимости от того времени, какое смогут проводить в школе дети разных имущественных положений. И, наконец, я полагаю, что большее или меньшее количество представителей новой духовной власти будет рассеяно во всех общинах и что главным призванием этих разъединенных ученых будет пробуждение среди их духовной паствы страстного стремления к общественному благу.

Я полагаю, что управление светскими делами у всех европейских народов будет поручено руководителям мирных работ, которыми будет занято наибольшее число людей; я убежден, что это управление, в силу непосред-

ственного личного интереса самих управляющих, будет прежде всего стремиться к сохранению мира между народами, а затем к возможному уменьшению налогов и будет распоряжаться доходами наиболее полезным для общества образом.

Вот те три соображения, на которых основывается мое мнение:

1. Так как эти новые основы общественного строя прямо соответствуют интересам громадного большинства населения, они должны рассматриваться как общий политический вывод из принципа божественной морали, гласящего: все люди должны видеть друг в друге братьев, они должны любить друг друга и помогать друг другу.

Итак, очевидно, воля божия состоит в том, чтобы христианское общество при современном состоянии просвещения было организовано указанным образом.

2. Говоря с точки зрения человеколюбия и не выходя из рамок научного метода, мы должны сказать, что такое устройство христианского общества является естественным следствием и непосредственным результатом отмены рабства и преобладания, достигнутого опытными науками над богословием и другими отраслями метафизики.

3. Если ограничиться одними только политическими соображениями, то и тогда будет очевидно, что прогресс цивилизации приведет

к такому результату, так как действительные умственные и материальные силы находятся теперь в руках тех, кто занимается опытными науками, и тех, кто организует и управляет промышленной деятельностью. Общество находится под игом дворян и богословов только вследствие старой привычки. Но опыт показывает, что общество всегда освобождалось от усвоенных им привычек, когда они вступали в противоречие с его интересами, и находило новые пути для удовлетворения своих потребностей. Нет сомнения, что оно откажется и от власти дворянства и духовенства. Нет сомнения, что политическая власть перейдет в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всеми общественными силами, кто повседневно управляет физическими силами общества, кто создает его денежную силу, наконец, тех, кто непрерывно умножает его умственную силу.

Второй вопрос. Какая сила вызовет эту перемену и кто будет направлять эту силу?

Отвѣт. Эти перемены вызовет сила нравственного чувства, и главным двигателем этой силы будет вера в то, что все политические принципы должны быть выведены из общего принципа, данного богом людям.

Направлять эту силу будут друзья человечества, они будут в этом случае в таком же положении, в каком они находились во время основания христианства, т. е. прямыми агентами бога.

Первым своим общим усилием друзья человечества заставили владык земли усвоить принцип божественной морали, вторым общим усилием человеколюбие заставит дворян и богословов подчиниться главному выводу из этого принципа.

Это мое мнение основано прежде всего на том, что нам известно о событиях, происшедших со времени основания христианской религии.

Последний класс общества был, несомненно, самым положительным и самым непосредственным образом заинтересован в усвоении этой веры; это учение предоставляло также большие преимущества народам, которые находились под владычеством римлян. Казалось вероятным, что эти две крупные части населения поддержат всеми своими силами новый принцип морали, но события приняли совершенно иное направление. Из людей главным основателем христианской религии был апостол Павел,⁸⁴ римлянин; Полиевкт,⁸⁵ один из первых мучеников, принадлежал к высшим общественным классам; первых проповедников часто преследовали низшие классы народа.

Истина, подтверждаемая всем развитием цивилизации, состоит здесь в том, что страстное стремление к общественному благу имеет гораздо большее значение в деле политических улучшений, чем эгоизм тех классов, которым эти перемены должны принести наи-

большую пользу. Одним словом, опыт показал, что с наибольшим жаром трудятся над установлением нового строя не те, кто наиболее заинтересован в нем.

Господа, я хочу наряду с этим очень старым фактом, приведенным мною в подтверждение своего мнения, привести еще другой, совершенно новый, еще не завершившийся.

В продолжение шести лет я стараюсь с большим рвением доказать ученым и промышленникам:

во-первых, что в настоящий момент общество обнаруживает явное стремление к организации, наиболее благоприятствующей прогрессу наук и процветанию промышленности;

во-вторых, что для организации общества, наиболее благоприятной прогрессу наук и процветанию промышленности, необходимо доверить духовную власть ученым, а светскую власть промышленникам;

в-третьих, что ученые и промышленники могут организовать общество в соответствии со своими желаниями и потребностями, так как ученые обладают силами интеллектуальными, а промышленники располагают силами материальными.

В связи с этим трудом у меня завязались отношения с большим числом ученых и промышленников; они дали мне повод и средства изучить их мнения и намерения.

Вот к чему меня привели мои наблюдения.

Прежде всего я увидел, что в нравственном отношении можно делить людей на две различные категории: на тех, у кого чувства господствуют над идеями, и на тех, у кого чувства подчиняются соображениям рассудка. Одни связывают надежду на улучшение своей участи с желанием уничтожить злоупотребления, другие ставят специальной целью своих общественных отношений извлечь пользу из этих злоупотреблений. Словом, я заметил, что ученые и промышленники, так же как и другие люди, должны делиться на две крупные категории: на друзей человечества и на эгоистов.

Затем я убедился, что число друзей человечества и эгоистов относительно увеличивается или уменьшается в зависимости от общих обстоятельств, в каких находится общество, и что в настоящее время число эгоистов ежедневно увеличивается. Но зато в противовес этому друзья человечества более склонны к объединению своих сил и к энергичным действиям.

Я заметил еще, что занятия, которым посвящают себя люди, много способствуют тому, чтобы принять или мораль человеколюбия или эгоистические воззрения; те, которые вступают в ежедневные сношения с большим количеством людей, и главным образом из народа, более склонны к человеколюбию, в то время как те, кто по роду своих занятий живет изолированно или же связан пре-

имущественно с богатым классом, склоняются к эгоизму, если только они от природы не получили особенно благоприятных задатков.

Я имею, следовательно, право заключить как из моего собственного опыта, так и из исторических фактов, что именно друзья человечества побудят дворянство и духовенство подчиниться общему политическому выводу из принципа божественной морали — выводу, согласно которому общество должно быть организовано для блага наибольшего количества людей.

Третий вопрос. Какими средствами будут пользоваться друзья человечества для преобразования общества?

Ответ. Единственное средство, каким будут пользоваться друзья человечества, это проповедь, как устная, так и письменная. Они будут проповедывать королям, что в силу своего христианского долга и в силу собственных интересов сохранения своих наследственных прав они должны поручить ученым положительного направления руководство общественным обучением и дело усовершенствования научных теорий, а наиболее способным в административных делах промышленникам — заботу об управлении светскими делами.

Они будут проповедывать народам, что они должны единодушно заявлять государям о своем желании, чтобы руководство общественными делами как в духовной, так и в

светской области было всецело предоставлено классам, наиболее способным руководить ими в духе общих интересов и наиболее заинтересованным в том, чтобы дать им такое направление.

Друзья человечества будут продолжать свою устную и письменную проповедь столько времени, сколько окажется необходимым, чтобы побудить государей (вследствие внутреннего убеждения либо под влиянием всемогущего общественного мнения) осуществить те перемены в организации общества, которых требуют прогресс просвещения, общий интерес всего населения, настоятельный и непосредственный интерес громадного его большинства.

Одним словом, единственное средство, которое будут применять друзья человечества, будет состоять в проповеди, и единственная цель этой проповеди — побудить королей воспользоваться предоставленной им народом властью для осуществления ставших необходимыми политических перемен.

Господа! Мое мнение, что друзья человечества воспользуются королевской властью для преобразования общества, основано на следующих трех соображениях.

Прежде всего, друзья человечества, которые завершат организацию христианства, будут, конечно, воодушевлены тем же духом, который одушевлял основателей христианства; в них проявятся те же черты, они бу-

дут следовать по тому же пути, они будут употреблять те же средства.

Но хорошо известен факт, факт, никогда не возбуждавший никаких сомнений, что первые христиане действовали на королей только путем убеждения; они не боролись с ними, а стремились только обратить их в свою веру, и они достигали своей цели либо непосредственно, действуя на их убеждения, либо же воздействуя на них общественным мнением, имеющим высшую власть над королями.

Из этого факта я заключаю, что и современные друзья человечества отнюдь не будут стремиться к ниспровержению тронов, что, наоборот, они будут стремиться расположить королевскую власть к введению учреждений, необходимых для завершения организации христианства.

Я говорю далее, что друзья человечества действовали бы крайне неразумно, если бы вздумали нападать на королевскую власть, так как они не имели бы в этом никакого успеха: общественное мнение во Франции и даже во всей Европе высказалось самым решительным образом в пользу королевской власти.

Последние политические движения, имевшие место в Испании, в Португалии и в Неаполе,⁸⁶ были начаты военными, игравшими на первых порах главную роль в этих революциях, и все же наследственной королевской власти было оказано полное уважение. Мы видели, что испанцы, португальцы и не-

аполитанцы сами высказывались, по собственному побуждению, за сохранение прежних династий, низвергая лишь деспотические правительства, действия которых противоречили национальному благу.

Я скажу, наконец, о своих личных наблюдениях, касающихся отношения к королевской власти французского общественного мнения. Поставив своей целью защищать дело ученых положительного направления и промышленников, я счел необходимым для колучения их одобрения объявить самым ясным образом, что наследственная королевская власть должна установить их новое социальное положение и уничтожить политическое влияние дворянства и духовенства.

Внимание, оказанное мне большим числом ученых и промышленников, вызывается, очевидно, тем, что в своих последних сочинениях я старался доказать общность интересов королей, ученых и промышленников и постоянную противоположность этих интересов (имеющих истинно христианский характер, так как они ведут к благу самого многочисленного класса) стремлениям духовенства и дворянства.

Одним словом, ученые и вожди промышленности по необходимости желают перемены современном строе, но они хотят, чтобы эта перемена произошла как вывод из великого принципа божественной морали; они хотят, чтобы она была произведена закономерно, т. е. волей короля.

Господа, я полагаю, что в этом обращении я достаточно подробно показал то, что произойдет, почему это произойдет и как это произойдет. Теперь я должен перейти от рассуждений к действию. Я предложу королю несколько ясных указаний относительно политики его министров. Я покажу его величеству, что поведение его министров противоречит интересам короны и нации и прямо враждебно принципу морали, который бог дал людям. Я откровенно укажу государю, каково единственное средство установить прочный порядок вещей, удовлетворяющий мирных и благонамеренных людей.

Господа, поддержите меня, а чтобы поддерживать меня должным образом, приступите к выполнению своей задачи каждый в той местности, где он живет. Проповедуйте народам и царям, что единственное средство восстановить спокойствие состоит в том, чтобы вручить духовную власть людям, обладающим положительными знаниями, а управление светскими делами — людям, наиболее заинтересованным в сохранении мира и наиболее способным к административным делам.

При современном состоянии цивилизации такая деятельность не подвергнет вас большой опасности. Но даже если бы мы должны были терпеть преследования, каким подвергались первые христиане, это не должно было бы помешать нам выполнить наш долг и осуществить нашу миссию. Направление

развитию общества всегда давали и будут давать самые смелые и самые бескорыстные люди. Военная доблесть занимает первое место в эпохи невежества * и смут, но гражданская доблесть восстанавливает порядок и способствует успехам просвещения.

Деятельность друзей человечества первой эпохи христианства состояла в том, чтобы побудить владык земли принять великий принцип божественной морали. Наше призвание — продолжать их деятельность; оно состоит в том, чтобы побудить государей и владетельных князей европейских земель согласовать свою политику с этим принципом, организуя общество путем, наиболее выгодным для наибольшего числа людей.

Приступим к делу как можно скорее. Мы можем рассчитывать на божественное покровительство, на сотрудничество истинно благочестивых людей, людей искренно преданных королю и нации, так же как и на поддержку народов.

Обратите на минуту ваше внимание на политическую деятельность французского

* Говоря это, я подразумеваю не только абсолютное невежество, я имею в виду также эпохи относительного невежества, то состояние, в котором находится общество, когда оно желает установить новый политический строй, но не знает, каким образом это сделать. Мы испытываем неудобства этого рода невежества, начиная с 1789 г., и военщина воспользовалась им, чтобы играть первую роль, не смотря на очень развитое состояние цивилизации.

парламента, рассмотрите поведение палаты депутатов, подумайте о том, что случилось в заседании 7 февраля, и вы увидите, что вожди обеих противоположных партий били в пабат; вы увидите, что наступил окончательно момент, когда вы должны начать действовать; вы увидите, что если промедлите еще высказать свое мнение, то ваше молчание открывает свободное поле деятельности честолюбцам и предаст общество всем бедствиям, которые могут причинить ему эгоизм и желание властвовать.

Приверженцы трехцветной кокарды и приверженцы белой кокарды⁸⁷ не доверяют друг другу и прибегают к таким ораторским приемам, которые скрывают их истинные намерения. Если возгорится борьба, то между кем она произойдет? Очевидно, между старой армией и новой, между старым дворянством и новым, созданным Бонапартом, между теми, которые были во главе правления при Наполеоне, и теми, которым король доверил управление общественными делами.

Если будет разбита белая кокарда, Францией будут управлять наполеоновские дворяне и воины; в противоположном случае французы окажутся вновь под игом старой феодальной знати. Ни та, ни другая из этих перспектив не может нравиться народу и не соответствует стремлениям друзей человечества.

Сигнал дан, момент наступил, и мы должны развить всю нашу энергию. Возвестим снова великий принцип божественной морали;

это единственный лозунг, подходящий французам, как и всем прочим европейским народам. Сделаем смело общий вывод из этого принципа и громогласно заявим, что политическая власть должна уйти из рук военных и должна быть доверена людям, наиболее миролюбивым, наиболее производительным, наиболее способным к управлению. У нас нет других врагов, кроме военных, дворянства и духовенства, и единственное средство, каким мы должны их победить, это — проповедь той истины, что их политические принципы противоречат интересам короля и громадного большинства нации.

Господа, я кончаю это обращение призывом вспомнить пропагандистскую деятельность первых христиан; будем подражать ей и не будем слишком строги к тем, кто захочет вступить в наши ряды, не будем допытываться об их предшествующей жизни, будем смотреть, как на братьев, на всех, кто исповедует убеждение, что духовная власть должна быть поручена наиболее просвещенным людям, а светская власть должна быть вручена гражданам, наиболее заинтересованным в сохранении мира и внутреннего спокойствия и наиболее способным к управлению.

Господа, некоторые из тех, кто наиболее отличался в рядах роялистов, якобинцев или бонапартистов, были, быть может, особо избранны богом, чтобы стать основателями нового христианства, окончательного христиан-

ства, освобожденного совершенно от суеверий, которыми отяготило его духовенство в своих честолюбивых целях и которые были приняты на веру нашими отцами по невежеству. Одним словом, допустим в свою среду еретиков и в морали и в политике, лишь бы они искренне отреклись от своих ересей и усердно трудились над установлением истинного учения.

Благоразумные и умеренные люди очень годятся для поддержания существующего порядка вещей, они даже способны вводить в него легкие изменения, но они не обладают энергией, необходимой для того, чтобы осуществить крупные улучшения. Первые христиане были люди, воодушевленные страстью, новые должны быть такими же, а люди страсти по своему характеру способны совершать крупные ошибки. Апостол Павел начал с того, что был одним из наиболее ревностных врагов христианства.

Имею честь быть, господа,
вашим покорнейшим слугой

Анри Сен-Симон

POSTSCRIPTUM

Я прошу вас с большим вниманием прочесть письма, помещенные перед настоящим «Обращением». В них вы найдете нужные аргументы для опровержения софизмов разных партий. Там вы встретите также некото-

рые факты, которые должны послужить основой доказательства того, что единственное средство для преодоления европейцами политического кризиса, вызванного прогрессом просвещения, состоит в полном изъятии политической власти из рук богословов, знати, военных и метафизиков.

Я предлагаю вам также прочесть мою работу под названием «Организатор». Конечно, обе эти книги гораздо ниже того, чем они могли бы быть; они гораздо ниже того, что будет позднее написано на эту тему, но в настоящее время они единственные, где вопрос трактуется с указанной в настоящем «Обращении» точки зрения.

Наконец, господа, я советую вам прочесть произведение господина де Прадта⁸⁸ «О Европе и Америке». В этом произведении, где автор резюмирует все свои предыдущие работы, вопрос рассматривается с весьма возвышенной точки зрения. Он не занимается изысканием средств исцеления, но с поистине замечательной прозорливостью определяет характер испытываемой нами социальной болезни.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БРОШЮРЫ
«О БУРБОНАХ
И СТЮАРТАХ» ⁸⁹

К о р о л ю

Государь!

В области моральных и политических наук недавно сделано великое открытие.

Для наших познаний в области общественной организации это открытие имеет не меньшее значение, чем открытие всемирного тяготения в нашем представлении о системе мира.

Это открытие даст вашему величеству средство водворить успокоение и тишину, организуя нацию соответственно состоянию ее просвещения.

Это открытие в общих чертах изложено в сочинении, которое является результатом сорокалетнего усидчивого труда.

Говорить о важности моего труда толкает меня вовсе не чувство самолюбия, а то удовлетворение, которое я испытываю от откры-

тия способа прекращения современного кризиса, а также мое сильнейшее желание обратить внимание вашего величества на мое выступление, так как я убежден, что оно принесет большую пользу народу.

Я сначала провожу сравнение старой системы общественной организации с той системой, которую я предлагаю. Далее я отдельно говорю сначала о моей системе, а затем о той концепции, которая до настоящего времени служила основой общественной организации.

Свое сочинение я заканчиваю заключением, в котором совершенно ясно указываю на то, что именно необходимо сделать для водворения спокойствия во Франции и во всей Европе.

Преклонение перед великим научным открытием больше всего должно прельстить короля. Его я позволяю себе предложить вашему величеству.

В предыдущем сочинении — «О Бурбонах и Стюартах» — я обращаю внимание вашего величества на угрожающие вам опасности, в данном же сочинении я ясно указываю средства для устранения тех опасностей, которые непосредственно окружают королевскую семью. Мое поведение — поведение доброго француза и лояльного подданного. Всякое преследование, которое было бы направлено против меня господами королевскими прокурорами, было бы позорно для трона.

На мое сочинение под названием «О Бурбонах и Стюартах» наложен арест. Я прошу

ваше величество приказать снять этот арест.
Остаюсь вашего величества верноподданным

Анри Сен-Симон

Р. S. Я надеюсь, что ваше величество не будет задето тем, что я в последующем изложении своих взглядов на общественную организацию много раз обращаю свое слово к моим соотечественникам. Я — ваш подданный, государь, но я также французский гражданин, и в этом звании я считаю своим долгом сообщить своим согражданам те пути, которые, по моему мнению, ведут к сокращению расходов правительства и сферы его власти.

О СТАРОЙ И НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Раньше чем мораль могла стать положительной наукой, раньше чем политика могла стать под руководство морали, раньше чем человечество могло получить прочную социальную организацию, т. е. организацию, построенную непосредственно в интересах большинства,— раньше всего этого должны были быть выполнены два основных условия.

Первое условие состояло в том, что должно было успокоиться человеческое воображение, склонность к чудесному должна была уменьшиться, метафизика должна была потерять большую часть своего влияния, одним словом,

нужно было, чтобы положительные знания настолько прогрессировали, а разум приобрел такую силу, чтобы люди, стремясь улучшить свою участь, стали больше полагаться на научные данные и на промышленную деятельность, чем на свои верования, молитвы и религиозные упражнения.

Это первое условие целиком выполнено теперь не только во Франции, но и во всей Европе.

Оно выполнено государями, ибо великие державы, образовав Священный союз, поставили в подчиненное положение папскую власть, как и духовенство других религий; государи доказали этим, что, стремясь закончить современный кризис, они больше полагаются на свои положительные расчеты и на расчеты своих министров, чем на духовную власть и на способность священников усовершенствовать социальную организацию.

Еще резче выразилось в этом отношении настроение народов.

Пусть придут сейчас в одно время и в одно место промышленники и миссионеры, первые с проповедью труда, а вторые со своими речами к верующим: наиболее здоровый и способный класс кинется толпами к первым, сторонники вторых не имеют никакого значения и никакого доверия в обществе.

Второе условие состояло в следующем.

Требовалось, чтобы масса населения, т. е. наибольшая часть трудящихся, обладала до-

статочной способностью к самостоятельному ведению своих дел,— трудящиеся, несомненно, приобрели эту способность во всей Европе, в особенности же во Франции.

Земледельцы неопровержимо доказали это при продаже национальных имуществ. Многие тысячи простых поденщиков стали неожиданно земельными собственниками, а большая часть их с самого начала управляла своими имуществами очень благоразумно и толково.

Во всей западной Европе рабочие всех родов вступают в любовные соглашения с предпринимателями и самостоятельно ведут свои дела; они обладают, следовательно, необходимыми для этого знаниями и предусмотрительностью. Более того, многие из них достигают того, что становятся во главе важных промышленных предприятий. Это доказывает, что вообще вся масса населения способна к полезному труду положительного характера.

Я следующим образом резюмирую эти основные положения: система социальной организации могла быть до сих пор только временной, так как большинство населения находилось в невежественном состоянии и нуждалось в опеке. Это я называю старою системою.

Просвещение возросло, положение совершенно изменилось. Эта перемена, особенно замечательная во Франции, вызывает необходимость установления соответственного ре-

жима, который, чтобы быть прочным, должен быть построен непосредственно в интересах большинства; я называю этот режим *новой системой*.

В старой системе цель основных установок должна была состоять в том, чтобы дать большую силу правительству и прочно утвердить власть первых классов над последними, ибо вследствие невежества большинства населения было очень трудно поддерживать общественный порядок.

Соображения, касающиеся использования сил населения, доставления народным массам морального удовлетворения и приятного существования, могли считаться в этой системе лишь второстепенными, так как главной задачей было конституировать общество, т. е. дать массам воспитание.

В новой системе, наоборот, основные установки должны иметь своей целью составление ясного и наиболее разумно комбинированного плана работ, которые должны быть выполнены обществом для улучшения существования всех его членов как в политическом, так и в моральном отношении. Соображения о мерах предосторожности для поддержания общественного порядка должны считаться второстепенными, так как при современном состоянии цивилизации поддерживать общественный порядок очень легко. Установившееся разделение труда прочно связало людей друг с другом; при создавшемся положении каждый зависит от своих соседей.

Выражение система социальной организации очень высокопарно; оно многим внушает страх; им кажется, что это такой сложный и отвлеченный вопрос, что они не в состоянии составить себе о нем ясное мнение. Между тем, на самом деле система социальной организации означает только объединение, и каждый, имеющий точное представление о том, каким образом должно совершаться объединение, в состоянии весьма здраво судить о том, какая система социальной организации соответствует современному положению дел, современному уровню просвещения и цивилизации. Достаточно нескольких слов для того, чтобы доказать это.

Во всяком договоре об объединении самым важным пунктом является ясное определение цели ассоциации, и эта цель должна быть выражена в заголовке договора. Это настолько общеустановлено, что самый последний нотариальный чиновник поступил бы не иначе, если бы ему было поручено подобное дело. Это столь же необходимо, когда дело идет об объединении в национальную организацию, как и в том случае, когда ассоциация образуется для изготовления спичек.

Конечно! Но ни в одну эпоху наша система социальной организации не составлялась подобным образом. Исследуйте старый порядок, а также все конституции с начала революции, не исключая и хартии,⁶¹ и вы увидите,

что цель ассоциации граждан, составляющих французскую нацию, нигде не была формулирована.

Из этого упущения должно было вытекать и вытекало на самом деле то, что каждый находившийся во главе правительства мог направлять усилия нации в сторону, наиболее ему удобную. Таким образом, Франция видела последовательно:

как добрый Генрих,⁹⁰ человек, получивший суровое воспитание и свободный от всяких религиозных предрассудков, ревностно трудится на благо наиболее многочисленного класса нации и с помощью своего друга Сюлли⁹¹ прилагает все усилия, чтобы осуществить столь дорогой его сердцу обет, обет о курице в супе;

как Людовик XIII превращает торжественные процессии в важнейшее государственное дело и вручает пресвятой деве дело благосостояния нации, блюсти интересы которой ему было доверено;

как Людовик XIV со своим министром Лувуа⁹² губят финансы государства войнами, предпринятыми ими для их обоюдного удовольствия, и довершают разорение нации сооружением Версальского дворца;

как регент⁹³ предпочитает советы кардинала Дюбуа⁹⁴ советам честных людей, каким был, например, мой предок герцог Сен-Симон;⁹⁵

как Людовик XV довершает деморализа-

цию двора, управляя нацией из Оленьего парка или из будуаров Дюбарри.⁹⁶

Допустим, что все государи, поведение которых я характеризовал, имели чистые намерения и искреннее желание улучшить участь Франции, все же несомненно, что управление государством менялось в зависимости от их вкусов, страстей и характеров. Этого, конечно, никогда не было бы, если бы основание общественной ассоциации было заложено так, как оно должно было быть заложено.

Теперь повторим вкратце то, что произошло с начала революции.

Учредительное собрание все разрушило и ничего не создало; оно много занималось метафизическими рассуждениями, но не остановилось определенно ни на одной из идей, которые должны послужить основой социальной организации. Оно значительно уменьшило влияние королевской власти, но не уничтожило тех властей, бесполезность которых оно доказало; оно завладело ими и использовало их.

Конвент изменил форму правления; он установил республику. Но он не дал определения и не установил границ власти правительства, установленного им, так что в эту эпоху воздействие правительства на управляемых было более сильно, чем когда бы то ни было при старом порядке.

Директория сосредоточила в своих недрах всю власть республиканского правительства;

пять директоров разделили ее, а затем стали оспаривать ее и рвать ее друг у друга по кускам.

Бонапарт стремился снова надеть ярмо на нацию, заставив ее забыть принципы, провозглашенные ею в начале революции, сделав ее вновь завоевательной, создав новую династию, новое дворянство, новое духовенство.

Наконец, современное правительство употребляет все усилия на то, чтобы убедить нацию, что ее единственное счастье состоит в поддержании роскоши и праздности придворных, дворян и попов, в унижениях и оскорблениях, каким она подвергается со стороны этих паразитических классов.

Мои соотечественники! Я возвращаюсь к тому, что говорил вначале. Вот те идеи, на которые я желал бы обратить ваше внимание.

Истина такова: для того чтобы вы могли создать хороший общественный договор, вы должны были предварительно выполнить два основных условия:

во-первых, было необходимо успокоить свое воображение, уменьшить склонность к чудесному и в стремлении улучшить свою участь больше рассчитывать на свои силы, чем на свои молитвы;

во-вторых, было необходимо, чтобы масса населения, т. е. наибольшая часть трудящихся, приобрела достаточные способности самостоятельно руководить своими делами.

Бесспорно, вы в данный момент целиком

выполнили эти два предварительных условия и, следовательно, вполне способны заключить между собой хороший общественный договор.

Наконец, бесспорно и то, что первая статья вашего общественного договора должна, по возможности, наиболее ясно указать главные цели вашей ассоциации.

Я закончу важным заявлением. Я заявляю, что, не одобряя безусловно всего, что было сделано с начала революции, я рассматриваю все конституции, какие у нас устанавливались, включая и хартию, как опыты, в которых нация нуждалась для того, чтобы открыть систему социальной организации, соответствующую современному состоянию просвещения и цивилизации.

О НОВОЙ СИСТЕМЕ

Обоснованием новой системы послужит труд, в котором будут ясно изложены желания, общие всем французам, а также способы их удовлетворения

Я хочу вкратце познакомить вас, мои дорогие соотечественники, с основными идеями этого труда.

Я вам скажу прежде всего: очевидно, все французы желают улучшить свое физическое и нравственное состояние. Определим теперь более точно понятия физического и морального благополучия нации.

Вы согласитесь, что люди счастливее всего в физическом отношении в той стране, где

они лучше всего питаются, одеваются, имеют наилучшие жилища, могут легче всего путешествовать и обеспечить себя повсюду как предметами первой необходимости, так и прелестями жизни.

Точно так же вы согласитесь, что в той же стране счастье людей в моральном отношении будет самым полным, если высоко их умственное развитие, если они будут способны ценить изящные искусства, если они будут знать законы, управляющие явлениями природы, и способы видоизменения их, наконец, если среди них будет царить взаимная благожелательность.

Посмотрим теперь, какие средства надо употребить для того, чтобы доставить французам двойное благо морального и физического счастья.

Чтобы достигнуть этого, необходимо поощрять возможно больше земледельческую, промышленную и коммерческую деятельность, необходимо покровительствовать им. Надо соблазном частных выгод побуждать к деятельности всякие предприятия по устройству каналов, дорог и мостов, как и работы по осушению, распашке и орошению. Не надо затевать тяжбы по поводу барышей, получаемых от трудов на пользу государству, следует уступать эти барыши целиком частным лицам, предпринимаящим эти работы.

Что касается морального благоденствия нации, то следует передать обучение юно-

щества и народа ученым, обладающим наиболее положительными и полезными знаниями.

Французы!

После того как в первой статье нашего общественного договора будут ясно выражены наши национальные желания и способы удовлетворения их, легко будет составить остальные его части. Все остальные статьи будут выведены из первой, как ее непосредственные следствия.

Так как нация ясно укажет путь, по которому должно следовать правительство, произвол властей будет искоренен.

Все привилегии будут уничтожены, и их нельзя будет восстановить, так как будет установлена система наиболее полного равенства, какое только возможно. Люди, которые проявят наибольшие способности в положительных науках, изящных искусствах и промышленности, будут при новой системе призваны играть первую роль в обществе по своему социальному значению, и им будет поручено управление государственными делами. Основной закон выдвинет в первые ряды всех людей, обладающих выдающимися талантами, каково бы ни было положение, в котором они оказались вследствие случайности рождения.

Наконец, предлагаемая реорганизация доставит Франции самое крупное из всех политических благ, именно благо быть упра-

ваемой возможно меньше и возможно дешевле.

К сказанному я прибавлю, что все просвещенные народы предпримут, конечно, ту же реорганизацию, как только Франция покажет им пример и проложит путь, по которому они должны следовать.

Прибавлю еще: все народы, которые произведут эту реорганизацию, непременно составят общий союз и соединят свои усилия для повышения общего благоденствия.

Я кончаю: французская нация является теперь авангардом человечества в достижении новых успехов цивилизации. Покажем же себя, дорогие соотечественники, достойными почетного поста, который мы занимаем, и начнем революцию возрождения, потребность в которой чувствует вся Европа.

О СТАРОЙ СИСТЕМЕ

Французы!

То, что я вам скажу, вам покажется с первого взгляда чрезвычайно странным и очень забавным, потому что оно не будет льстить вашему самолюбию.

Но то, что я вам скажу, является истиной, истиной, которую вам важно знать и на которую мы должны обратить все наше внимание для успеха нашего великого политического начинания, поэтому я должен представить ее вам без малейших колебаний.

Я утверждаю: в нашей революции мы поставили себе целью установить новую систему социальной организации и, несмотря на все наши усилия, мы не сумели выйти из пределов старой системы ни в практическом, ни даже в теоретическом отношении.

Посмотрим на факты. Но приступая к этому, не теряйте из виду различие, существующее между старой и новой системой.

В старой системе на правительство возложена обязанность выбрать цель деятельности, к которой должна быть направлена нация, в то время как установление этой цели служит основой новой системы. В старой системе власть правительства безгранична и совершенно произвольна, в то время как новая система предоставит правительству лишь точно очерченную и очень ограниченную власть.

Сначала рассмотрим вкратце поведение граждан, которым нация поручала заботу о своей реорганизации, и государственных деятелей, которые одни за другими завладевали учредительной властью.

Учредительное собрание организовало власть стряпчих

Конвент установил власть санкюлотов.

Бонапарт ввел военный деспотизм.

А хартия, дарованная нации, дает правительству все средства, чтобы привести нацию под иго придворных, дворян и попов.

Но стряпчество, санкюлотство,

роенный деспотизм, как и властвование придворных, дворян и попов,— все это принадлежит одной и той же системе социальной организации, старой системе, в которой люди стоят впереди интересов дела; в которой правительство уполномочено само давать направление национальным силам.

Мои дорогие соотечественники!

То, что я изложил, дает вам самим возможность здраво судить о современном положении.

Очевидно, что вскоре возобновится борьба между привилегированными и непривилегированными. Каков будет характер, каков будет исход этой борьбы? Я должен вам разъяснить это.

Я читал и слушал с большим вниманием все, что было до сих пор сказано и написано партией оппозиции, и я пришел к выводу, что эта партия еще не возвысилась до понимания новой системы социальной организации.

Оппозиционная партия со своими принципами, взятыми у старой системы, может только воспроизвести с легкими нюансами те сцены, свидетелями которых мы были уже во время революции; непривилегированные укажут на дверь привилегированным, а вожди нации, те, кто сорганизуется на поле сражения, не преминут восстановить в свою пользу привилегии и т. д.

Чтобы вырваться из этого порочного круга, есть только один способ, состоящий в том, чтобы приступить к реорганизации общества согласно принципам, изложенным выше под заголовком «О новой политической системе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим, существует только одно средство покончить с политическим кризисом нашего времени: нужно представить нации хороший проект важнейших мероприятий для общего улучшения участи французов в физическом и моральном отношении.

Когда этот проект получит одобрение большинства членов общества, он составит первую статью конституции.

После этого нужно представить проект организации государственного управления, чтобы управлять необходимыми работами и помешать бездельникам нарушать спокойствие трудящихся.

Когда этот второй проект будет одобрен членами общества, французская нация будет уже организована соответственно состоянию ее просвещения и цивилизации.

Я намерен немедленно опубликовать труд, более обширный, чем эта брошюра, под названием: «Об общественном договоре».

Принимая во внимание современное положение вещей, я проведу в этом сочинении

мысль, имеющую целью положить конец происходящей ныне дикой борьбе двух партий и побудить к основанию одной, решающей партии, партии производителей.

Производители, т. е. с одной стороны, ученые и художники, а с другой — земледельцы, фабриканты и торговцы, те, которые составляют истинный корпус нации, до настоящего времени еще не проявили политической активности, а между тем только их вмешательство может предохранить короля и нацию от угрожающих им несчастий.

Французы!

Бойтесь анархии! Это величайшее зло для честных людей, каковы бы ни были их политические убеждения; это состояние, к которому всегда стремились и всегда будут стремиться люди безнравственные, какова бы ни была их религия.

Окажем уважение хартии, ибо она теперь действует, но не будем от себя скрывать, что эта конституция не может иметь никакой прочности, так как привилегированных она ставит выше производителей.

При постройке моста начинают с устройства перемычек, чтобы дать основание быкам, и пока основания не закончены, перемычки остаются важнейшей частью сооружения. Мы должны смотреть на хартию, как на перемычку, разрушение которой может причинить большой ущерб производителям

и в то же время непоправимое зло королевской семье.

Окажем уважение хартии, но будем ревностно трудиться над тем, чтобы обосновать в умах такую социальную систему, которая соответствует состоянию просвещения и цивилизации.

Мое ближайшее сочинение об общественном договоре рассеет те неясности, которые могут остаться в уме читателя после его размышлений по этому вопросу.⁸⁹

КАТЕХИЗИС ПРОМЫШЛЕННИКОВ ⁹⁷

Первая тетрадь

Вопрос. Что такое промышленник?

Ответ. Промышленник — это человек, который трудится для производства или для доставки разным членам общества одного или нескольких материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; значит, земледelec, сеющий зерно или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр — промышленники; фабрикант обуви, шляп, полотна, сукна, кашемировой материи — также промышленник; купец, извозчик, матрос торгового судна — промышленники. Все промышленники вместе трудятся для производства или для доставки всем членам общества всех материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; они

составляют три крупных класса, которые называются земледельцами, фабрикантами и торговцами.

В о п р о с. Какое положение в обществе должны занять промышленники?

О т в е т. Промышленный класс должен занять первенствующее положение, потому что он важнее всех, потому что он может обходиться без всех других классов, но никакой другой класс не может обходиться без него, потому что он существует своими собственными силами и своим личным трудом. Другие классы должны трудиться для него, потому что они являются его созданиями, и он поддерживает их существование; одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее.

В о п р о с. Какое положение в обществе занимают промышленники?

О т в е т. Промышленный класс современной общественной организацией поставлен на последнее место. Социальный строй все еще предоставляет больше уважения и влияния второстепенным трудам и даже праздности, чем самым важным трудам, трудам, приносящим прямую пользу.

В о п р о с. Почему промышленный класс, который должен занимать первое место, занимает последнее? Почему те, кто в действительности первые, оказываются на последнем месте?

О т в е т Мы это объясним в дальнейшем изложении катехизиса.

В о п р о с. Как должны поступать промышленники, чтобы перейти из низшего разряда, где они находятся, в высший разряд, который они имеют право занимать?

О т в е т. В этом катехизисе мы скажем, каким образом они должны поступать, чтобы провести это улучшение в своем социальном положении.

В о п р о с. Каков смысл предпринятого вами труда? Говоря коротко, какую цель вы себе ставите, составляя этот катехизис?

О т в е т. Мы намерены указать промышленникам способы возможного повышения их благосостояния; мы намерены научить промышленников главным средствам, которые они должны употребить, чтобы возвысить свое социальное положение.

В о п р о с. Каким образом вы беретесь достигнуть этой цели?

О т в е т. С одной стороны, мы представим промышленникам картину их настоящего социального положения; мы им покажем, что их положение имеет совершенно подчиненный характер, что оно, следовательно, гораздо ниже того, каким оно должно быть, так как промышленники составляют самый способный и самый полезный класс общества.

С другой стороны, мы им укажем путь, которым они должны следовать, чтобы достигнуть первого места и по уважению и по власти.

В о п р о с. Значит, вы проповедуете в этом катехизисе восстание и возмущение? Ведь классы, облеченные по преимуществу властью и почетом, конечно, не расположены отказываться добровольно от выгод, которыми они пользуются.

О т в е т. Мы далеки от того, чтобы проповедывать восстание и возмущение; наоборот, мы покажем единственный способ помешать актам насилия, которые могут угрожать обществу и которых ему будет трудно избежать, если сила промышленности останется пассивной среди тех партий, которые борются за власть.

Общественное спокойствие не может быть устойчивым до тех пор, пока на самых выдающихся промышленников не будет возложено управление государственным достоянием.

В о п р о с. Объясните нам это, скажите нам, почему общественное спокойствие будет находиться под угрозой, если наиболее выдающиеся промышленники не станут во главе управления государственным достоянием?

О т в е т. Причина этого очень проста: общее политическое стремление громадного большинства общества состоит в том, чтобы им управляли возможно дешевле, чтобы им управляли возможно мягче, чтобы им управляли наиболее способные люди, притом так, чтобы общественное спокойствие было вполне обеспечено. Но единственный способ удо-

влетворить все эти разнообразные желания большинства состоит в том, чтобы поручить наиболее значительным промышленникам руководство государственным достоянием. Ибо наиболее значительные промышленники больше всего заинтересованы в поддержании спокойствия, они наиболее заинтересованы в экономии государственных расходов, они также больше всего заинтересованы в ограничении произвола; наконец, из всех членов общества они лучше всего доказали свои положительные административные способности, так как успех их частных предприятий свидетельствует об их способностях в этой области.

При настоящем положении вещей общественное спокойствие находится под угрозой по той причине, что курс правительства находится в прямом противоречии с вполне определенными стремлениями нации. Нация желает прежде всего, чтобы управление стоило ей возможно дешевле, но никогда правительство не обходилось ей так дорого; оно стоит ей гораздо больше, чем до революции. До революции нация делилась на три класса, а именно: на дворян, буржуа и промышленников.⁹⁸ Дворяне управляли, буржуа и промышленники их оплачивали.

Теперь нация делится только на два класса: буржуа, сделавшие революцию и направившие ее в своих интересах, уничтожили исключительную привилегию дворян пользоваться государственным достоянием. Они

заставили допустить себя в класс правителей, так что теперь промышленники должны содержать дворян и буржуа. До революции нация платила 500 миллионов налогов, теперь она платит миллиард, и этого миллиарда еще недостаточно; правительство часто прибегает к значительным займам.

Общественное спокойствие будет находиться под все возрастающей угрозой, потому что налоги по необходимости будут все увеличиваться. Единственное средство помешать восстаниям, которые могут разразиться, состоит в том, чтобы поручить наиболее значительным промышленникам дело управления достоянием государства, т. е. поручить им составление бюджета.

В о п р о с. То, что вы сказали, очень хорошо, чрезвычайно интересно и имеет громадную важность, но вы не даете нам прямых указаний о том, что́ мы желаем знать. Мы просим вас разъяснить нам вот что: возможно ли без употребления насильственных средств изъять высшее управление денежными делами общества из рук дворян, военных, легистов и рантье, одним словом, из рук непромышленных классов, чтобы передать его в руки промышленников?

О т в е т. Насильственные средства годятся для того, чтобы низвергать и разрушать, но они годятся только для этого. Мирные средства — единственные, какие можно употреблять в целях созидательных, творческих, словом, в целях установления прочных

учреждений. Но акт, которым наиболее значительным промышленникам будет передано высшее руководство денежными интересами нации, есть акт строительства. Это самое важное политическое мероприятие, какое могло бы быть принято; оно послужит основанием всего нового социального здания; оно завершит революцию и обезопасит нацию от всяких новых потрясений. Наиболее значительные промышленники будут бесплатно выполнять обязанности по составлению бюджета, а потому будет мало желающих выполнять эту обязанность. При составлении бюджета промышленники будут ставить себе целью экономию в управлении государственными делами; поэтому они назначат чиновникам умеренные оклады. На эти места будет мало охотников, количество их значительно уменьшится, точно так же сократится и количество претендентов, неизбежно установится такой строй, где большое количество должностей будет исполняться безвозмездно, так как праздные богачи не найдут иного средства приобрести себе уважение.

Если вы станете изучать характер промышленников и поведение их во время революции, то вы признаете, что они по существу миролюбивы. Не промышленники делали революцию, а буржуа, т. е. недворяне военные, разночинцы-легисты, непривилегированные рантье. Еще и сейчас промышленники

играют лишь второстепенную роль среди существующих политических партий и не имеют ни политического направления, ни политической партии, которая была бы им родной. Они склоняются больше к левой, чем к правой, потому что притязания буржуазии меньше оскорбляют идею равенства, чем притязания дворянства; но они отнюдь не увлекаются либеральными идеями, они больше всего желают спокойствия. Вожаками либералов внутри и вне палаты являются генералы, легисты и рантье. Дворянство и буржуазия желают взять в свои руки управление достоянием государства главным образом для того, чтобы извлечь из этого выгоду. Крупнейшие промышленники добиваются этого, наоборот, для проведения возможно большей экономии.

Промышленники очень хорошо понимают, что они лучше всех способны управлять денежными интересами нации, но они не выставляют напоказ эту идею, опасаясь тотчас же смутить спокойствие. Они терпеливо ожидают, чтобы образовалось определенное мнение на этот счет и чтобы истинно социальная доктрина призвала их к кормилу правления.

Из сказанного мы заключаем, что промышленники будут употреблять исключительно мирные средства, т. е. средства обсуждения, доказательства и убеждения; только опираясь на них, они возьмут высшее руководство достоянием государства

из рук дворян, военных, легистов, рантье и государственных чиновников, чтобы передать его в руки наиболее значительных людей в своей среде.

В о п р о с. Мы допускаем пока, что промышленники не будут стремиться прибегать к насилию для того, чтобы взять высшее руководство денежными интересами общества из рук дворянства и буржуазии и передать его в руки наиболее значительных в своей среде, но из мирных намерений промышленников еще не вытекает, что этот класс общества способен занять первенствующее положение; мы просим вас сказать, какими средствами добьются промышленники тех коренных изменений в обществе, о которых идет речь.

О т в е т. Промышленники составляют больше двадцати четырех двадцать пятых нации; они, таким образом, преобладают как физическая сила. Они производят все богатства и потому владеют денежными средствами. Они превосходят других и в умственном отношении: именно их расчеты содействуют наиболее непосредственно процветанию государства.

Так как, наконец, они больше всех способны управлять денежными делами нации, то человеческая, как и божественная, мораль призывает наиболее выдающихся из них к управлению финансами.

Промышленники обладают всеми необходимыми средствами; они обладают могучи-

ми средствами для того, чтобы произвести перемену в социальной организации, которая переведет их из класса управляемых в класс управляющих.

Вопрос. Силу составляет единение; именно потому, что промышленники не объединены, над ними господствуют дворяне, военные, легисты, рантье и государственные чиновники. При превосходстве промышленников во всех важных отношениях они, объединившись, несомненно получили бы тотчас же в свои руки высшее руководство государственными делами; несомненно, им не пришлось бы употреблять насилие для того, чтобы заставить другие классы признать их превосходство, потому что каждый из них в отдельности и даже все они вместе слишком уступают в силе промышленникам, чтобы решиться оспаривать у них власть. Но не существует ли в самой природе вещей радикального препятствия к объединению промышленников? Мы склонны думать так, и наше мнение основывается на том одном факте, что, несмотря на интерес, который имело объединение для промышленников с самого происхождения общества, они все же постоянно давали господствовать над собой непромышленным классам.

Ответ. Когда франки покорили галлов и разделили между собой их территорию, они одновременно стали во главе промышленности и военных дел страны. Только постепенно промышленный класс отделился от

военного, приобрел значение, получил вождей, отличных от военных вождей, и лишь сейчас промышленный класс обладает достаточными силами и средствами, чтобы стать первым классом в обществе. Таким образом, из того факта, что промышленники в продолжение четырнадцати веков составляли низший класс французской нации, вы неверно заключаете, что они предназначены оставаться всегда в последних рядах и не могут сейчас подняться до первых степеней власти и уважения. Краткий обзор политических успехов промышленности и промышленников от возникновения нашего французского общества до сего дня сделает это совершенно ясным.

В о п р о с. Исследование, к которому мы приступаем, имеет громадное значение: оно должно совершенно изменить положение вещей в области политики, должно придать политике совершенно новый характер, изменить природу этой отрасли наших знаний. До сих пор политика была лишь гадательной наукой или, скорее, в области политики говорили и поступали по рутине.

Когда это исследование будет закончено, можно будет подкрепить наши рассуждения установленными фактами, рядом наблюдений над историей четырнадцати веков. Поэтому крайне желательно, чтобы этот обзор можно было легко понять, оценить и запомнить. Чтобы достигнуть этой цели, мы предлагаем

вам разделить ваш обзор на четыре части или эпохи, а именно:

от обоснования франков в Галлии до первого крестового похода,

от первого крестового похода до Людовика XI,

от Людовика XI до царствования Людовика XIV включительно,

от царствования Людовика XIV до установления кредитной системы.

Затем из этого большого количества фактов вы сделаете вывод о том, каково будущее промышленного класса.

Прежде всего мы вас спрашиваем, каковы были успехи промышленности, какое значение приобрели промышленники в период от обоснования франков в Галлии до первого крестового похода.

Ответ. За время от обоснования франков в Галлии до первого крестового похода совершался политический процесс громадной важности, процесс, подготовивший все успехи цивилизации, какие имели место с того времени, и, следовательно, все успехи промышленности, ибо промышленные успехи — самые существенные из всех. Этот процесс состоял в слиянии победителей с побежденными, в образовании французской нации, составленной из франков и галлов.

Позднейшие успехи промышленности были подготовлены в течение этой эпохи, но ни один из достигнутых тогда не заслуживает упоминания.

Франки, бывшие военными вождями нации, руководили в то же время ее промышленной деятельностью: им принадлежали почти все земли; равным образом они завладели и движимым инвентарем земледелия, главную роль в котором играли галлы, прикрепленные к земле, составлявшие благодаря этому лишь высшую категорию рабочего скота.

Производители грубых земледельческих орудий находились также в рабстве, следовательно, работали под управлением франков. Наконец, производством материй для одежды руководили франкские женщины, заставлявшие изготовлять их под своим наблюдением в своих замках. В течение этого промежутка времени ремесленники, хотя и находились все время в рабстве, приобрели значение и успели составить себе сбережения, тщательно скрывавшиеся ими.

В о п р о с. Что произошло со времени первого крестового похода и до царствования Людовика XI? Каковы были успехи промышленности? Какие причины определили эти успехи?

О т в е т. Крестовые походы ввели в большие расходы аристократов, т. е. франков; их доходы не были достаточны, чтобы их покрыть. Для того чтобы обеспечить себе необходимые суммы, они принуждены были продавать вольности галлам, которые были в состоянии оплачивать их.

Галлы, приобретшие эти вольности, стали по большей части ремесленниками, которые больше других имели случаев и возможности составить себе состояние. Франки продавали также земли галлам, которые сумели тем или иным путем скопить себе денег; таким образом, крестовые походы обусловили образование промышленного класса, как класса, отличающегося от военного.

Бережливость и энергия этого класса увеличили затем его значение за время от последнего крестового похода до восшествия на престол Людовика XI.

Крестовые походы содействовали также совершенствованию и росту промышленной деятельности как в смысле ее распространения, так и в смысле большего разнообразия ее видов. Дворяне, разорявшиеся в своих азиатских походах, принесли во Францию вкус к роскоши, к изысканности, в частности страсть к красивому оружию.

Изысканные вкусы мужчин развили кокетство женщин; женщины, став кокетливыми, получили интерес к украшениям. Образцы прекрасных тканей, изготовленных в Азии, возбудили в прекрасном поле желание иметь такие же ткани. Отсюда происхождение внешней торговли, отсюда происхождение производства роскошного оружия, отсюда, наконец, происхождение фабрикации всех предметов комфорта для населения, получившего склонность к тонким наслаждениям.

В результате промышленный класс ко времени восшествия на престол Людовика XI уже резко отличался от военного. Этот класс был составлен из трех частей, а именно: из галлов, собственников земли, обрабатывавших ее не будучи военными; из получивших свободу ремесленников, объединившихся в городах; из купцов, привозивших во Францию азиатские ткани и пускавших в оборот предметы французского производства.

Вопрос. Как развивалась промышленность от Людовика XI до царствования Людовика XIV включительно? Какие причины содействовали развитию и росту влияния промышленников?

Ответ. К XV в. королевская власть приобрела уже значительную силу по сравнению с эпохой завоевания Галлии франками, когда король был только генералом франкской армии, назначенным вождями отрядов, составлявших эту армию.

Людовик XI, взойдя на престол, увидел, что королевская власть еще очень неустойчивое политическое учреждение, не имеющее положительного и прочного характера; он увидел, что верховная власть принадлежит еще баронам; он увидел, что король в действительности только самый влиятельный из баронов и что у потомков племенных вождей, ставших баронами, сохранилась традиция, согласно которой король только *primus inter pares*⁹⁹ среди них, выбираемый и сменяемый по их воле. И, наконец, он осознал, что ему

следует обратить особое внимание на тот факт, что объединенные бароны обладают во Франции большей силой и могуществом, чем король, и что для королевской власти, при феодальном строе, нет иного способа сохранить свое верховенство, как поддерживать раздоры среди баронов и привлечь наиболее могущественных из них на свою сторону.

Людовик XI задумал смелый план сосредоточить всю верховную власть в руках короля, уничтожить главенство франков над галлами, разрушить феодальную систему, отменить институт дворянства и стать королем галлов вместо вождя франков.

Для того чтобы этот план имел успех, ему необходимо было связать свою власть с интересами класса, достаточно сильного, чтобы поддержать его и обеспечить успех его начинанию. Он вступил в союз с промышленниками.

Промышленники желали сосредоточения верховной власти в руках короля, потому что это было единственное средство уничтожить препятствия, стоявшие на пути внутренней торговли Франции вследствие раздробления верховной власти. Они стремились также стать первым классом в обществе как для удовлетворения своего самолюбия, так и для материальных выгод, которые получает тот, кто составляет законы: закон всегда благоприятствует тому, кто составляет его. Поэтому промышленники приняли союз, предло-

женный им королевской властью, и с этих пор всегда оставались в союзе с ней.

Людовика XI нужно рассматривать как основателя союза, образовавшегося в XV в. между королевской властью и промышленностью против дворянства, между королем Франции и галлами против потомков франков.

Эта борьба между королем и крупными вассалами, между руководителями промышленности и дворянами продолжалась больше двухсот лет, пока вся верховная власть не была сосредоточена в руках короля, а дворяне совершенно перестали руководить промышленной деятельностью. Но в конце концов при Людовике XIV в передние короля начали стекаться потомки или наследники самых влиятельных вождей, превратившихся затем в баронов, чтобы добиваться мест среди челяди при его дворе. И вот у многочисленного класса рабочих не оказалось других руководителей его труда, кроме людей, вышедших из его рядов, людей, которым способности или удача доставили возможность стать предпринимателями в каком-нибудь промышленном производстве.

Интересно отметить, как действовали промышленники в этой борьбе в отношении дворян, какие меры они применяли для того, чтобы лишить дворян всего влияния, какое они имели в области мирной деятельности. Это покажет нам коренное различие между политическими нравами дворян и промышлен-

ников, между гражданским поведением франков и галлов.

Промышленники, галлы, занимавшиеся земледелием, шли к дворянам в их замки и говорили им примерно так: «Вы ведете очень жалкую жизнь, живя уединенно в деревне; забота об обработке ваших владений — занятие недостойное вашего высокого рода, сдайте нам в аренду ваши земли, и вы сможете проводить зиму в городах, а лето в деревне, отдаваясь только своим удовольствиям. В городах наши собратья фабриканты постараются доставить вам самую богатую и самую удобную мебель; наши собратья торговцы выставят в своих магазинах лучшие ткани, наиболее подходящие для того, чтобы показать прелести ваших супругов, а наши собратья капиталисты одолжат вам деньги, когда вы будете в них нуждаться. Летом, когда вы приедете в свои замки, вы будете развлекаться охотой, а ваши жены разведением цветов в своих цветниках».

Знать соблазнилась этим предложением, приняла его и с этого момента потеряла всякое действительное влияние в государстве, так как перестала быть руководителем народа в его повседневной деятельности.

Что следует отметить, говорим мы, в перемене, произведенной промышленниками, это — основную черту их поведения, совершенно отличную от тех нравов, какие господствовали в обществе до образования этого класса.

До образования корпорации промышленни-

ков в нации существовало только два класса, а именно, класс командующих и класс повинующихся. Промышленники выступили с новой отличительной чертой; с самого начала своего политического существования они не стремились командовать, но не желали и повиноваться. Они ввели тактику полюбовных соглашений как с высшими, так и с низшими; они отказались признавать другие власти, кроме комбинаций, которые примиряют интересы договаривающихся сторон.

Теперь мы перейдем, если угодно, к рассмотрению того, что произошло от века Людовика XIV до установления кредитной системы.

В о п р о с. Вы слишком спешите. Есть один очень важный пункт, требующий разъяснения. Похоже на то, что Людовик XIV, воспользовавшись выгодами своего союза с промышленниками и доведя крупных вассалов до того, что они стали надевать ему сорочку и прислуживать ему за столом, совершенно покинул промышленников, что он заинтересовался только приобретением славы великого воина и завоевателя, сооружением великолепных дворцов, что он при участии своих придворных пожирал все продукты промышленной деятельности. Что вы скажете об этом?

О т в е т. Конечно, Людовик XIV был слишком расточителен, слишком любил войну, но отсюда мы не имеем права заключать, что он не оказал крупных услуг промышленности: именно по его приказаниям Кольбер снабжал средствами фабрикантов

для устройства крупных промышленных предприятий, на средства его казны была устроена прекрасная мануфактура Ван-Робэ, положившая начало выработке прекрасных шерстяных тканей.

Наконец, именно он создал союз между положительной наукой и промышленной деятельностью; он создал Академию наук и поручил ей в качестве специальной задачи освещать и содействовать успехам промышленников.

Позвольте вам заметить, что настоящий обзор должен быть возможно более кратким. Поэтому мы вас просим не заставлять нас углубляться в детали, чтобы перейти непосредственно к рассмотрению успехов промышленности и роста влияния промышленников за время от царствования Людовика XIV до установления кредитной системы включительно.

Вопрос. Соглашаясь с вами, мы просим вас сказать, каким образом промышленники из того, все еще очень подчиненного социального положения, в котором они находились по отношению к дворянству при Людовике XIV, смогли возвыситься до соперничества со всеми другими непромышленными классами; словом, как случилось то, что сейчас Шоссе д'Антен¹⁰⁰ смсет бороться с предместьем Сен-Жермен?¹⁰¹

Ответ. До XVIII в. земледельцы, фабриканты и купцы составляли еще отдельные корпорации. Начиная с конца царствования

Людовика XIV эти три крупные отрасли промышленности объединились в финансовом и политическом отношениях путем образования нового рода промышленности, частные интересы которого находятся в полном согласии с общими интересами всех промышленников. Образование этой новой отрасли промышленности дало промышленникам возможность установить систему кредита.

Крайне важно как можно внимательнее присмотреться к тому, каким путем шла организация промышленников в финансовом и политическом отношениях. Только зная, как создавалась эта организация, можно точно и ясно представить себе, что должны делать промышленники сейчас для улучшения своего социального положения. Поэтому мы вас просим очень внимательно следить за тем, что мы вам будем говорить.

Покровительство, которое оказывал Людовик XIV производству и торговле, дало мощный толчок развитию этих двух отраслей промышленности; но это большое благо повлекло за собой одно неудобство: благодаря тому, что операции мануфактуристов и купцов очень умножились, им приходилось во многих местах производить расходы и получать доходы, а это влекло за собой потерю большого количества времени на труд по погашению взаимных счетов.

Потребности рождают средства их удовлетворения; вскоре образовалась новая отрасль промышленности, банковое дело. Эти

новые промышленники обратились к фабрикантам и купцам и сказали им:

«Вы тратите много времени и приносите большие жертвы для производства операций по приходам и расходам. Мы предлагаем вам поручить нам этот труд. Так как мы это сделаем нашим единственным занятием и все операции этого рода будут производиться нами, то мы сможем производить операции с вашими приходами и расходами гораздо дешевле, чем это делаете вы сами; благодаря этому, значительно уменьшится надобность в действительной перевозке денег и т. д.».

Предложение банкиров было принято всеми торговцами и фабрикантами, так что с этого времени все денежное обращение стало производиться банкирами. Банкиры получили большой кредит, что было неизбежным результатом того факта, что все денежные движения проводились банкирами.

Чтобы получить выгоду из своего кредита, банкиры стали давать под проценты ссуды торговцам и фабрикантам. Последние, пользуясь бóльшим кредитом, получили возможность расширить свои операции и производить большее количество богатств.

И, наконец, общим результатом учреждения банков для промышленности и общества было то, что значительно выросло производство предметов комфорта, как и спрос на них, что с этого момента промышленный класс стал обладать гораздо большей денеж-

ной силой, чем все остальные классы вместе взятые и даже чем правительство.

В то время как промышленники делали большие успехи в развитии своих способностей, своего влияния и реального могущества, непромышленные классы опускались во всех отношениях, а между тем королевская власть попрежнему продолжала выбирать из этих классов людей для управления государственным добром.

Плохое управление государственными финансами привело к дефициту, который постоянно увеличивался, и наконец в 1817 г. государственное казначейство находилось в таком запутанном состоянии, что непромышленные его руководители не видели никакого средства выпутаться из затруднений и выполнить обязательства короля по отношению к иностранцам; обязательства же эти явились результатом плохих финансовых операций, приведших к революции, а затем и к анархии в королевстве и закончившихся тем, что французская нация попала в зависимость от иностранных государств.

При этих обстоятельствах банкиры предложили правительству деньги, в которых оно нуждалось, но они поставили следующие условия:

- 1) чтобы правительство совершенно отказалось от того варварского ведения финансовых дел, какое имело место до этого времени; чтобы оно навсегда отказалось от объявления банкротства, чтобы оно усвоило

промышленный, т. е. лояльный образ действий, чтобы оно целиком удовлетворило всех своих кредиторов, каково бы ни было происхождение долга;

2) чтобы эта сделка была заключена по взаимному согласию между ними, т. е. банками и правительством, чтобы условия займа были обсуждены банками и министрами, как при обыкновенной сделке между частными лицами.

Предложение банкиров было принято; зародился государственный кредит, благодаря которому институт королевской власти стал более прочным, чем был когда-либо раньше.

Здесь я кончаю обещанный нами обзор успехов промышленности и роста влияния промышленников за время от утверждения франков в Галлии и до сего дня.

Вопрос. Теперь вам остается сказать, какое заключение вы выводите из этого обзора для будущего. Вам остается сообщить нам, какое будущее предстоит промышленникам. Говоря яснее, вам остается наметить тот путь, по которому должны идти промышленники, чтобы стать первым классом в обществе и чтобы побудить королевскую власть доверить наиболее влиятельным из них заботу об управлении достоянием государства. Выскажите ясно на этот счет.

Ответ. Позвольте вам заметить, что мы поступили бы не методически, если бы непосредственно удовлетворили ваше желание,

если бы мы перешли от рассуждений о прошлом непосредственно к рассуждению о будущем. Великий порядок мира между прошлым и будущим поместил настоящее, поэтому мы должны остановиться на один момент на настоящем, прежде чем пуститься в будущее.

Вот в немногих словах современное политическое положение.

Потомки галлов достигли полного уничтожения системы личного рабства, тяготевшего над ними; они выказали свою активность в направлении мирной деятельности; они организовались как промышленники. Они сохранили военную силу лишь постольку, поскольку она необходима для отражения нашествий и для поддержания внутреннего порядка, т. е. уважения к собственности. Потомки галлов, т. е. промышленники, создали денежную силу, силу господствующую, и они владеют этой силой не только потому, что они имеют больше монет в своих сундуках, чем их есть в сундуках потомков франков, но и потому, что они могут распоряжаться почти всеми денежными средствами Франции благодаря своему кредиту; таким образом, галлы стали наиболее сильным элементом в стране.

Но управление осталось в руках потомков франков; потомки франков управляют государственными финансами; они сохранили руководящую роль, полученную ими от своих предков. Таким образом, современное обще-

ство представляет необычайное явление: нация по существу промышленная имеет правительство по существу феодальное.

Вопрос. Мы находим, что нарисованная вами картина страдает большими преувеличениями. Конечно, правительство отличается более феодальным характером, чем вся нация в целом, но феодальный дух правительства настолько изменился, что он находится в согласии с духом, нравами и привычками промышленного класса, образующего действительно основную часть нации, или, если хотите, нацию; таково наше мнение. Каково ваше?

Ответ. Вы допускаете крупную ошибку, воображая, что управляющие классы приспособились к нации; такое приспособление невозможно осуществить, так как оно противосущественно. Учреждения, как и люди, создающие их, способны к изменениям, но не могут совершенно уничтожить свою природу; их первоначальный характер не может исчезнуть до конца. Всякое общество, в составе которого находятся учреждения разной природы, всякое общество, в котором допускаются два противоречащих друг другу принципа, как бы велико или мало оно ни было, находится в беспорядочном состоянии. Таково современное положение населения, живущего на французской территории. Управляемая, подчиненная часть этого населения усвоила в качестве руководящего принципа

своего поведения промышленный принцип; она хочет подчиняться только соглашениям, примиряющим интересы договаривающихся сторон; она думает, что управление государственным достоянием должно вестись в интересах большинства; она питает отвращение к привилегиям и к правам по рождению за единственным исключением королевской власти; одним словом, она стремится к установлению самого полного равенства, какое только возможно. Между тем потомки франков, стоящие теперь во главе правления, имеют всегда в виду свои права, вытекающие из завоевания; им кажется, что управление нацией должно вестись в их интересах, и их политические идеи сводятся к удивительному по своей простоте понятию о делении на два класса — один, который повелевает, и другой, который повинуется.

Вопрос. Вы не отметили одной вещи: существует промежуточный класс между дворянами и промышленниками; это тот ценный класс, который является действительно связующим звеном общества; он соединяет феодальные принципы с промышленными. Что вы думаете об этом классе?

Ответ. Устанавливаемое вами деление прекрасно с метафизической точки зрения, но мы совсем не хотим заниматься метафизикой, наоборот, мы хотим бороться с ней. Цель нашего труда — поставить факты на место метафизических умствований. Поэтому мы рассмотрим вкратце образование, жизнь

39*

и деятельность за последнее время того промежуточного класса, который кажется вам столь ценным.

В течение продолжительного времени франки решали судебные споры своих вассалов лично, не прибегая к помощи каких-либо ученых. Но когда общественные отношения разрослись и усложнились, когда было введено писаное право, потомки франков, считавшие за честь неумение подписать свое имя, не могли уже больше справляться с судебной деятельностью: образовалась корпорация легистов. Бароны сделали этих легистов своими советниками; на судебных заседаниях они помещали их возле себя и советовались с ними по юридическим вопросам, подлежавшим разрешению. Позднее они совсем сняли с себя заботу о суде в спорах своих вассалов. Легисты стали самостоятельно вести судебные заседания и отправлять правосудие от имени потомков франков. Вот каково происхождение одной из частей промежуточного класса.

До открытия пороха люди, владевшие оружием, т. е. потомки франков, составляли главную часть армии. После открытия пороха силу армии стали составлять стрелки и артиллеристы; инженерами, артиллеристами и стрелками стали главным образом потомки галлов, но командование армиями постоянно оставалось в руках потомков франков. Вот каково происхождение другой части промежуточного класса.

Вся территория была сначала разделена между франками. Суверенная власть была тогда связана с земельной собственностью. Когда потомки франков отправились в крестовые походы и принуждены были продать часть своих земель, чтобы обеспечить себя необходимыми деньгами, они вместе с тем должны были отказаться и от части своего суверенитета, ибо какие бы усилия они ни употребляли, чтобы отделить суверенные права от продаваемых земель, вся территория была до такой степени пропитана феодальными отношениями, что новые собственники, хотя и разночинцы по происхождению, все же стали дворянами в малом масштабе. Таково происхождение третьей части промежуточного класса.

Мы видим, что эти три части, составляющие промежуточный класс, были созданы и порождены потомками франков. Мы увидим далее, что они действовали согласно своей первоначальной природе, когда им удалось достичь власти. Но посмотрим сначала, каково было их поведение со времени их возникновения до 1789 г.

Легисты, разночинцы-военные и земельные собственники, не принадлежавшие ни к дворянам, ни к земледельцам, играли обычно роль народных защитников против притязаний и привилегий потомков франков.

Считая себя в 1789 г. достаточно сильным для того, чтобы освободиться от господства потомков франков, промежуточный класс

побудил народные массы восстать против дворян. Этому классу удалось, пользуясь силами народа, истребить часть потомков франков, тех же, которые не были истреблены, он вынудил скрыться за границу. Промежуточный класс стал тогда первым классом, и очень интересно взглянуть на его поведение после достижения им высшей власти. Вот каково оно было.

Он выбрал из своих рядов буржуа, которого сделал государем; тем из своих членов, которые играли главную роль в революции, он дал титулы князей, герцогов, графов, баронов, кавалеров и т. д.; он создал майораты для новых дворян, одним словом, он восставил феодальную систему в свою пользу.

Вот каково было поведение промежуточного класса, существование которого вы считаете столь полезным для промышленников. Конечно, буржуазия оказала услуги промышленникам, но теперь буржуазный класс вместе с дворянским лежит бременем на промышленном классе. Буржуа теперь играют в обществе ту же роль, что мелкие дворяне. Промышленники заинтересованы в том, чтобы одновременно освободиться и от верховенства потомков франков и от господства промежуточного класса, созданного и порожденного дворянством и потому постоянно стремящегося к установлению феодализма в своих интересах. Промышленный класс не должен образовать никакого другого союза, кроме того, который был им заключен с

королевской властью при Людовике XI; он должен соединить свои усилия с королевской властью для установления промышленного режима, т. е. режима, при котором наиболее значительные промышленники составят первый класс в государстве и получают в свои руки управление государственным достоянием.

Вопрос. Вы слишком решительны, слишком абсолютны, слишком исключительны; вы хотели бы, чтобы существовал один только класс промышленников, но это совершенно неосуществимо, ибо сами же промышленники нуждаются в военных, в юристах и т. д. Можете ли вы доказать свою правоту и отразить обращенный к вам упрек?

Ответ. Создать систему значит составить мнение по самой своей природе решительное, абсолютное и исключительное. Вот наш ответ на первую часть вашего возражения. Затем вы говорите, будто мы хотим, чтобы существовал только один класс в обществе, именно класс промышленников; вы ошибаетесь, мы только хотим (вернее, этого хочет прогресс цивилизации), чтобы промышленный класс стал первым классом из всех, чтобы другие классы были ему подчинены.

Во времена невежества главным направлением национальной деятельности было военное, а промышленное было второстепенным; в это время все классы общества должны были подчиняться военному классу. Такова

была в действительности социальная организация этой эпохи, и она была бы плохой, если бы не имела решительного, абсолютного и исключительного характера. С прогрессом цивилизации направление деятельности населения Франции приняло в существенных чертах промышленный характер; значит, промышленный класс должен стать первым из всех, а остальные классы должны быть ему подчинены. Конечно, промышленники нуждаются в армии; конечно, они нуждаются в судебных учреждениях; конечно, нельзя принуждать владельцев собственности вкладывать свои капиталы в промышленные предприятия, но при современном состоянии цивилизации противоестественно, что высшее управление государственным достоянием находится в руках военных, легистов и праздных собственников.

В о п р о с: Постойте! Вы слишком разбрасываетесь для данного момента, вы входите в спор по существу вопроса и теряете из виду, что нас в настоящее время занимает вопрос о точном определении характера современного политического положения. Резюмируйте ваши взгляды по этому вопросу.

О т в е т. Вот вам в двух словах резюме, которого вы требуете: современная эпоха есть эпоха переходная.

В о п р о с. Перейдем к рассуждению о будущем. Скажите же нам определенно, какова будет в конце концов политическая судьба промышленников?

О т в е т. Промышленники станут первым классом в обществе; самые выдающиеся промышленники возьмут на себя безвозмездное управление государственными финансами; они будут издавать законы, они будут определять положение, которое должны занимать другие классы по отношению друг к другу; они придадут каждому из них значение соответственно услугам, оказанным ими промышленности. Таков будет неизбежный конечный результат нынешней революции; когда этот результат будет достигнут, общественное спокойствие будет вполне обеспечено, благосостояние государства начнет развиваться с той быстротой, какая только возможна, и общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным счастьем, на какое только может притязать человеческая природа. Таково наше мнение о будущем промышленников и о будущем общества; вот соображения, на которых основано это мнение:

1. Обзор истории общества доказал нам, что промышленный класс непрерывно приобретал все большее влияние, в то время как другие классы все время теряли его; отсюда мы должны заключить, что промышленный класс в конце концов должен стать самым влиятельным из всех.

2. Простой здравый смысл диктует всем следующее соображение: люди постоянно трудились над улучшением своей участи; конечной целью, к которой они всегда стремились, было установление такого социального

строю, в котором класс, занимающийся самым полезным трудом, был бы самым уважаемым; общество в конце концов достигнет этой цели непременно.

3. Труд — источник всех добродетелей; самый полезный труд должен быть самым уважаемым; следовательно, и божественная и человеческая мораль одинаково призывают промышленный класс играть первую роль в обществе.

4. Общество состоит из индивидуумов; развитие общественного разума не может быть иным, чем развитие индивидуального разума в более широком масштабе. Если мы проследим ход воспитания отдельного человека, то заметим, что в начальных школах наиболее значительна деятельность по надзору за детьми. В школах высшей ступени работа по надзору за детьми ослабевает, а обучение начинает играть все более важную роль. То же самое и с воспитанием общества: военная, т. е. феодальная, деятельность должна была быть наиболее значительной при его возникновении; она должна была непрерывно ослабевать, в то время как административная деятельность должна была постоянно приобретать все большее значение; в конце концов административная власть необходимо должна приобрести господство над властью военной.

Военные и юристы должны будут в конце концов повиноваться людям, наиболее способным в делах администрации, потому что про-

свещенное общество нуждается только в администрации, потому что в просвещенном обществе сила законов и военная сила, заставляющая повиноваться законам, должны употребляться только против тех, кто пытается нарушить порядок управления. Руководящие понятия для общественных сил должны вырабатываться людьми, наиболее способными в области администрации. Но крупнейшие промышленники доказали, что они обладают наибольшей способностью в этой области, так как благодаря этой способности они и приобрели значение; в конце концов на них будет неизбежно возложено руководство общественными интересами.

Вопрос. Мы находим ваше доказательство удовлетворительным, мы принимаем ваше мнение о политическом будущем промышленников; теперь мы переходим к непосредственному рассмотрению главного вопроса, по отношению к которому все сказанное до сих пор является только предварительной подготовкой к вопросу, после решения которого у нас останутся лишь вопросы второстепенные, к вопросу, который к тому же наиболее непосредственно интересует промышленников.

Скажите, каким образом произойдет та коренная перемена, необходимость которой вы доказали; скажите, что должны делать промышленники для того, чтобы возвыситься до первенствующего положения в обществе; скажите, каким образом совершится тот

переворот, который должен привести их к этому результату; скажите, каким образом будет проведен этот переворот; скажите нам, главное, кто будут те смелые люди, которые возьмутся за подобное дело?

О т в е т. Я дам на ваш вопрос самый ясный и положительный ответ; я — тот смелый смертный, который выполняет это дело: я собираюсь поднять промышленников на первую ступень уважения и власти.

Я скажу еще больше, я скажу, что это дело уже начато самым фактом составления этой первой тетради «Катехизиса промышленников».

В о п р о с. Ваш ответ весьма положителен в том смысле, что указывает на вас, как на того человека, который берется произвести перемену, долженствующую поставить промышленников во главе общества, но он положителен только в этом смысле: нам остается теперь рассмотреть, хорошо ли продумано ваше предприятие, способны ли вы руководить столь обширным предприятием. Вам остается познакомить нас с вашими расчетами, с тем путем, по которому вы думаете следовать, а главное — какими вы располагаете денежными средствами для покрытия издержек предприятия: ведь промышленники неспособны испытывать какой-либо интерес к предприятию, финансовая сторона которого плохо задумана и плохо рассчитана. Впрочем, мы сознаемся, нам доставляет

большое удовлетворение, что вы делаете из этого предприятия свое личное дело. Известно, что вещи, которые являются делом всех, в конце концов оказываются ничьим делом; известно, что личный интерес — единственный агент, который может руководить общественными интересами. Трудность состоит в том, чтобы найти такую комбинацию, при которой личный интерес совпадал бы с общественным. Мы полагаем, что не должны больше распространяться о принципиальном вопросе, так как мы здесь касаемся частного факта, вашего предприятия. Итак, мы просим вас ответить на вопросы, поставленные нами вначале.

О т в е т. Я начну с того, что представляюсь вам, потому что публика любит знать определенно, кто те люди, которые позволяют себе привлекать ее внимание к своим мыслям. Поэтому я дам вам объяснения как относительно моего политического поведения, так и относительно моих трудов.

1. В продолжение всей революции я играл лишь роль наблюдателя; я не занимал никакой общественной должности, не был даже нотаблем в деревне; я не связан ни с какой из политических партий, которые разделили Францию с 1789 г. Одним словом, взгляды, высказываемые мною, имеют самородный характер.

2. Я не легкомысленно приступил к этому предприятию, сорок пять лет посвятил я обдумыванию и подготовке его.

В результате своих размышлений и трудов я убедился, что для перехода от режима, где промышленники подчинены руководству военных, юристов и рантье, к социальному строю, где руководство общими интересами должно быть в руках промышленников, необходимо выполнить одно условие: необходимо ясно представить себе промышленный режим и познакомить с ним наиболее влиятельных промышленников; иными словами, необходимо показать наиболее влиятельным промышленникам, как могут и должны они использовать все свои полезные способности на службе промышленности и интересам производителей. Я убедился, наконец, что в начинании, осуществление которого необходимо для общества и которое я решился выполнить, имеется только одна трудность, это — ясно представить себе промышленную систему. Эта трудность состоит в том, чтобы найти способ согласовать с промышленной системой систему наук, систему общественного воспитания, систему религии, систему изящных искусств и систему законов; она состоит в том, чтобы найти способ заставить самых способных ученых, богословов, юристов, военных и рантье содействовать учреждению социальной системы, наиболее выгодной для производства и наиболее удовлетворяющей производителей.

Я вам заявляю, наконец, что я справился с задачей преодоления этой трудности; я вам заявляю, что в этом «Катехизисе» я

укажу промышленникам ясно и достаточно обстоятельно, какие средства они должны употребить для того, чтобы заручиться содействием всех даровитых людей, могущих быть полезными при установлении социальной организации, наиболее удовлетворяющей промышленников.

Вопрос. Мы не согласны с тем, что единственная трудность на пути к успеху вашего начинания та, которую вы, по вашим словам, преодолели, но мы согласны, что она — самая большая из всех, и мы вас просим указать конкретно, чего вы уже достигли в это отношении. Мы просим вас сказать, существует ли труд, касающийся этого вопроса, только в вашей голове или же он изложен на бумаге.

Отв. К «Катехизису промышленников» мы приложим том о системе наук и системе воспитания.¹⁰²

Этот труд, основные положения которого мы набросали и выполнение которого мы поручили нашему ученику Огюсту Конту, будет излагать систему промышленности а priori, мы же в настоящем «Катехизисе» будем продолжать излагать ее а posteriori.

Вопрос. Мы допускаем пока, что вы ясно представляете себе тот путь, которым должны следовать промышленники, чтобы возвыситься до первой ступени социального значения. Но мы утверждаем, что после преодоления этого первого затруднения представляется второе. Что вы сделаете,

чтобы промышленники уразумели задуманный вами план?

Ответ. Легко выразить то, что ясно понимаешь. Первых страниц этого «Катехизиса» достаточно, чтобы доказать, что мы после сорокапятилетних трудов в состоянии изложить наши идеи ясным и понятным образом.

Вопрос. После преодоления этих двух затруднений встанет третье, может быть, еще более серьезное, чем два первых. Мы допускаем, что вы хорошо задумали, т. е. хорошо изобрели, промышленную систему; мы допускаем, что вы ее ясно изложили; мы допускаем, наконец, что промышленники хорошо усвоили ее; но допустив все это, мы вас спрашиваем, какими средствами сумеют промышленники ее установить?

Ответ. Для постройки собора святого Петра в Риме потребовалось огромное количество камней и много времени. Но после того как было выполнено много разных работ, наступил, наконец, такой момент, когда укладка одного единственного камня замкнула купол и завершила здание.

С XV в. феодальная система постепенно разрушалась, а промышленная система постепенно организовывалась. Соответствующего поведения руководителей промышленности, крепко сплоченных между собой, будет достаточно, чтобы установить промышленную систему и заставить общество поки-

нуть развалины феодального здания, где обитали наши предки.

Вопрос. Выразите вашу идею точнее и изложите ее подробнее.

Ответ. Настоящий момент не подходит для обсуждения этого вопроса; мы разовьем наши мысли о средствах выполнения лишь после того, как закончим изложение нашей системы и ответим на представленные нам возражения. Но чтобы удовлетворить ваше желание в форме краткого предварительного очерка, поскольку это сейчас возможно, мы вам скажем следующее. Политические интересы Европы обсуждаются во Франции, а социальные интересы французов обсуждаются в Париже. Так как среди парижского населения промышленный класс является более многочисленным и влиятельным, чем все остальные классы вместе взятые, то парижские промышленники могут организоваться в политическую партию. Раз организуются парижские промышленники, организация всех французских, а затем и западноевропейских промышленников станет делом легким; организация же в политическую партию всех европейских промышленников поведет с необходимостью к учреждению в Европе промышленной системы и к уничтожению системы феодальной.

Вопрос. Но правительство воспротивится организации парижского промышленного класса в политическую партию.

О т в е т. Вы ошибаетесь, и ваша ошибка происходит оттого, что вы постоянно смешиваете либеральную партию с промышленной партией.

Либеральная партия всегда находилась и будет всегда находиться под руководством промежуточных классов. Но эти классы, порожденные феодальным классом, по самой своей природе связаны с феодализмом; поэтому они должны с необходимостью стремиться к реорганизации феодализма в своих интересах. Истинный девиз главарей этой партии таков: прочь отсюда, чтобы я стал на твое место; их явная цель — уничтожение злоупотреблений, а настоящая цель — использование их в своих выгодах. Таким образом, правительство должно было и должно сейчас противодействовать всеми силами росту влияния либеральной партии.

Но правительство, наоборот, не должно, не захочет и не сможет помешать образованию промышленной партии, потому что она в своей сущности — партия мирная и моральная, потому что она стремится действовать только силой общественного мнения, а правительство не может помешать образованию общественного мнения.

Подведем итог. Промышленный класс составляет двадцать четыре двадцать пятых нации; таким образом, когда промышленники приобретут собственные политические взгляды, их мнение станет общественным мнением, а общественное мнение, согласно

пословице, царствует над миром. Ему не может противостоять никакая сила; если спокойствие еще не вполне обеспечено, то это потому, что общественное мнение еще не выявилося.

В о п р о с. Вы должны представить ваш труд королю. Чтобы эта великая социальная перемена произошла мирным образом, нужно, чтобы ее вызвала и ею руководила королевская власть. Что вы думаете об этом?

О т в е т. Конечно, мы посылаем это сочинение г. председателю совета министров с просьбой представить его его величеству, но не надо воображать, будто король может непосредственно осуществить эту перемену. Перемена должна быть подготовлена писателями для того, чтобы ее можно было проводить в жизнь. Королевская власть гораздо более ограничена, чем вообще полагают; она ограничивается великим мировым строем. Государь неизбежно потерпит неудачу в своем начинании, если захочет улучшить социальную организацию своих народов в такой мере, которой не допускает еще состояние их просвещения и цивилизации. В настоящее время пример этой важной истины мы видели в несчастиях Австрии при Иосифе II, задумавшем продавать церковные имения и уменьшать дворянские привилегии.

Необходимо, чтобы промышленная доктрина была распространена; необходимо, чтобы наиболее влиятельные промышленники получили вполне ясное представление о

том, как следует для наибольшего процветания промышленности использовать ученых, артистов, юристов, военных и рантье. И только тогда король сможет употребить с пользой свой авторитет, чтобы поставить промышленников на высшую ступень общественной лестницы.

Вглядитесь, каков сейчас уровень сознания промышленников, и вы увидите, что они не чувствуют превосходства своего класса; они почти все желают выйти из него, чтобы перейти в класс дворян. Одни добиваются пожалования в бароны, другие (и таких больше) спешат предложить приобретенное ими в промышленности состояние потомкам франков на условии, чтобы те соблаговолили взять в жены их дочерей. Они далеки от того, чтобы поддерживать друг друга, они завидуют друг другу и стремятся вредить друг другу в глазах властей. Банкиры всех стран спешат предлагать всем правительствам промышленный кредит, не останавливаясь в своих финансовых операциях перед мыслью, что они соединяются с обломками феодализма и удлиняют время подчиненного положения, в котором до сих пор промышленный класс находится у других классов.*

---

* Проойдитесь по залам Шоссе д'Антен, и вы увидите, что они заполнены фразерами и мелкими рантье. У либеральных банкиров вы встретите большое число отставных чиновников, стремящихся достигнуть опять власти и запустить руку в государственную казну. Среди тех, которые охотно учиты-

Вопрос. Вы согласитесь по крайней мере с тем, что вам потребуется много времени для успеха вашего предприятия, т. е. для того, чтобы воспитать промышленников и научить их вести себя соответственно своим интересам?

Ответ. Потребуется гораздо меньше времени, чем вы думаете; люди понимают очень быстро то, к познанию чего имеют большой, положительный интерес. Политическое воспитание промышленников потребует гораздо меньше времени, чем вы думаете; оно произойдет тем более скоро, что опубли-

вают политическое будущее дворян, вы найдете чиновников, наживающихся сейчас на служебных злоупотреблениях. Но среди тех и других вы найдете лишь очень небольшое количество представителей промышленности. И вы заметите, что они почти всегда сидят за столом на последнем месте.

Промышленники начнут строить политическую партию с того дня, когда банкиры сделают свои дома местом приятных встреч промышленников с улицы Сен-Дени, с улицы Веррери, с улицы Бурлоннэ¹⁰³ и т. д. и мануфактуристов предместий; тогда они начнут оказывать действительное влияние на управление государственными делами. Европа — во Франции, а Франция — в Париже. Меньше чем через год парижские банкиры смогут играть самую важную политическую роль в Европе, если они сумеют столковаться и употребить должным образом имеющиеся у них средства, которые до сих пор тратились самым жалким образом; мы могли бы даже сказать, что они расходовались в направлении, прямо противоположном политическим интересам промышленного класса.

Когда дела партии идут плохо, то виноваты всегда ее главарь.

кование промышленной системы побудит самых способных людей во всех отраслях деятельности трудиться в этом направлении. Так приятно плыть по течению, и так нелепо желание двинуть назад цивилизацию, раз прочно усвоена идея о неизбежном торжестве промышленной системы; способные во всех отношениях люди откажутся от содействия политическому существованию обломков феодализма. Наиболее способные люди науки, богословия, изящных искусств, законоведы, военные и рантье не замедлят примкнуть к нашему предприятию; и когда способное меньшинство в этих различных отраслях станет трудиться над образованием промышленной системы под административным руководством наиболее влиятельных промышленников, промышленная система быстро организуется и будет приведена в действие.

Вопрос. Перейдем к финансовой стороне вашего предприятия. Скажите, каким образом вы достанете средства, необходимые для осуществления такого большого дела?

Ответ. Изложение нашего финансового плана было бы в данный момент преждевременно; чтобы его представить, мы должны выждать, чтобы наш «Катехизис» привлёк внимание наиболее влиятельных промышленников. Пока мы вам только скажем, что в результате наших предложений на бирже будут учитывать политическое будущее промышленников так же, как теперь учитывают

феодалное будущее Австрии и конституционное будущее Англии и Франции.

Вопрос. Вам остается сказать о политическом поведении массы промышленников в течение времени, потребного для выполнения вашего великого предприятия.

Ответ. Промышленники, которые получают этот «Катехизис», должны читать его самым внимательным образом; они должны сообщать его содержание своим друзьям-промышленникам, должны беседовать о нем с ними, обсуждать идеи и в особенности факты, изложенные в нем, и по возможности усваивать исповедуемую им доктрину.

Вопрос. Из сказанного вами можно заключить, что промышленники остались бы совершенно пассивными в области политики в течение всего времени, которого потребует публикация вашей доктрины, но это странно и нелепо; поэтому вам необходимо сказать, какую из существующих партий должны поддерживать промышленники в ожидании того момента, когда опубликование вашей доктрины укажет им средства организовать в свою политическую партию, в партию чисто промышленную, резко отличающуюся от всех других партий, существовавших до сих пор.

Говоря кратко, мы вас спрашиваем, какой существующей политической партии должны оказать свою поддержку промышленники?

Ответ. Промышленники должны оказать свою поддержку левому и правому центрам, рассматривая их как одну партию, потому

что актов насилия и государственных переворотов производители должны больше всего бояться: они могут достигнуть своих целей лишь лояльными, законными и мирными средствами, а члены правого и левого центров выказали себя наиболее мирными из всех депутатов. Наиболее честолюбивые депутаты, меньше всего брезгающие насильственными средствами и государственными переворотами, занимают крайнюю левую и крайнюю правую.

В о п р о с. Резюмируйте теперь в немногих словах все вопросы, обсуждавшиеся нами с начала этой беседы.

О т в е т. Вот краткий обзор или, если вам это больше нравится, общее резюме нашей беседы. За этим резюме последует заключение, так что мы дадим вам больше, чем вы просите.

Очевидно, что промышленный режим есть режим, который может доставить людям наибольшую меру общей и индивидуальной свободы, обеспечивая обществу наибольшее спокойствие, каким только оно может наслаждаться.

Равным образом очевидно, что этот режим облечет мораль наибольшей властью, какой она может обладать над людьми, доставляя всему обществу и отдельным его членам наибольшее количество наслаждений.

Очевидно также, что общество не может быть переведено из феодального режима в промышленный проторенными путями, пото-

му что эти режимы коренным образом отличаются друг от друга и даже противоположны друг другу. Первый стремится установить между людьми возможно большее неравенство, разделяя их на два класса — управляющих и управляемых, делая власть наследственной и передавая обязанность повиноваться от отцов к детям.* Промышленная же система основана на принципе совершенного равенства; она отвергает все права, основанные на рождении, и всякого рода привилегии.**

Ясно, что промышленный режим не может быть введен ни случайно, ни рутинным путем; его нужно было задумать а priori, изобрести как единое целое, прежде чем пустить его в действие.

Очевидно, наконец (и факт составления настоящего «Катехизиса» это подтверждает), что человеческий ум возвысился до концепции, охватывающей промышленный режим во всей его целостности. Из этих очевидных фактов мы выводим заключение, что божественная и человеческая мораль призывает людей, наиболее отличающихся своими способностями в разного рода областях, соединить свои усилия, чтобы завершить организацию промышленной системы во всех ее деталях и побудить общество в целом эту си-

---

* Эта система принесла большую пользу во времена невежества.

** Это единственный режим, соответствующий современному состоянию просвещения и цивилизации.

стему осуществить. Мы выводим еще и то заключение, что промышленники должны добровольно оплатить все расходы по переходу от феодальной системы, видоизмененной в конституционный режим, к системе чисто промышленной, так как промышленный класс производит все богатства и в то же время наиболее заинтересован в установлении промышленного режима.

Вопрос. То, что вы нам говорите, очень интересно и увлекательно. Ряд представленных вами наблюдений очень ясен и твердо установлен; выводимые вами следствия вытекают из него вполне естественно. Одним словом, мы испытываем сильнейшее искушение принять вашу систему и, конечно, примем ее, если вы можете ответить нам на четыре следующих возражения.

Первое из этих возражений или, лучше сказать, первый пункт, который мы просим разъяснить нам, это — может ли осуществиться предлагаемая вами перемена социальной организации без ущерба для института королевской власти?

Ответ. Институт королевской власти имеет всеобщий характер, отличающий его и ставящий его выше всех других институтов. Его существование не связано ни с какой политической системой вообще. Этот институт будет подходить одинаково ко всем системам социальной организации, установления которых может потребовать прогресс цивилизации.

Пусть король Франции объявит или, лучше сказать, признает, что промышленники составляют первый класс среди его подданных; пусть он поручит наиболее влиятельным промышленникам управление своими финансами, — от этого он не станет не больше и не меньше королем Франции и французов, чем сейчас; королевская власть независима от классификации подданных. Громадное большинство нации будет, несомненно, гораздо более привязано к королю, так как оно окажется в более счастливых условиях вследствие уменьшения налогов и лучшего их употребления — непосредственный результат того, что управление государственным достоянием будет поручено наиболее влиятельным промышленникам.

Таким образом, предлагаемая нами перемена отнюдь не враждебна королевской власти, законности и даже божественному праву; наоборот, она непосредственно стремится доставить королю больше спокойствия и следовательно, возможно больше счастья.

Естественно, что король принимает титул первого француза из первенствующего класса французов; так, его величество должен был называться первым дворянином, первым солдатом своего королевства, поскольку направление деятельности нации было главным образом военным; и теперь, когда нация проявляет себя главным образом в промышленном направлении, когда она стремится увеличить свое благоденствие преимуществен-

но мирными трудами, единственный титул, который подходит королю, это титул первого промышленника своего королевства.

К сказанному мы прибавим одно очень важное замечание: королевская власть, являющаяся органом общественного мнения, власть, наиболее почетной социальной функцией которой является выражение мнения большинства, не могла еще объявить, что промышленный класс является первым классом нации, так как промышленники до сих пор не проявили еще чувства своего превосходства; они не выразили еще того мнения, что самые влиятельные среди них наиболее способны из всех французов хорошо руководить финансами. Если бы король проявил инициативу в этом отношении, то возникла бы опасность, что против него объединятся все партии, оспаривающие друг у друга руководство финансами, чтобы эксплуатировать нацию в свою пользу, причем он не мог бы противопоставить им никакой силы, не имел бы никакой возможности сопротивляться им.

После данного нами объяснения вы вполне убедились, как мы надеемся, что наша система совсем не враждебна королевской власти и даже не порицает того поведения, которого король держался до сих пор.

Конечно, судьба промышленников со времени установления системы кредита была всегда (остается еще и теперь) в их собственных руках, и в тот день, когда промышленный класс выразит желание, чтобы руко-

водство государственным достоянием было поручено наиболее влиятельным его членам, королевская власть, как орган общественного мнения, немедленно объявит, что таково желание большинства и что меньшинство должно ему подчиниться.

Вопрос. Наше второе возражение заключается в следующем:

До того как король даровал нации хартию, ему было позволительно поручить управление государственным достоянием промышленникам предпочтительно перед лицами других классов общества, но теперь, когда вистригование налогов регулируется хартией, королю надо бы отменить главные ее постановления, чтобы поручить промышленникам дело составления бюджета. Что вы можете ответить на это?

Ответ. Король предоставил палатам право обсуждения финансовых законов и вотиrowания займов, но он оставил за собой инициативу представления финансового закона. Его величество может предложить, кому хочет, выработать проект бюджета; одним словом, король волен поручить наиболее влиятельным промышленникам высшее руководство государственным достоянием даже теперь, когда он даровал хартию; он может провести в рамках закона, т. е. не нарушая никакой статьи этой хартии, путем простого приказа следующие меры:

Король может учредить высшую финансовую комиссию, составив ее из наиболее влия-

тельных промышленников. Он может поставить эту комиссию выше своего совета министров. Он может ежегодно собирать эту комиссию, поручать ей составление проекта бюджета, а также наблюдение за тем, расходуют ли министры вверенные им суммы соответственно бюджету и не вышли ли они за его пределы.

Если его величество это сделает, то он фактически облечет промышленный класс высшим управлением государственным достоянием, он тем самым произведет великую реформу, радикальную перемену в социальной организации, вызванную прогрессом цивилизации; феодальная система будет совершенно уничтожена, а промышленная система вполне установлена; промышленники займут первое место по уважению и власти, в то время как дворяне, военные, легисты, рантье и государственные чиновники будут играть лишь второстепенную роль и занимать лишь подчиненные должности.

В о п р о с. Верно, что король может поручать наиболее влиятельным промышленникам дело составления проекта бюджета, но мы не видим неизбежности тех последствий, которые, по вашему мнению, вытекают из подобного мероприятия.

Подумайте в самом деле: ведь палата депутатов в огромном большинстве состоит из дворян, военных, юристов, рантье, государственных чиновников, одним словом, из людей, заинтересованных в том, чтобы заста-

вить промышленность платить возможно больше, потому что крупнейшая часть денег, уплачиваемых промышленниками, поступает в их карманы под видом жалований, наград, вознаграждений и т. д.

Подумайте, ведь большая часть палаты пэров состоит из пенсионеров государственного казначейства, заинтересованных в возрастании налогов; это возрастание открывает им перспективу увеличения их содержания, которое кажется им слишком скудным.

Подумайте, наконец, что палаты будут почти единодушно настроены против проекта бюджета, составленного промышленниками, так как этот проект будет иметь непосредственной целью установить в управлении государственным достоянием порядок, экономию и правильное использование налогов, уплачиваемых нацией, налогов, большая часть которых уплачивается промышленным классом. Нам кажется несомненным, что палаты будут противодействовать и даже сведут на-нет благодетельные и отеческие намерения короля относительно нации. Что вы можете на это ответить? Скажите нам: знаете ли вы средство заставить палаты принять проект бюджета, составленный промышленниками, не прибегая к государственному перевороту, т. е. к нарушению хартии?

О т в е т. Дворяне, военные, юристы и рантье не осмелятся бороться против короля, соединившегося с промышленниками, ибо король вместе с промышленниками со-

ставляет силу в сто или, может быть, в тысячу раз более значительную, чем все остальные классы общества вместе взятые; члены палаты не имеют другой положительной силы, кроме поддержки, оказываемой им разными классами общества. Проект бюджета, составленный самыми влиятельными промышленниками, будет принят палатами без помех; коренная перемена социальной организации будет произведена без всякого нарушения хартии, дарованной королем нации. Впрочем, вы можете быть спокойны насчет того, как промышленники, занятые составлением проекта бюджета, будут обращаться с теперешними государственными чиновниками, дворянами и буржуа разных классов. Промышленники питают отвращение ко всяким внезапным переменам. По своей природе и политическим привычкам они проводят реформы только постепенно и очень медленно, но они настойчивы и, раз взявшись за выполнение задуманного ими плана реформы, они будут работать без усталы до того момента, пока не установят наиболее экономного управления государственным достоянием.

Резюмируя наши ответы на ваши два первые возражения, мы скажем, что наши идеи не враждебны ни хартии, ни королевской власти, ни законности, ни божественному праву.

Вопрос. Мы вам предлагаем закончить теперь нашу первую беседу. Несколько моти-

вов побуждают нас сделать это предложение. Прежде всего мы заметим, что промышленники имеют мало времени для чтения, так как они очень заняты своими собственными делами, а затем имейте в виду, что они еще мало привыкли обсуждать общие идеи. Эти два мотива побуждают нас сделать наш разговор возможно более коротким. К этим двум мотивам присоединяется третий: наши два возражения, которые нам еще остается сделать, имеют другой характер, чем два первых. Мы в наших беседах до сих пор рассматривали Францию как изолированное государство, в то время как ее соседи оказывают на нее большое влияние. Мы должны рассмотреть, например, ее отношения к Англии, к Священному союзу, а это уже вопрос, который надо обсудить отдельно. Что вы думаете о нашем предложении?

О т в е т. Оно нам кажется хорошо мотивированным, и мы его принимаем. Мы на этом кончаем нашу первую беседу; это удобно еще и в другом отношении: если начало нашего труда не заинтересует промышленников, было бы бесполезно продолжать его.

Вторая тетрадь

В о п р о с. Перейдем к третьему возражению: оно состоит в том, что французская нация, как мы вам докажем, должна отдать предпочтение английской политической системе перед той, которую предлагаете вы.

Но сначала мы спросим, признаете ли вы, что опыт является лучшим путеводителем как для нации, так и для отдельных личностей?

Отвѣт. Да, мы признаем это без всякого сомнения, без всяких ограничений.

Вопрос. Раз только вы признаете этот принцип, нам нетрудно будет заставить вас согласиться, что ваша система ничего не стоит, так как она находится в противоречии с этим принципом. Мы обоснуем наш взгляд, а вы его затем опровергнете, если сумеете.

Английский народ самый богатый и могущественный; он оказывает наибольшее влияние на человечество, хотя занимает далеко не первое место ни по площади метрополии, ни по народонаселению. В Англии самый многочисленный класс находится в наилучших условиях в смысле жилища, пищи и одежды; в Англии богатые люди могут во всех пунктах национальной территории обеспечить себе наибольшее количество предметов комфорта; английский народ, наконец, обладает почти всеми удобствами, составляющими предмет стремления других наций.

Чему главным образом обязаны англичане теми выгодами, которыми они пользуются? Нет сомнения, что своей форме правления, т. е. превосходству своей социальной организации над всеми другими политическими системами, бывшими до сих пор в практике других народов.

Сравним теперь политические установки,

служащие основанием английской конституции, с принципом, положенным вами в основу вашей системы, и вы увидите, что между этими двумя построениями существует коренное различие.

Вы говорите: государственным достоянием должны управлять наиболее влиятельные промышленники, потому что промышленный класс из всех классов самый способный к управлению. Англичане же говорят: те, кто управляет государственным достоянием, должны ставить себе главной целью возможно больше покровительствовать промышленному классу, потому что промышленная деятельность — настоящий источник государственного процветания, но сами промышленники не должны нести бремя управления, так как они не обладают для этого достаточными познаниями и административные заботы отвлекли бы их от их собственной деятельности.

И на самом деле, в Англии в верхней палате сидят светские пэры, епископы и судьи; адвокаты, рантье и военные сидят в нижней палате, и их голос имеет преобладающее значение в управлении государственным достоянием, так как они составляют крупное большинство в палате общин и в Тайном совете.

Из сказанного мы заключаем, что ваша система находится в противоречии с английской конституцией, т. е. конституцией, которая, как доказал опыт, есть самая лучшая,

а потому ваша система ничего не стоит. Что вы можете на это ответить?

О т в е т. Наш ответ, точно так же как и ваш вопрос, будет основан на наблюдениях, т. е. на опыте.

Мы вам скажем: ряд наблюдений над прогрессивным развитием цивилизации в современном французском обществе от его возникновения до сего дня, представленный нами в первой тетради, доказал, что промышленный класс непрерывно приобретал все большее влияние, а другие классы все больше теряли его. Из этого четырнадцативекового опыта мы выводим то заключение, что промышленный класс должен в конце концов занять первое место, что промышленники в конечном результате прогресса цивилизации должны достигнуть высшей степени уважения и власти, что должна наконец наступить эпоха, когда наиболее влиятельным промышленникам будет поручено управление государственным достоянием, и т. д.

Согласно этому выводу, строго доказанному опытом, мы рассуждаем дальше и говорим: французская революция началась больше чем на сто лет позднее английской, ее результаты должны быть гораздо более благоприятны промышленному классу и, следовательно, неблагоприятны дворянству и буржуазии, чего не было в английской революции. Мы говорим: английская революция заставила дворян, легистов, военных, рантье и государственных чиновников управлять делами

нации в интересах промышленности; французская революция завершится тем, что уничтожит институт дворянства и подчинит легистов, военных, рантье и государственных чиновников повелениям промышленников.

Мы оба рассуждали согласно с опытом; таким образом, мы поступали в соответствии с выставленным вами и принятым нами принципом. Но между нашими взглядами существует, во-первых, то различие, что ваш взгляд основан на частичном опыте, на том, что произошло в Европе после английской революции, тогда как наш взгляд основан на большем количестве наблюдений над историей современных народов. Во-вторых, между нашими взглядами существует то различие, что вы рассматриваете английскую революцию как высший предел прогресса цивилизации в политическом отношении, мы же считаем английскую революцию и созданную ею социальную организацию лишь предпоследним звеном в цепи улучшений, к которым способен социальный режим европейских народов.

На основании представленных вам доводов мы продолжаем считать нашу систему хорошей, а ваши рассуждения неправильными. Что вы еще можете сказать об этом? Есть ли у вас еще другие доводы в доказательство вашего третьего возражения?

Вопрос. Да, конечно, у нас есть доводы для поддержания нашего возражения, и мы уверены, что выйдем победителями из этого

спора. Не будем придираться к словам, не будем обращать главное внимание на форму, а займемся рассмотрением вопроса по существу.

Вы утверждаете, что наиболее влиятельные промышленники способнее всех других членов общества хорошо управлять государственным достоянием. Вы утверждаете, что если бы наиболее влиятельным промышленникам было поручено управление государственным достоянием, то общество наслаждалось бы всеми выгодами, на которые оно может притязать, что управление осуществлялось бы наиболее дешево и наименее обременительно людьми, наиболее способными хорошо управлять его делами, и таким способом, который более всего может обеспечить общественное спокойствие. Мы принимаем ваше предложение, ваш принцип, вашу систему — неважно, какое название вам будет угодно применить, и мы вам говорим: ваша система принята в Англии, англичане провели ее в жизнь. Таким образом, вы должны полагать, что французская нация ничего лучшего не может сделать, как принять английскую конституцию, что французы должны постараться ввести ее у себя. Немногих слов достаточно, чтобы доказать справедливость этого утверждения, т. е. того, что в Англии принята промышленная система.

Государственным достоянием управляют в Англии лорды, ибо они господствуют над королевской властью и палатой общин. Но

все лорды заинтересованы в фабричных и коммерческих предприятиях более или менее значительными суммами, вложенными в них. Следовательно, лорды являются промышленниками, и в Англии промышленная система установлена.

О т в е т. Английское правление вовсе не промышленное, а феодальное, измененное, насколько это было возможно, в промышленном направлении. В Англии был установлен переходный режим, который прокладывал пути и доставлял средства французской нации и остальному европейскому обществу для перехода от феодальной системы к промышленной, от правительственной системы к административной.

Вот как надо смотреть на вещи; другая точка зрения не удовлетворяет разума и возмущает здравый смысл. В продолжение многих лет английская конституция рассматривается во Франции как образцовое произведение, о ней говорят, как о самом совершенном произведении человеческого разума в области политики. Это доказывает, что наука политики находится еще в детском состоянии; это доказывает, что государствоведы еще находятся во власти рутины; это доказывает, что они еще не возвысились до общего понимания хода цивилизации, и ничего другого это не доказывает. В действительности в Англии вовсе нет еще конституции; установленный там порядок вещей не обладает ни прочностью, ни устойчивостью и не

способен приобрести их. В английской социальной организации действуют в одно и то же время и феодальный и промышленный принципы. Но так как эти два принципа имеют различную и даже противоположную друг другу природу, так как они одновременно направляют нацию к двум, весьма далеким одна от другой целям, то отсюда вытекает как неизбежное следствие, что английский народ находится еще в беспокойном состоянии. Политическое положение Англии есть состояние болезни, кризиса, или, говоря правильнее, режим, под которым она живет,— переходный режим, а конституция ее, если вы обязательно настаиваете, что в Англии она существует, является убудочной.

Вопрос. Болезнь, поражающая, по вашим словам, английский народ, представляет совершенно новый патологический случай и нуждается в вашем объяснении. Это болезнь чрезвычайно странная, прежде всего по своей длительности, так как она началась уже более полутора веков назад и не закончилась еще до сих пор. Затем еще более удивительно то, что общественное благополучие английского народа началось одновременно с этой политической болезнью, и выгоды, которые английский народ получил сравнительно с другими народами, возрастали по мере развития этой воображаемой болезни.

Говоря откровенно, господа наставники, вы сами нуждаетесь в наставлениях. Вы хотите давать нам уроки политики, в то время как

вы сами должны брать их; вы хотите воспитывать нас, не потрудившись воспитать самих себя. Вы утверждаете, что Англия не имеет конституции, что социальная организация этой страны ублюдочна, что это строй, к которому англичане пришли в силу рутинны и который поддерживается лишь благодаря привычкам, приобретенным ими постепенно, строй, в котором нельзя отдать себе ясного и удовлетворительного отчета, строй, который не может быть установлен у другой нации, наконец, строй, который не может стать типом реорганизации европейского общества.

Мы ответим на это: вы не читали ни Монтескье, ни Блэкстона,¹⁰⁴ вы не знакомы с сочинением Делольма,¹⁰⁵ вы не изучали великолепных дебатов, происходивших неоднократно в английском парламенте о равновесии властей.

Читайте «Дух законов», и вы увидите, что люди изобрели только три формы правления, а именно: деспотическую, аристократическую и демократическую; поразмыслив об этом, вы признаете, что эти три формы — единственные, которые могут быть придуманы, и в большом числе сочинений английских и французских государствоведов вы найдете, наконец, доказательство того, что эти три формы правления удивительно искусно сочетаются в английской конституции, в результате чего получается лучшее правление, какое только может существовать.

Теперь, когда мы разбили, уничтожили вашу систему, мы вам скажем, что ваша единственная ошибка состоит в том, что вы преувеличили значение своих идей. Все материалы, употребленные вами для построения вашей системы, хороши, и мы намерены критиковать только применение этих материалов, общую концепцию, объединяющую ваши идеи. Конечно, все дарования должны быть направлены на развитие промышленности; конечно, правительства должны покровительствовать промышленности, потому что она источник всех богатств; конечно, богословы должны поощрять промышленность, потому что полезная деятельность — источник всех добродетелей, точно так же, как праздность — мать всех пороков; конечно, законодатели должны издавать законы, наиболее благоприятствующие производительному труду, потому что у наиболее трудолюбивых наций легче всего поддержать общественное спокойствие; но вы не должны заключать отсюда, что промышленное дарование должно направлять все другие дарования. Короче говоря, англичане нашли и закрепили то правильное положение, на котором следует остановиться, а вы в своих трудах забыли доволно старую поговорку, очень подходящую к настоящему случаю: лучшее часто бывает врагом хорошего.

Ответ. Не празднуйте победы раньше, чем вы ее одержали. Мы еще не дошли до конца нашего спора, мы только теперь серъ-

езно приступаем к нему. Мы вам бесконечно благодарны за снисходительность, которую вы любезно оказали нам под конец ваших резких нападок на нашу систему, но мы совершенно не нуждаемся в ней, мы чувствуем себя в состоянии отразить все стрелы, какие вы пустили в нас.

Сначала мы ответим на ваши шуточки по поводу болезни, поражающей, как мы выразились, английскую нацию, потому что замечания, высказанные вами на этот счет, мы можем рассматривать только как шуточные. Что касается нас, то мы совсем не намерены обсуждать в шутливом тоне самый злободневный и важный вопрос, какой только может занимать теперь человеческий ум, и мы вам говорим: представление о политической болезни играет только побочную и очень второстепенную роль в нарисованной нами картине политического положения английского народа. Главная идея, на которую вы должны были по существу обратить ваше внимание, это идея кризиса, в котором находится цивилизации в Англии со времени революции, происшедшей в ней в конце XVII в. Мы разовьем вам эту идею подробнее, так как простого провозглашения было недостаточно, чтобы вы поняли ее.

По своей организации человеческий род предназначен жить в обществе. Он призван жить раньше под правительственным режимом, а добившись достаточных успехов в положительных науках и в промышленности,

он должен перейти от правительственного, или военного, режима к административному, или промышленному, режиму.

Наконец, благодаря особенностям своей организации, он должен испытать долгий и бурный кризис при переходе от военной системы к мирной.

Вот наиболее общие соображения, до каких может подняться человеческий разум относительно хода цивилизации.

Попробуем теперь применить эти общие наблюдения над ходом цивилизации к тем обстоятельствам, в каких находятся англичане. Но для того, чтобы это применение было точным и понятным, нужно начать с определения современного социального положения английской нации с точки зрения ее внутренней и внешней политики.

При рассмотрении внутренней политики Англии с достаточно общей точки зрения, позволяющей охватить одним взглядом весь ее строй, поражает с самого начала наличие необыкновенного явления, какое только можно себе представить: можно усмотреть, что в основу своей социальной организации англичане положили два главных принципа, находящихся между собой в соперничестве, и так как эти два принципа имеют различную и даже противоположную природу, то отсюда должно было вытекать и вытекает на самом деле то, что англичане подчинены одновременно двум совершенно различным социаль-

ным организациям, имеют во всех областях двойные учреждения или, вернее, во всех областях они рядом с учреждениями, действовавшими у них до революции и сохраненными большей частью и после нее, создали контручреждения.

Таким образом, мы видим у них наряду с насильственной вербовкой матросов существование закона *habeas corpus*; мы видим, как пастух с веревкой на шее одновременно ведет на рынок свою жену и овцу; он продает свою жену за шиллинг, не подвергаясь никакому наказанию за унижение ее, за обращение с нею как с животным, но он подвергается штрафу в пять фунтов стерлингов за жестокое обращение со своей овцой. Богатый, многолюдный и весьма промышленный город Манчестер не имеет представителя в парламенте, а в то же время какой-нибудь лорд, владеющий участком, на котором когда-то находились совершенно покинутые теперь местечки, посылает сам девять депутатов, при помощи которых он поддерживает свои феодальные интересы, увеличивает, посколькy возможно, свое политическое влияние и заставляет министерство дорого оплачивать его за счет нации. Мало было бы статомов *in folio*, напечатанных самым мелким шрифтом, чтобы представить все органические противоречия, существующие в Англии.

Если от обозрения внутренней политики Англии мы обратимся к внешней, то найдем и здесь следствия тех же указанных выше

пороков ее организации. Мы видим, что английское правительство, с одной стороны, объявляет свой суверенитет над морями и вследствие этого подвергает осмотру все суда, а с другой — оно устанавливает равенство между белыми и черными, способствуя прекращению торговли неграми.

Мы видим, что английское правительство поддерживает в Европе правительственный режим, а в Америке покровительствует системе промышленной организации против правительственной.

Одним словом, английская нация находится уже давно в состоянии кризиса и во внутренней и во внешней политике. Этот кризис, который переживают сейчас все народы Европейского и Американского континентов, является очевидно тем кризисом, который человеческому роду, благодаря его организации, суждено пережить при переходе от правительственного режима к промышленной социальной системе.

Вот те наиболее общие соображения, какие мы могли бы представить в подкрепление нашего мнения, которое вы оспариваете с начала нашей второй беседы. Теперь мы требуем, чтобы вы признали нашу правоту или свою слепоту. Во имя здравого смысла мы требуем, чтобы вы признали правильность вышеприведенных фактов. Мы их перечислим еще раз для того, чтобы наше опровержение было более ясно.

1. Англия не имеет конституции, так как

конституция — это такой план общественной организации, в котором все политические учреждения нации выводятся из одного принципа и направляют национальные силы к одной цели; английские же социальные учреждения имеют два различных характера и направляют национальные силы этого народа к двум противоположным целям.

2. Английская социальная организация, в корне порочная, не должна быть представлена французской нации образцом, которому она должна по мере сил подражать; революционное состояние будет по необходимости длиться во Франции до тех пор, пока управляющие и управляемые не составят себе более ясного представления о способах установления прочного и устойчивого строя.

3. Наконец, кризис, в который вовлечены Франция и вслед за нею Англия, неизбежно завершится полным уничтожением феодальной системы и установлением исключительно промышленной системы. Нации, считающиеся теперь самыми цивилизованными, выйдут действительно и полностью из состояния варварства только тогда, когда управление общественными силами будет поручено самому трудолюбивому и миролюбивому классу, когда военный класс будет поставлен в совершенно подчиненное положение.

В о п р о с. Не трудитесь столько над опровержением наших возражений, не в этом ва-

ша главная задача; вы должны опровергнуть отца науки. Докажите, что мнение Монтеские ошибочно; это единственный возможный для вас способ убедить принять вашу систему.

О т в е т . Науки беспрерывно развиваются. Теперь любой студент Политехнической школы очень легко решает геометрические задачи, требовавшие громадных усилий гения Архимеда; каждый из этих учеников знает больше геометрических истин, чем этот чудесный гений.

Прошло более полувека со времени выхода «Духа законов». За это время произошло самое достопамятное из всех политических событий, какие когда-либо имели место,— французская революция. Таким образом, мы можем теперь рассуждать, опираясь на факты, которые были совершенно неизвестны Монтеские.

Монтеские был большой поклонник социального режима Англии, и он был в этом отношении вполне прав, потому что этот строй, без сомнения, гораздо выше всего того, что существовало до него. Но отсюда не следует, что Монтеские, если бы жил теперь, не нашел бы способа значительно улучшить этот строй.

Англичане приняли, изобрели, как это мы неоднократно повторяли, политические учреждения, имеющие промышленный характер; они их поставили параллельно и в противоположность старым феодальным учреждениям, существовавшим у них. Отсюда произошло

то, что феодальное правление оказалось у них гораздо более ограничено, чем у других европейских наций.

Французская революция произошла спустя около столетия после английской; она necessarily должна в результате дать усовершенствование английской конституции; размышляя же над тем усовершенствованием, которое возможно в английской конституции, можно увидеть с первого взгляда, что промышленная сила, введенная в английскую социальную организацию, как сила, ограничивающая феодальную силу, должна стать во Франции руководящей.

Вопрос. Вы сказали, что английская нация находилась в состоянии болезни и кризиса после революции, которую она испытала в конце XVII в.; мы вам заметили, что болезнь, которая, по вашим словам, поразила английскую нацию, имеет чрезвычайно странный характер прежде всего по своей длительности, так как она продолжается более полутора столетия лет, но еще более странной она представляется в другом отношении, именно в том, что вместе с болезнью одновременно началось преуспеяние английского народа, которое с самого начала болезни все время не переставало развиваться.

Вы очень разгорячились по этому поводу и стали утверждать, что идея болезни имеет второстепенное значение, а главное значение имеет идея кризиса. Вы взялись нам доказать, что английская нация переживала кри-

зис, тот кризис, который должен был перевести эту нацию, как и весь человеческий род, из детства в зрелый возраст, когда нация и весь человеческий род пользуются всеми своими способностями; но вы не сказали ни единого слова о болезни, которую она, по вашим словам, испытывает.

Мы вас просим ответить категорически на следующий вопрос: влечет ли, по вашему мнению, кризис болезнь, или болезнь не зависит от кризиса? Одним словом, какова болезнь, поразившая английский народ?

Отв. И нации, и виды, и индивиды переживают кризис, когда переходят из детства в зрелый возраст, когда они пользуются всеми своими способностями; этот кризис бывает более или менее долгим, более или менее бурным, более или менее мучительным в зависимости от тех специальных условий, в которых находятся переживающие его виды, нации и индивиды. Некоторые люди переживают его безболезненно, другие же страдают бледной немочью.

Применяя эти общие соображения к занимающему нас вопросу, мы скажем, отвечая категорически на ваш вопрос, который мы отнюдь не намеревались обойти:

«Человечество начало переживать кризис зрелости; этот кризис начал явно обнаруживаться у английской нации; благодаря ему английская нация поражена болезнью, соответствующей той, которая у отдельных людей носит название бледной немочи».

В о п р о с. Объясните нам, в чем состоит эта национальная болезнь.

О т в е т. Первый признак ее состоит в подкупности членов правительства, признанной, объявленной и возвещенной ими и одобренной управляемыми. Второй признак, более общий, проявляется в том, что нация хвастает своей страстью к деньгам и тем самым совершает основную ошибку, принимая средство за цель.

В о п р о с. Докажите, что у английской нации обнаруживаются эти два признака.

О т в е т. Один из наиболее знаменитых английских министров сообщил, разобрал и констатировал в парламенте тот факт, что подкупность является одним из самых важных элементов британской социальной организации. Вот анекдот, действительно очень пикантный. Это случилось тогда, когда в палате совсем не было оппозиционной партии. Министр взял слово и сказал: «Если вы не поспешите образовать оппозиционную партию, королевские сундуки наполнятся, и наша конституция будет в опасности, а наши свободы будут скомпрометированы».

Развивая эту мысль мы найдем следующее:

Всякий хороший англичанин, всякий истинный британец должен развить в себе парламентскую совесть, совершенно отличную и даже диаметрально противоположную своей обычной совести. Тот, кто избран в палату общин, должен выступать против министерских проектов, если даже он убежден, что

они хороши и полезны нации, должен упорствовать в своей оппозиции до тех пор, пока не вынудит министерство дорого заплатить ему за перемену позиции. Но раз он продал министерству свой голос и взгляды, он должен поддерживать все представляемые последним проекты, если даже он признает их плохими, т. е. противоречащими интересам нации. Существуют, впрочем, границы той преданности, которую должны выказывать члены парламента министерству взамен полученных от него милостей: они никогда не должны соглашаться с таким биллем, который стремился бы избавить министра от необходимости подкупать членов парламента для получения большинства в палате.

Лорды, как и члены палаты общин, также должны иметь парламентскую совесть, которая позволяет им продавать свои взгляды королю, но достоинству пэра более подобает получать вознаграждение властью, чем деньгами.

Очень важно отметить, что эти развитые нами взгляды министра совсем не вызвали гнева членов парламента, не шокировали нацию, но, наоборот, доставили высказавшему их министру репутацию очень глубокого политика, репутацию, которой он пользуется в Англии до сих пор.

Если от поведения членов верхней и нижней палат мы перейдем к оценке поведения избирателей при отправлении ими избирательных функций, мы обнаружим не меньше

подкупности, чем в палагах. Нередко бывает, что избрание обходится кандидату или его друзьям в сто, двести, триста, четыреста или даже в пятьсот тысяч франков. Избрание Фокса стоило иногда гораздо больше.

Если мы, наконец, обратимся к личной нравственности, принятой в английском народе, мы найдем характерную черту, ярко проявляющуюся во всей Англии. Когда англичанин говорит, что человек стоит столько-то, то это значит, что он обладает означенной суммой — и ничего больше. При общем суждении о людях англичане принимают во внимание только их состояние; англичане совершенно игнорируют все другие качества и способности.

Полагаем, мы достаточно доказали тот факт, что английский народ одержим национальной болезнью, соответствующей бледной немочи у отдельных людей. Переходим к рассмотрению другого, не менее важного факта, а именно:

Английский народ не сознает своей болезни и думает, наоборот, что он политически как нельзя более здоров; он заходит в этом заблуждении так далеко, что принимает симптомы болезни за признак здоровья. Поэтому-то мы видим, что англичане хвастаются пороками своей социальной организации и с уверенностью представляют их как верх совершенства политических построений. Манера, с которой правительственная и оппозиционная партии обделывают между собой дела

нации, связанная для управляемых с двойными поборами, возбуждает в них восхищение: тогда как она должна была бы быть для них предметом сожаления и презрения.

Англия, восхищающаяся своей социальной организацией, находится в совершенно таком же положении, в каком была бы молодая девушка, больная бледной немочью, которая восхищается своим желтым цветом лица и уверяет, что этот цвет больше всего идет женщине, что он составляет ее красоту и является лучшим признаком здоровья.

В о п р о с. Сравнение — не доказательство; отложим в сторону вашу идею о национальной бледной немочи и будем рассуждать непосредственно о рассматриваемых нами важных фактах.

Оставляя за собой право вернуться в дальнейшем к этому вопросу под другим углом зрения, мы в данный момент согласны с тем:

1) что англичане не имеют конституции и их современная социальная организация имеет за собой только ту заслугу, что она урегулировала постигший страну политический кризис;

2) что английская социальная организация является таким строем, благодаря которому сцепление колес политического механизма было, поскольку возможно, усилено; отсюда вытекает, что значительно уменьшились невыгодные стороны феодальных учреждений, оставшихся направляющей силой;

3) что восхищение англичан своей социальной организацией, которую они считают верхом совершенства, есть смехотворное заблуждение с их стороны.

Соглашаясь со всеми этими положениями, мы просим вас сказать, какое значение могут иметь для французской нации политические ошибки английского народа.

О т в е т. Политические заблуждения английского народа были бы безвредны для французской нации, если бы она взяла на себя труд смотреть на свои дела собственными глазами и судить о них силами своей собственной политической способности, если бы она надлежащим образом изучала свое прошлое, стремясь открыть средства, какими она располагает для достижения желательной цели, продолжая путь, которым она следовала до настоящего времени, если бы, одним словом, она действительно составила себе свои собственные политические взгляды, а не считала бы, наоборот, англичан проводниками в поисках средств для установления у себя социальной организации, соответствующей состоянию просвещения и цивилизации.

Остановимся прежде всего на пути, которым должны были бы следовать французы в своей политике, и нам легко будет правильно судить о политике, какую они усвоили.

В своих работах по истории Англии и Франции Гизо ясно, точно и неопровер-

жимо установил следующие факты. Он доказал:

1) что первоначальные учреждения французов и англичан были различны;

2) что эти учреждения изменялись в обеих странах не одинаковым образом, и прогресс цивилизации имел в обеих странах совершенно различный характер;

3) что во Франции все большую силу приобретала королевская власть, в то время как в Англии наиболее влиятельным учреждением явилось пэрство.

Из этих трех крупных фактов Гизо заключил, что французы для усовершенствования своей социальной организации не должны были пользоваться теми же средствами и поступать так же, как англичане.

Развивая дальше выводы этого превосходного государствоведа, мы скажем: во Франции должен быть усовершенствован институт королевской власти, в Англии же должен быть восстановлен институт пэрства. Во Франции королевская власть должна принять промышленный характер и совершенно отказаться от феодального, в Англии же пэрство раньше всякого другого учреждения должно совершенно освободиться от своего феодального характера и принять промышленное направление.

Рассматривая с этой единственно правильной точки зрения путь, по которому французы следуют со времени Реставрации — эпохи, когда закончились их революционные

нелепости, мы найдем, что он был и остается ложным, плохим, одним словом, совершенно ошибочным путем как со стороны правящих, так и со стороны управляемых, ибо и те и другие захлебывались от восторга перед английской социальной организацией, и те и другие руководятся принципами, принятыми в политике Англии.

В о п р о с. То, что вы говорите, нуждается в некоторых разъяснениях. Мы вас просим сначала доказать нам, что французская нация в своей политике подчиняется, как вы утверждаете, английским идеям.

О т в е т. Нам будет очень легко представить вам требуемое доказательство, ибо общеизвестен и повторяется каждый день следующий факт: французские политические партии борются между собой, пользуясь английской конституцией; левая, правая, правый центр и левый центр подкрепляют свои взгляды примерами, взятыми из истории Англии; наилучшим аргументом министерства, отстаивающего семилетний срок,¹⁰⁶ является то, что эта мера принята в Англии.

По этому поводу естественно возникает мысль, что увлечение французов английской социальной организацией должно быть очень велико, так как они не замечают, что легкость, с которой все партии находят примеры в пользу своих взглядов из практики англичан после их революции, служит лишь лучшим доказательством того, что английская социальная организация есть нагромо-

дение несвязанных между собой принципов и мероприятий. Таким образом, для французской нации есть нечто унижительное в том, что она рассматривает английскую социальную организацию как пример, достойный подражания.

Вопрос. Вернемся к предыдущему вопросу; он важен, он нов, он удовлетворяет национальное самолюбие, он со всех точек зрения заслуживает углубленного, тщательнейшего рассмотрения. Для усвоения новых идей их необходимо представлять много раз и в различном виде. Будьте добры изложить нам свои взгляды, изменив только приемы изложения ваших идей.

Ответ. Мы удовлетворим ваше желание.

«Все народы на земле стремятся к одной цели; она состоит в том, чтобы перейти от правительственного, феодального, военного режима к административному, промышленному и мирному; иными словами, каждый из них силится освободиться от учреждений, приносящих лишь косвенную пользу, и установить учреждения, служащие непосредственно общему благу и дающие всегда перевес интересам большинства над интересами частных лиц.

Каждый народ избрал свой собственный курс, каждый открыл свой путь к достижению этой цели.

Европейские народы приблизились к этой цели больше, чем другие народы на земле;

ближе всего к ней французская и английская нации.*

Чтобы приблизиться к этой цели, французы усовершенствовали монархическую систему, в то время как англичане создали парламентскую систему; французы — главным образом роялисты, в то время как англичане, сторонники парламентаризма, относятся всегда с недоверием к королевской власти.

Это различие происходит оттого, что во Франции короли соединялись с промышленниками против дворянства, в Англии же дворяне соединились с промышленниками против королевской власти».

Вопрос. Дайте нам в немногих словах вполне ясное понятие о том, каким образом произойдет тот великий политический переворот, благодаря которому человечество перейдет от правительственной системы к промышленной.

Скажите нам, какая нация первой начнет этот переворот, какая второй?

Ответ. Первой нацией, у которой начнется этот переворот, будет та, где мирным путем образуется движение, в результате

---

* Многие воображают, что американцы достигли в политике больших успехов, чем европейцы, но они ошибаются. Легко поддерживать порядок среди небольшого количества людей, главным образом хлебопашцев, притом рассеянных по обширной территории, но очень трудно устроить удобную жизнь большому количеству людей на маленьком пространстве. Мы в дальнейшем обсудим этот вопрос непосредственно.

которого наиболее важное учреждение, имеющее наибольшее влияние на управление общественным достоянием, примет промышленный характер и освободится от феодального.

Вопрос. У какой из европейских наций среди всех наций мира эта перемена может произойти легче всего?

Ответ. У французской нации.

Вопрос. Что дает французской нации это преимущество перед другими?

Ответ. То, что дворянство, этот единственный институт, стоящий между королем Франции и промышленниками, не имеет больше реальной силы, так как он потерял вес в имущественном отношении, и общественное мнение относится к нему неблагоприятно, так что во Франции нет серьезных препятствий для союза королевской власти с промышленным классом, и такой союз по необходимости должен состояться в интересах как короля, так и промышленников.

Вопрос. Но будет ли вытекать из союза французского короля с промышленниками тот результат, что королевская власть во Франции получит промышленный характер и будет лишена правительственного характера?

Ответ. Конечно, ибо прямым следствием союза французского короля с промышленниками является то, что его величество составляет свой высший совет преимущественно из промышленников, что бюджет будет составляться в первую очередь промышленниками, и т. д.

В о п р о с. После французской нации какая нация перейдет первой от правительственного режима к промышленному?

О т в е т. Это будет английская нация.

В о п р о с. Скажите, почему английская нация произведет у себя политическую перемену, необходимую для перехода от правительственного режима к промышленному, лишь после французской нации? Имейте в виду, что вы должны обосновать свой ответ достаточно сильными доводами, так как ваше мнение на этот счет находится в прямом противоречии с общественным мнением Франции, Англии и всего мира, считающим французскую нацию в политическом отношении очень отсталой по сравнению с английской.

О т в е т. Лорды достигли господства над королевской властью, оставив королю только ее видимость; на самом деле они используют королевскую власть к своей выгоде, т. е. к выгоде феодализма. Таким образом, господствующим политическим учреждением в Англии, имеющим наибольшее влияние на управление государственным достоянием, направляющим движение всего политического механизма, является пэрство. Но гораздо труднее превратить феодальный характер лордов в промышленный, чем произвести эту перемену с королевской властью. Отсюда вытекает, что французское правительство должно получить промышленный характер раньше английского.

Если французский король станет промыш-

ленным, т. е. поручит наиболее влиятельным промышленникам составление бюджета, то он лично ничего не потеряет, ни одна из его личных выгод не уменьшится, реформа коснется только его придворных и бесполезных или неспособных государственных чиновников. В Англии, наоборот, пэрство является самым влиятельным институтом, ибо пэры употребляют в свою пользу королевскую власть, поэтому реформа коснется здесь как раз тех, в чьих руках находится власть и кто очень заинтересован в том, чтобы оказать сопротивление этой перемене.

Лорды в качестве таковых, независимо от их способностей, взимают с нации, т. е. с производительного или промышленного класса, громадную сумму денег в виде синекур, жалований, пенсий, вознаграждений и т. п. Если прибавить к денежным тяготам, возлагаемым лордами на промышленный класс, еще тяжесть, налагаемую ими на них своим властвованием, положением и социальным влиянием, то мы увидим, что английские промышленники испытывают до сих пор самым положительным и существенным образом неудобства правительственного или феодального режима.

Из сказанного нами вытекает, что промышленный режим должен быть установлен во Франции раньше, чем в Англии, так как французские промышленники в его установлении сильнее заинтересованы, а члены феодального класса имеют меньше средств со-

противления во Франции, чем в Англии. Наш взгляд на этот счет станет яснее, если мы сравним средства, которые должны быть употреблены во Франции и в Англии для установления промышленного режима.

Вопрос. Когда именно начнется перемена, благодаря которой французская нация перейдет от правительственного режима к промышленному?

Ответ. Невозможно точно определить время, но очевидно, что оно не может быть теперь очень отдаленным, что средство установить во Франции спокойный и устойчивый политический порядок уже найдено, ибо честные люди (которые, что бы там ни говорили, все же составляют громадное большинство между управляемыми и даже между управляющими) устали от революции, горячо желают выбраться из мелей, среди которых блуждает государственный корабль больше тридцати лет, и согласны на большие жертвы ради установления спокойного и устойчивого строя, который поверг бы в уныние интриганов и заставил бы их стать трудолюбивыми и мирными людьми.

Вопрос. Допустим, что предложенное вами средство для установления спокойного и устойчивого строя хорошо, что оно является наилучшим для достижения этой цели, что оно, одним словом, может рассчитывать на верный успех, — все же остается несомненным то, что потребуются много времени, чтобы ознакомить с ним людей, чтобы его мог-

ли обсудить и оценить, чтобы все заинтересованные прониклись таким убеждением в его необходимости, которое заставит их приступить к его осуществлению.

О т в е т. Это средство так легко изложить, что нет ни одного рабочего, который не был бы в состоянии объяснить его своим товарищам, и простого здравого смысла достаточно, чтобы его вполне оценить. Поэтому мы настаиваем на нашем вышеизложенном мнении, что время, когда для французской нации начнется переход от правительственного режима к промышленному, не может быть очень отдаленным.

В о п р о с. Скажите теперь, каким образом начнется этот переворот, кто его вызовет и кто облечет его в законную форму?

О т в е т. Его вызовет промышленный класс, а в законную форму облечет его король. Скажу даже больше: король это сделает путем простого ордонанса.

В о п р о с. С какими словами обратятся промышленники к королю? В какой форме изложат они свои взгляды его величеству?

О т в е т. Промышленники должны повергнуть к стопам государя прошение приблизительно следующего содержания:

«Государь! Со времени Гуго Капета¹⁰⁷ до царствования Людовика XIV включительно между вашими предками — королями и нашими предшественниками — промышленниками существовала очень деятельная коалиция против дворянства. Обе стороны удачно

сочетали свои усилия и хорошо использовали свои средства, так что в результате к концу царствования Людовика XIV цель была достигнута. После этого дворянство уже не занимало самостоятельного положения в государстве: влияние, которое дворяне еще сохранили после этого, имеет своим основанием только политические ошибки, совершенные, с одной стороны, королевской властью, которая доверяла им наиболее важные и прибыльные государственные должности, а с другой — промышленниками, которые доставили им несметные богатства, жертвуя им из ложного тщеславия своих дочерей и продукты своих трудов.

Государь! Начиная с конца царствования Людовика XIV и до сего дня крупные политические ошибки были допущены королевской властью, с одной стороны, промышленниками — с другой. Первые ошибки в течение этого времени были сделаны королями, но наиболее вредными оказались впоследствии ошибки промышленников. С конца царствования Людовика XIV до смерти Людовика XV наиболее крупные ошибки сделаны королевской властью, а со времени восшествия на престол добродетельного Людовика XVI больше всего упреков заслуживают промышленники.

Что должна была предпринять королевская власть после смерти Людовика XIV?

Королевская власть должна была организовать промышленный режим. Король дол-

жен был принять титул первого промышленника своего королевства; высшее руководство государственным достоянием он должен был доверить наиболее влиятельным промышленникам, собирая их каждый год на несколько дней для составления бюджета.

Что же сделала королевская власть после смерти Людовика XIV до восшествия на престол несчастного Людовика XVI?

Раньше регент,¹⁰⁸ а затем Людовик XV смотрели на королевскую власть как на си-некуру; они полагали, что их единственное занятие на этом свете состоит в том, чтобы наслаждаться жизнью. Они устроили себе гаремы, как если бы они были персидскими шахами или императорами монголов; благодаря непонятному помешательству и полному ослеплению в отношении истинных интересов королевской власти они наделали множество совершенно бесполезных расходов и забавлялись, сколько могли, вместе с побежденными дворянами на счет победителей-промышленников.

Государь! Познание истины особенно полезно для королей. Мы надеемся, что ваше величество соблаговолит извинить откровенность, с которой мы выражаемся о поведении королевской власти со времени смерти Людовика XIV до восшествия на престол добродетельного Людовика XVI. Вы, впрочем, увидите, что мы не менее строги к нашим предшественникам и к самим себе, чем к августейшим главам нации.

Здесь начинается предмет наших признаний; мы переходим к настоящему. Все события, которых мы сейчас коснемся, происходили на глазах вашего величества и глубоко огорчали вас.

Ваш августейший брат вступает на престол; он спешит объявить, что намерен исправить ошибки, совершенные королевской властью при Людовике XV и регенте, и желает управлять нацией в интересах большинства своих подданных. Этот добрый государь отличается строгостью нравов и бережливостью во всех своих личных расходах; он во всеуслышание обращается за советами и поддержкой к честным людям, которые способствовали бы его добрым намерениям.

Весь промышленный класс должен был поспешно отозваться на этот великодушный призыв; но вместо того чтобы исполнить свой долг и действовать в столь важном случае согласно своим интересам, поддерживая всеми силами человеколюбивые планы короля, он остается хладнокровным зрителем борьбы, которая завязывается между великодушным монархом, с одной стороны, и придворными и привилегированными — с другой, борьбы, в которой король борется за нацию, а двор защищает злоупотребления.

Людовик XVI мужественно выдерживает эту борьбу в течение двенадцати лет; он призывает в министры человеколюбца Тюрго и банкира Неккера, он ищет и приобретает дружбу и всю привязанность почтенного

Мальзерба,¹⁰⁹ который помогает ему своими советами; но в конце концов, не встретив никакой поддержки со стороны промышленного класса, т. е. нации, он вынужден объявить о существовании дефицита в пятьдесят шесть миллионов, для покрытия которого у него нет средств. Он собирает нотаблей, затем устраивает большой съезд при дворе и после этих двух безуспешных попыток созывает Генеральные штаты.

В этом серьезном положении промышленный класс должен был выступить на сцену; он должен был прежде всего покрыть дефицит, а затем он должен был сказать королю: есть только одно средство для предупреждения нового дефицита, именно — изменить классификацию ваших подданных. Те, которые дают больше всего средств государственной казне и меньше всего берут из нее, должны быть призваны на первое место; им ваше величество должны поручить высшее управление государственным достоянием.

Государь! Ваш добродетельный брат, конечно, горячо приветствовал бы это лойальное предложение, и тогда революция не произошла бы; тогда бы свершилось великое благо, которое стоило бы совсем небольших усилий и не причинило бы никакого зла, между тем как революция за созданное ею благо заставила заплатить множеством зол. Вместо того чтобы исполнить свой долг, сделать то, что мы сказали, промышленный класс, считая королевскую власть за одно

целое с дворянством, радуется затруднениям, в которых очутился король, и отказывает ему во всяком кредите, забывая, что королевская казна есть вместе с тем и национальная казна.

Собираются Генеральные штаты, они превращаются в Учредительное собрание. Учредительное собрание разрушает одну за другой все части королевской власти и, лишив великодушного Людовика XVI возможности защищаться лично и уберечь нацию от действий интриганов, удаляется, дав своим трудам пышный титул конституции и принудив короля присягнуть этой мнимой конституции.

Непосредственно за Учредительным собранием следует Законодательное. Собрание это в своем громадном большинстве состоит из юристов, литераторов и ученых педантов всех степеней, головы которых настолько вскружены историей Греции и Рима, что буквально бредят республикой.

Законодательное собрание сменяется Конвентом. Он довершает ошибки Учредительного и Законодательного собраний. Он одновременно уничтожает несчастного, великодушного человеколюбца Людовика XVI и королевскую власть, этот институт, лежавший в основе социальной организации Франции. Он заменяет монархический режим республиканским и учреждает самую демократическую республику, какая когда-либо существовала, республику столь демократическую, что наибольшим влиянием пользуются в ней люди

самого бедного и самого невежественного класса, одним словом, Конвент легализирует полнейшую анархию.

Промышленный класс должен был разогнать Учредительное собрание, заставить молчать ученых педантов Законодательного собрания и одну половину членов Конвента поместить в Бисетр, а другую в Шарантон.¹¹⁰

Промышленный класс должен был вернуть доброму Людовику XVI всю его власть и еще расширить ее, освободив ее от влияния придворных и привилегированных и уговорив поручить составление бюджета тем, кто больше всего дает казне и меньше всего берет из нее.

Промышленный класс не пошел по этому пути и был жестоко наказан, ибо закон о максимуме¹¹¹ разорил всех промышленных предпринимателей.

Далее, Бонапарт восстанавливает трон, садится на престол, возлагает на свою голову корону и берет в руки скипетр. Промышленники должны были воспротивиться захвату французского престола, ибо узурпатор не может быть основателем промышленной монархии: ему нужна сила для поддержания своей власти, он может установить только военный режим. Промышленники не сделали этого и дорого заплатили за свою ошибку: сожжение английских товаров уничтожило значительную часть их капиталов.

Когда ваше величество возвратилось во Францию и вернуло себе свой трон, промыш-

ленники должны были сами вызваться выполнить все обязательства по договорам с иностранцами; они должны были, сверх того, предоставить в ваше распоряжение значительную сумму, чтобы дать вам средства для вознаграждения и удовлетворения людей, сохранивших вам верность и последовавших за вами. Вы, конечно, не нашли бы ничего дурного в том, что они в то же время обратились бы к вам с просьбой уничтожить феодальные права, ставшие совершенно смешными и ненужными после того, как промышленный класс доказал, что он обладает всей необходимой энергией для защиты страны от иноземного нашествия. Вы, конечно, согласились бы поручить составление бюджета тем французам, которые доставляют в казну наиболее значительные суммы и меньше всего берут из нее; ведь эти французы, руководители наиболее важных промышленных предприятий, в то же время из всех ваших подданных наиболее способны к управлению.

Если бы события шли таким образом, то промышленная монархия была бы учреждена в момент вашего возвращения во Францию.

Но так как промышленный класс не пошел по собственному побуждению навстречу вашему величеству при вашем возвращении во Францию, так как он не предложил вам открыто своей поддержки, в которой старая королевская власть нуждалась в момент своего восстановления, то вы, государь, должны были искать среди управляющих то, чего не

находили в классе, составляющем подлинное тело нации. Вы должны были признать дворянство обоих видов, вы должны были увеличить количество должностей в управлении государственным достоянием. Вы должны были, одним словом, значительно увеличить бремя, которое мы несли до революции, — справедливое наказание за политическую ошибку, которую мы совершили, не выступая открыто в качестве роялистов-бурбонистов, как мы это должны были сделать.

Нам остается сделать еще одно признание; оно завершит нашу исповедь.

В 1817 г.¹¹² ваше величество заметили, что старое дворянство стремится вернуть влияние, которым оно пользовалось во Франции прежде, что оно старается установить свое господство над королевской властью и заменить монархический режим аристократическим. Вы обратились тогда с призывом к промышленному классу, объявив своим ордонансом, что патенты будут рассматриваться как прямой налог. Очевидно, при таких условиях мы должны были послать в палату только искренних роялистов, только бурбонистов, что мы должны были выбирать депутатов из наших собственных рядов, т. е. из среды людей, которые дают много денег государственной казне и ничего из нее не берут. К несчастью, многие из нас отдали свои голоса людям, не оценившим по справедливости благих намерений Людовика XVI; другие выбрали в депутаты усердных при-

верженцев сына Бонапарта,¹¹³ и почти все поддержали кандидатуры краснобаев, которые очень мало заботятся об обогащении казны и домогаются лишь того, чтобы возможно больше получить из нее в виде жалования, пенсий, наградных и т. п.

Благодаря этой последней ошибке мы потеряли то небольшое политическое влияние, которое приобрели; она послужила причиной быстрого возрастания государственных расходов (доходящих ныне до миллиарда в год), заставив ваше величество усилить министерство и умножить число и влияние государственных чиновников, так как королевская власть и Бурбоны только в правящих кругах имеют действительную поддержку.

Да, мы это поняли и теперь признаемся: верно, что мы должны самим себе сделать большую часть упреков, с которыми мы до сих пор обращались к королевской власти, к Бурбонам и в особенности ко двору. Впрочем, мы от природы обладаем качеством, свойственным нашей природе, качеством, которое развивается с каждым днем и всегда гарантирует нам возможность исправления всех совершенных нами ошибок: мы по существу — люди труда и, следовательно, имеем реальное и положительное преимущество перед дворянами и придворными, каково бы ни было их происхождение.

Одним словом, между нашим политическим положением и положением Бурбонов различие в следующем: мы уверены в том,

что займем первое место в обществе, а Бурбоны живейшим образом заинтересованы в том, чтобы поскорее укрепить свой трон, основав промышленную монархию.

Государь! В течение последних ста лет во Франции были сделаны крупные политические ошибки как со стороны королевской власти, так и со стороны промышленников, но эти ошибки, как бы велики они ни были, не могли уничтожить прошлое французской нации и изменить ее политические судьбы. Четырнадцать веков французская нация живет при монархическом режиме; со дня восшествия на престол вашей августейшей династии и до смерти Людовика XIV Бурбоны и промышленники были между собой в союзе — сначала против крупных вассалов, затем против мелких и, наконец, против привилегированных всякого рода.

Своей предшествующей историей французский народ призван жить в условиях промышленно-монархического строя.

Королевская власть не перестанет испытывать затруднения, а промышленный класс, т. е. нация, не перестанет испытывать недовольство правительством до тех пор, пока не будет установлена промышленная монархия.

Ничто не может помешать установлению во Франции промышленной монархии, если французские промышленники, с одной стороны, и дом Бурбонов — с другой, хотят установить эту форму правления.

Каковы те классы, которые могли бы вос-

противиться установлению промышленной монархии во Франции? Старое дворянство имело бы, бесспорно, больше всего средств для воспрепятствования этому великому политическому акту, так как поддержка всех европейских аристократий все еще придает ему большую силу. Но с одной стороны, эта сила весьма уступает силе Бурбонов и промышленников, объединившихся для достижения общепользней цели, а с другой — старое дворянство сохранило благородство чувств и примирится гораздо легче, чем обычно думают, с таким строем, который обеспечит французскому народу внутреннее спокойствие и процветание. Старые аристократы задорно восстают против всяких политических новшеств, они всеми силами стремятся к восстановлению старого порядка, потому что они возмущены жестокостями революции, потому что все те, кто до сих пор руководил национальным движением обновления, были интриганы или безумцы; ни один из них не заслужил их уважения, ни один не дал ясного понятия о форме правления, которая соответствует современному состоянию цивилизации, ни один из них не доказал им, что уничтожение дворянства будет великим приобретением для народа. Особенно же возмутило их (и вполне основательно) создание новой знати.

Что касается нового дворянства, то народ не уважает и не любит его, оно не имеет сторонников или друзей ни вне страны, ни

внутри; это мертворожденный институт, который появился на свет вчера и которого не будет завтра; у него нет никаких средств сопротивляться установлению промышленной монархии.

Буржуа, т. е. законоведы недворянского происхождения, военные из разночинцев, собственники, не занятые промышленностью, располагают гораздо большей силой, чем новое дворянство; но их сила становится реальной лишь при условии объединения со старым дворянством, из которого они происходят. Они лишены своего собственного политического характера, они на самом деле лишь дворяне мелкого калибра. Их существование в качестве политической корпорации не может длиться дольше настоящего дворянства.

Армия состоит ныне из солдат, не проявляющих никакой любви к военному делу, из солдат, которые по своим склонностям и привычкам — настоящие промышленники; не они, конечно, будут сопротивляться установлению промышленной монархии. В армии одни только офицеры могут желать, чтобы военная профессия попрежнему пользовалась большим признанием и большими преимуществами в общественной организации, чем профессия промышленная.

Государь! Французская монархия до смерти Людовика XIV должна была иметь по существу военный характер; это значит, что первенствующий класс государства должен

был состоять прежде всего из военных и только во вторую очередь из промышленников, ибо до этого целью нации были главным образом завоевания.

От Людовика XIV и до настоящего времени французская монархия не могла не быть половинчатой: военный класс утратил свое преобладание, а промышленный еще не приобрел его. Тем не менее это время отнюдь не было потеряно для успехов цивилизации; именно в течение этого периода, события которого еще не поддаются точному анализу, потому что они слишком запутаны, совершился переход от военной монархии к монархии промышленной.

При современном состоянии цивилизации одна лишь промышленная монархия годится для французского народа, она одна может стать прочной во Франции, потому что цель нации — достигнуть благосостояния мирными трудами, откуда следует, что первенствующий класс в государстве должен быть по преимуществу промышленным, и военные занятия должны быть для него лишь второстепенными и случайными, применяемыми только в случае неприятельского нашествия и лишь до изгнания неприятеля.

Государь! Название конституционной монархии, которое носит ваше правление, в достаточной мере характеризует современное политическое положение Франции. Крайне метафизический эпитет «конституционный» обозначает промежуточное состояние

социальной организации, в которой фразеры и писакки образуют господствующий класс. И они, действительно, в течение всего XVIII в. разъедали несчастный французский народ и несчастную королевскую власть; почти сорок лет король и нация находятся во власти адвокатской болтовни,* этой кринтэссенции пустословия и бумаго-марательства.

Пора, государь, завершить великий политический перелом, больше века тяготеющий над народом и королевской властью Франции. Пора провозгласить промышленный режим, промышленную монархию.

Мы все, посвятившие себя промышленной деятельности, мы, составляющие больше двадцати пяти миллионов населения Франции, клянемся защищать на жизнь и на смерть институт королевской власти во Франции и династию Бурбонов от всякого покушения, которое могло бы быть затеяно внутри или вне страны против этого института или против этой династии.

Мы почтительнейше просим ваше величество образовагь комиссию из наиболее влиятельных промышленников и поручить им составление бюджета».

Это прошение должно быть подписано всеми французами, существование или влияние которых зависит от успехов их промыш-

* Под адвокатской болтовней я понимаю рассуждения адвокатов о политических предметах.

ленной деятельности, т. е. оно должно быть подписано двадцатью пятью миллионами людей Франции.

В о п р о с. Если на проект этого прошения вы смотрите лишь как на предположение, то мы вполне одобряем его, ибо это предположение дало вам возможность изложить ваши взгляды с большой ясностью, твердостью и сжатостью. Но если вы представляете промышленникам этот проект всерьез, как проект, который вы предлагаете им выполнить, то вы ошибаетесь в ваших ожиданиях — он их только отпугнет, и это помешает им стать сторонниками вашей системы.

О т в е т. Мы не скрываем от себя, что до сих пор промышленники были чрезмерно осторожны в политике и что в этом отношении они еще не проявили никакой смелости. Поэтому-то до сих пор не существует еще промышленной политической партии; поэтому-то промышленники, будучи до сих пор лишь зрителями в политической борьбе, были всегда ее жертвами. Они были жертвой якобинцев, затем стали жертвой Бонапарта, а после реставрации они сделались добычей, которую оспаривают друг у друга крайние партии, либералы и сторонники министерства. Везде и повсюду люди осторожные, лишенные всякой смелости представляют собой нуль, потому что осторожность ценна только тогда, когда она соединяется со смелостью.

В о п р о с. Все дело в том, что промышленники еще только должны получить политическое воспитание, а вы даёте им советы, пригодные лишь после завершения их политического воспитания.

О т в е т. Мы признаем, что промышленники еще только должны получить политическое воспитание, и именно потому, что мы глубоко сознали эту истину, мы решили опубликовать «Катехизис промышленников». Следовательно, в этом пункте мы с вами вполне согласны, но мы, повидимому, неодинаково смотрим на то, как нужно вести политическое воспитание промышленного класса.

Внушить воспитанникам чувство собственного достоинства, веру в собственные силы — вот что, по нашему мнению, следует сделать прежде всего, когда имеешь дело не с учащимися детьми, а со взрослыми людьми, которым предлагают советы. Приучить воспитанников сначала к практике и говорить им о теориях лишь тогда, когда это вызывается практикой, — таков, по-нашему, второй важный принцип.

Наконец, чтобы не слишком затягивать этот привходящий вопрос, скажу, что мы намерены образовать как можно скорее промышленную партию и что самым верным средством для этого является убедить промышленников изложить свои политические пожелания прямо королю, не обращая ни к каким посредникам.

Вернемся к начатому обсуждению. Его задача — определить, какая из двух наций — французская или английская — более подготовлена к той политической цели, к которой стремится весь человеческий род: к переходу от правительственного режима к промышленному; его задача — выяснить различные способы, которыми эти две нации могут достигнуть указанной цели. Мы остановились как раз на этом пункте; будем же продолжать наше обсуждение, не меняя принятого нами направления. Вы можете по вашему желанию рассматривать наш проект прошения как фиктивный или как действительный, как дело, которое может быть выполнено только через десять лет, или как такое, которое можно выполнить завтра же, но в нашем обсуждении будем во всяком случае рассматривать его как проект серьезный.

Вопрос. Несомненно, что если бы это прошение было подписано всеми лицами, посвятившими себя промышленной деятельности во Франции, то оно произвело бы большой политический эффект; мы даже убеждены, что в таком случае оно было бы благоклонно принято его величеством. Но главная трудность в этом деле заключается не в составлении прошения, а в том, чтобы его подписали все заинтересованные лица, ибо если бы оно было подписано небольшим количеством лиц, то оно имело бы только философское значение и произвело бы слабое впечатление.

Ответ. Вы начинаете дело с конца. Глав-

ная трудность в нашем деле заключалась в осознании и координации изложенных в нашем прошении мыслей, подписание же его представляет совсем второстепенную трудность.

Компания банкиров вроде тех, которые образовались в последнее время для заключения различных правительственных займов, собрала бы под прошением подписи всех французских промышленников с большей легкостью, чем с какой удавалась компаниям их реализация.

Промышленный класс, как мы об этом говорили в нашей первой тетради, вполне организован через посредство банка, связывающего между собой все отрасли промышленности, через посредство банкиров, связывающих между собой промышленников всех родов, так что промышленникам легко объединить все свои усилия для достижения цели, лежащей в их общем интересе. Вожди промышленности, т. е. наиболее влиятельные промышленники, еще не извлекли в области политики тех выгод, которые вытекают для них из организации промышленного класса. Мы в данном случае предлагаем им способ использовать все преимущества такой организации для достижения величайшей политической цели, на какую они только могут претендовать, т. е. для установления промышленного режима, и мы не сомневаемся, что они с жаром ухватятся за это.

В о п р о с. Но разве закон не запрещает коллективных петиций? Разве королевские прокуроры не могут воспрепятствовать подписанию вашего прошения лицами, заинтересованными в его подаче?

О т в е т. Всякий француз имеет право повергнуть к стопам короля, единолично или коллективно, любое мнение, которое он считает полезным для благосостояния государства, лишь бы его пожелания были облечены в надлежащую форму. Закон, запрещающий непосредственный обмен чувствами и мыслями между королем и его подданными, был бы чудовищным и унижительным как для престола, так и для нации. Впрочем, нет даже необходимости, чтобы прошение было подписано для достижения данной цели. Для этого достаточно, чтобы все промышленники прочли его и публично заявили, что они согласны с высказанными в нем мыслями и убеждены в том, что единственный способ, каким король мог бы обеспечить спокойствие во Франции и содействовать полному расцвету национального благосостояния, состоит в образовании особой комиссии из наиболее влиятельных промышленников для составления проекта бюджета. Это единомыслие промышленников в политических взглядах неизбежно вызовет столь сильное движение в обществе и столь энергичное и определенное выражение национальных пожеланий, что усилия министров и придворных отвлекут вни-

44*

мание от этих взглядов оказались бы совершенно безуспешными.

Что касается страха перед королевскими прокурорами, который вы хотите нам внушить, то мы скажем: мы имеем веские основания полагать, что они совсем не так враждебны нашим идеям, ибо на них лежит печать чистейшего роялизма, более определенного, чем роялизм крайних, которые на самом деле являются сторонниками аристократической системы, основанной на праве рождения.

Вопрос. Перейдем к рассмотрению английских дел. Скажите, каким образом англичане могут установить у себя промышленный режим?

Ответ. Для того чтобы англичане установили у себя чисто промышленный режим, не прибегая к насильственным средствам, необходимо, чтобы их парламент издал закон об уничтожении субституций и другой закон о мобилизации земельной собственности.

Вопрос. Невозможно, кажется нам, чтобы английский парламент согласился на издание этих двух законов, ибо этот парламент, как вы сами установили, подчинен влиянию пэров. Лорды господствуют над королевской властью, с одной стороны, и над палатой общин — с другой. А так как эти законы противоречат их феодальным интересам, которые для них важнее и дороже промышленных интересов, то они, несомненно, не допустят их принятия.

Одним словом, нам кажется, что проведение их невозможно законными и мирными средствами, так как лорды имеют полную возможность задержать их, как и достаточно власти для их проведения.

Из сказанного мы заключаем, что Англия может перейти к чисто промышленному режиму только путем восстания.

О т в е т. Нет сомнения, что французы могут установить у себя промышленный режим гораздо легче, чем англичане, ибо для установления его во Франции достаточно простого королевского ордонанса, но мы не заключаем отсюда, что для установления его в Англии совершенно необходимо восстание.

Английское дворянство — самое образованное в Европе; оно лучше всего понимает важность промышленности; нет ни одного лорда, который не был бы более или менее заинтересован денежно в промышленных предприятиях. Прибавьте к этому, что у английского народа есть национальное самолюбие, не позволяющее ему отставать ни от какого другого народа, и вы согласитесь с нами, что очень скоро после того, как Франция подаст пример установления промышленного строя, все англичане почти без исключения, отбросив в сторону свои частные интересы, будут согласно трудиться над установлением его у себя.

В о п р о с. Резюмируя и дополняя высказанные вами в настоящей беседе взгляды, мы приходим к следующим положениям:

1. Человечество всегда стремилось к политическому утверждению промышленного строя.

2. Каждый народ следовал особым путем и пользовался особыми приемами для достижения этой цели.

3. Французская и английская нации ближе всего к этой цели. На первый взгляд английская нация гораздо ближе к ней, чем французская, но это — иллюзия: на самом деле французская нация гораздо менее далека от нее.

4. Во Франции для установления промышленного режима было бы достаточно простого королевского ордонанса, поручающего наиболее влиятельным промышленникам составление проекта бюджета, и этот ордонанс был бы наверное издан, если бы промышленный класс, насчитывающий во Франции свыше двадцати пяти миллионов человек, покорнейше попросил короля принять во внимание, что эта мера обеспечивает спокойствие трона и благосостояние нации.

5. Когда французский народ установит у себя промышленный режим, английский народ не замедлит последовать его примеру.

6. Когда промышленный режим будет установлен в Англии и во Франции, прекратятся все бедствия, на которые было обречено человечество во время его перехода от правительственного режима к промышленному; так как силы всех правительств на земле уступают промышленной силе Франции и Англии,

то кризис будет окончен, потому что не будет больше борьбы, и все народы на земле, пользуясь покровительством объединившихся Франции и Англии, будут быстро, один за другим, по мере развития их цивилизации, переходить к промышленному строю.

Так как вы убеждены в справедливости этих шести положений, то самое лучшее, что вы можете сделать,— это употребить все ваши силы и средства на то, чтобы убедить французских промышленников представить королю прошение, проект которого вы сочинили. Этот шаг благодаря ряду дальнейших событий, из него вытекающих, приведет к самому крупному улучшению участи человечества, какое только возможно.

О т в е т. Да, конечно, первая и главная цель наших трудов — убедить всех промышленников Франции, т. е. больше, чем двадцать пять миллионов человек, т. е. громадное большинство народа, чтобы они с общего согласия и посредством подписанного ими всеми прошения просили короля поручить наиболее влиятельным промышленникам составление бюджета.

Ибо мы убеждены, что эта мера прекратила бы режим пустословия и адвокатской болтовни, под которым мы теперь живем, переходный режим, последовавший за военным режимом, и разорительный, так как он уже довел бюджет до громадной суммы в один миллиард.

Ибо мы равным образом убеждены, что эта

мера, передав высшее управление государственным достоянием в руки людей, действительно кующих счастье нации, улучшит участь французского народа со всей возможной быстротой.

После того как мы в этом убедились, перед нами встал другой вопрос: какими средствами лучше всего можно убедить промышленников обратиться к его величеству с этой просьбой?

Мы убедились, что для этого надо употребить два главных средства: с одной стороны, мы должны доказать промышленникам, что эта мера предоставит им все социальные преимущества, на которые они могут притязать; что эта мера не повлечет за собой никаких неудобств, так как они более способны, чем всякий другой класс, хорошо управлять государственным достоянием; с другой стороны, мы должны, насколько возможно, облегчить промышленникам задачу представления этой просьбы от достаточного числа людей, чтобы привлечь внимание его величества.

Вместе с тем мы признали, что должны употреблять оба эти средства одно за другим до тех пор, пока наши труды не увенчаются успехом.

Теперь, когда мы представили проект прошения королю, мы, согласно принятому плану, просим вас вернуться к обсуждению интересующего нас вопроса. Мы, если угодно,

рассмотрим еще раз, действительно ли желательно для блага большинства нации, чтобы промышленный класс стал первенствующим классом и чтобы наиболее влиятельным промышленникам было поручено королем составление проекта бюджета. Мы рассмотрим еще раз, действительно ли Франция должна предпочесть промышленную систему социальной организации Англии, стараясь при этом во всех наших рассуждениях оказывать величайшее уважение к королевской власти, законности и хартии.

После этого вторичного обсуждения мы рассмотрим еще раз, что могут сделать промышленники, чтобы представить просьбу королю от числа людей, достаточного для привлечения внимания его величества. Мы докажем, что если бы все промышленники Парижа подписали прошение, проект которого мы представили, то этой меры, столь легко выполнимой, было бы достаточно для достижения цели.

ИЗВЕЩЕНИЕ ЛИЦАМ, СТОЯЩИМ ВО ГЛАВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ФИРМ

Господа, мы предлагаем вам всем возможно скорее приобрести наш труд и познакомиться с ним ваших подчиненных, так как произведение это может быть полезным только в том случае, если оно будет самым широким образом распространено в промышленном классе.

Мы обращаем ваше внимание, господа, на то, что плоды ваших трудов будут добычей, оспариваемой и пожираемой всеми существующими политическими партиями, пока вы сами не образуете политической партии для защиты ее от алчности ничего не производящих потребителей.

Мы обращаем, далее, ваше внимание на то, что сочинение книги, провозглашающей принципы и взгляды промышленной партии, есть единственное средство, чтобы вам крепко организовать в политическую партию.

Благодаря изданию «Консерватора»¹¹⁴ образовалась партия крайних, торжествующая теперь настолько, что вынуждает в министерстве почти все желательные ей уступки, но она не очень страшна, потому что имеет за собой только дворянскую челядь, а дворяне, стоящие во главе этой партии, не обладают никакими положительными способностями.

«Минерва»¹¹⁵ послужила средством для образования современной либеральной партии, к счастью, теперь совершенно разбитой, ибо если бы ей удалось осуществить свои планы, то она снова ввергла бы Францию в революцию; однако некоторое время она играла весьма крупную роль.

Господа, мы выступаем с бесконечно большей уверенностью, чем в свое время «Консерватор» и «Минерва», потому что мы создаем систему, потому что это — единственная политическая система, которая может восстановить во Франции спокойствие, потому что

только она может способствовать скорейшему расцвету общества и спокойствию короля, потому что, наконец, это система, которая через несколько лет после своего принятия удешевит потребление, распространяя благосостояние среди трудящегося класса.

Господа, в заключение этого извещения мы приглашаем вас соединить свои усилия с усилиями политических писателей. Соединением ваших практических способностей с теоретическими вы сумеете обезопасить продукты вашего труда от алчности непроеизводительных потребителей.

Мы предлагаем проект объединения между вами и политическими писателями. Он — плод сорокапятилетних размышлений над этим вопросом. Он заслуживает вашего полного внимания, как и внимания политических писателей, а также ученых и художников всех специальностей.

Благодаря этому объединению руководство государственными делами перейдет в руки специалистов в промышленности и науках, между тем как сейчас ими управляют только любители; в самом деле, префекты и министры — только любители в деле управления, и народ всегда расплачивается за их ошибочные расчеты и плохие комбинации. Не подлежит сомнению, что промышленники — единственные специалисты в деле управления, потому что только они научились ему своими собственными средствами.

ВСЕОБЩЕЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРО-
МЫШЛЕННЫХ И НАУЧНЫХ
СПОСОБНОСТЕЙ

*(Целью этого объединения является установление
промышленного режима)*

Промышленники и политические писатели образуют два отдельных комитета. Комитет промышленников распоряжается средствами общества. Труды, предлагаемые политическими писателями к печати, подвергаются обсуждению в этом комитете и могут быть напечатаны только с его согласия.

Промышленники-учредители смогут принимать в объединение всех промышленников, которых они сочтут подходящими для этого, и допускать их сразу в свой комитет.

Комитет политических писателей подвергнет первоначальному обсуждению научные труды, имеющие предметом установление промышленной системы. Этот комитет будет оценивать эти произведения в первой инстанции, т. е. он или отвергнет их или представит в комитет промышленников для получения разрешения и средств на их напечатание.

Все ученые, художники и литераторы Франции и иностранных государств будут приглашены сообщать о тех своих трудах, которые посвящены установлению промышленной системы. Всякий автор, труды которого допущены комитетом политических писателей и одобрены комитетом промышленников, по

праву становится с этого момента членом комитета политических писателей.

*Предисловие к «Третьей
тетради»¹¹⁶*

Эта третья тетрадь принадлежит нашему ученику г. Огюсту Конту. Как мы указали в нашей первой тетради, мы поручили ему изложение общих идей нашей системы. Это есть начало его труда, который мы предлагаем вниманию читателя.

Этот труд, несомненно, очень хорош, если его рассматривать с точки зрения, на которую стал его автор, но он не достигает той цели, которую мы себе поставили: он не излагает общих идей нашей системы, вернее, он излагает лишь часть этих идей и притом придает преобладающее значение тем общим идеям, которые мы считаем второстепенными.

В созданной нами системе на первом плане должна находиться промышленная способность; именно эта способность должна судить о ценности всех других способностей и заставить их служить с наибольшей пользой.

Научные способности платоновского и аристотелевского направления промышленники должны считать одинаково полезными для себя. Поэтому они должны придавать им одинаковое значение и в одинаковой мере содействовать их преуспеянию.

Такова наша главнейшая мысль. Она существенно отличается от мысли нашего уче-

ника, ставшего на точку зрения Аристотеля, т. е. на ту точку зрения, которой пользуется в наше время Академия физических и математических наук. Он, таким образом, считал аристотелевскую способность важнейшей из всех способностей, долженствующей преобладать над спиритуализмом, как и над промышленной и философской способностями.

Из того, что мы сказали, следует, что наш ученик трактовал лишь чисто научную сторону нашей системы, но совершенно не изложил ту сторону, которая относится к области чувств и религии. Вот об этом мы считали своим долгом предупредить наших читателей. Мы по возможности устраним это недоразумение в следующей тетради собственным изложением наших общих идей.

Однако, несмотря на несовершенства, которые мы находим в труде г. Конта, поскольку он выполнил наши указания лишь наполовину, мы определенно заявляем, что этот труд представляется нам наилучшим сочинением, которое когда-либо было опубликовано по вопросам общей политики.

Четвертая тетрадь

Предисловие

Эта четвертая тетрадь будет разделена на две части и представит ту особенность, что обе части, из которых она состоит, имеют совершенно различный характер, хотя и в той и другой излагаются одни и те же мысли.

В первой части мы будем обращаться только к одному разуму: мы изложим систему социальной организации, соответствующую состоянию просвещения и успехам цивилизации; мы выясним следующую истину, которая должна лечь в основу всей современной политики: интересами всего общества как в материальном, так и в моральном отношении должны руководить люди, способные принести наиболее общую и наиболее положительную пользу.

Во второй части мы попытаемся возбудить благородные страсти людей, обладающих наиболее положительными способностями. Мы употребим все усилия, чтобы направить их деятельность к величайшей цели общественной пользы, какую можно себе представить, — к переходу в их руки высшего руководства обществом; мы постараемся, другими словами, вызвать в наиболее способных людях страстный интерес к их частным делам, потому что этот способ нам представляется наилучшим для достижения результатов, выгодных для общего блага, ибо частные интересы наиболее способных людей могут лучше всего служить общим интересам.

Мы считаем своим долгом приложить к этому оповещению беглый обзор идей, которые будут изложены в этой тетради, и оснований, побудивших нас излагать эти идеи двумя различными способами,

Рабство, тяготевшее столько веков над промышленным классом, т. е. над громадным большинством нации, целиком уничтожено пока только во Франции. Последние остатки его исчезли только после революции и благодаря революции. Следовательно, только с этого времени и только во Франции явилась возможность работать над созданием социальной организации, имеющей прямой целью улучшение участи большинства, ибо до полного уничтожения рабства политика могла употреблять только косвенные средства для достижения этой великой цели.

Вопрос. Хотя в этом предисловии вы лишь бегло излагаете ваши взгляды, все же нужно, чтобы вы, хотя бы коротко, доказали истину фактов, которые служат основой ваших мнений.

Докажите нам, что только во Франции и именно благодаря революции совершенно уничтожены остатки рабства. В противоположность вам многие полагают, что рабство было уничтожено во Франции задолго до революции, и еще большее число людей воображает, что Соединенные Штаты Америки осуществили у себя это крупное улучшение до того, как французский народ начал свою революцию.

Ответ. В 1789 г., когда вспыхнула революция, во Франш-Конте и в некоторых других местах французской территории еще существовали мэнмортабли. Следовательно, одна часть народа еще находилась в состоя-

нии рабства во всей его грубости, и весь народ в целом в эту эпоху еще не освободился от рабства до конца, ибо старая феодальная аксиома «нет земли без сеньера» еще существовала и окончательно потеряла силу лишь в знаменитую ночь 4 августа;¹¹⁷ громадное большинство народа еще было, по любезному дворянскому выражению, в милости оброка и барщины.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то в Виргинии и в других Южных Штатах еще держится рабство негров, а в Северных Штатах существует многочисленный класс людей, так называемых *о б я з а н н ы х*, которые в течение срока своей обязательной работы находятся в настоящем рабстве; лица, которые купили их у капитанов, привезших их из Европы, имеют право продавать их на этот срок.

Вопрос. Если вы желаете дать читателю в этом предисловии ясное представление о взглядах, излагаемых вами в тетради, то вы должны разъяснить еще несколько пунктов, например следующий.

Вы утверждаете, что уничтожение некоторых слабых остатков рабства, еще существовавших в 1789 г., должно было вызвать радикальную перемену в общественной организации.

Ваш взгляд на этот вопрос очень нуждается в обосновании, ибо вековой опыт показывает, что улучшение общественной организации происходило лишь постепенно, по-

следовательно и весьма медленно. Мы видели, что рабство смягчалось постепенно, по мере роста просвещения; мы видели, что организация общества совершенствовалась по мере смягчения рабства. В 1789 г. существовали еще некоторые слабые остатки рабства, революция их уничтожила, и это, несомненно, должно повлечь за собой усовершенствование общественной организации. Но мы не видим доказательств того, что эта перемена была радикальной, мы совершенно не понимаем, почему политика эпохи, предшествовавшей этой перемене, должна быть столь резко отграниченной от политики эпохи, которая последует за ней.

О т в е т. Если мы будем наблюдать за моральным и физическим развитием отдельных представителей человеческого рода от рождения и до зрелости, то должны будем признать, что это развитие идет двумя различными путями, ведущими, однако, к общей цели: к наибольшему совершенству моральных и физических сил, к какому только способна человеческая организация.

От рождения и до периода зрелости индивидуум морально и физически совершенствуется постепенно и непрерывно, но очень медленно.

Он переживает вместе с тем несколько кризисов, которые отмечают моменты общего ускоренного развития.

Семилетний возраст характеризуется кризисом прорезывания зубов, в результате ко-

торого быстрый рост испытывают чувства и память.

Около четырнадцати лет в индивидууме воспаляются страсти, влекущие его к освобождению от родительской зависимости и к образованию связей по собственному выбору; в то же время он приобретает способность производить себе подобных.

К двадцати одному году завершается развитие человека в моральном и физическом отношениях: он приобретает свойственный ему индивидуальный характер, его способности согласуются друг с другом и направляются к цели, соответствующей специальным особенностям его индивидуальной организации.

Если затем рассмотреть законы и обычаи, установленные обществом для определения положения в нем детей от их рождения до двадцати одного года, то мы увидим, что законодатели признавали существование и последствия тех трех кризисов, о которых мы говорили; они наделили подрастающее поколение правами соответственно с представлением, какое они составили себе о его умственном развитии в семь лет, в четырнадцать лет и в двадцать один год.

В самом деле, они объявили детей до семи лет неспособными совершать грехи, т. е. неспособными самостоятельно руководить своим поведением и, следовательно, совершать проступки, за которые они были бы ответственны и подлежали бы суду по божеским или

человеческим законам. Вследствие этого законодательство было построено так, что постановления, относящиеся к детям до семи лет, имеют своей единственной целью установить общий надзор самого общества за поведением их естественных опекунов и, в случае их отсутствия, определить способы назначения их заместителей.

По отношению к детям до четырнадцати лет законодатели применяют только исправительные наказания, какие бы тяжелые преступления они ни совершили; они признаются совершеннолетними только в том случае, если потеряли родителей.

В возрасте двадцати одного года человек признается совершеннолетним; это возраст, когда человек вообще приобретает достаточное умственное развитие и достаточную способность предвидения, чтобы интересы общества не требовали больше его подчинения особому надзору.

Если после этих наблюдений мы обратимся к рассмотрению обычаев, принятых в общественном воспитании и обучении, то придем к выводу, что они полностью соответствуют законодательным установлениям, о которых мы сейчас сказали.

Общественное обучение детей начинается не раньше семилетнего возраста.

В возрасте от семи до четырнадцати лет воспитание играет более важную роль, чем обучение; в течение этого периода лица, надзирающие за поведением детей в пансионах

и школах, имеют на них более сильное влияние, чем обучающие их учителя.

От четырнадцати лет до двадцати одного года влияние учителей на учеников гораздо сильнее, чем влияние надзирателей.

К двадцати одному году те, кто продолжает учиться в Collège de France¹¹⁸ или в других учебных заведениях, совершенно свободны от всякого рода надзора.

Если теперь посмотреть, какой степени умственного развития достиг сейчас французский народ (оказавшийся благодаря революции во главе цивилизованного человечества), то нужно признать, что он перенес свой третий кризис и что его социальный возраст соответствует двадцати одному году отдельного человека.

Нужно вместе с тем признать, что он провозгласил свое совершеннолетие в ночь на 4 августа, уничтожив все учреждения, связанные своим происхождением с рабством, которым характеризуется первоначальное состояние промышленного класса, этой главной части нации.

Если из всего сказанного вы захотите вывести какое-либо заключение, то сопоставьте разного рода наблюдения, указанные нами, подумайте над ними, и вы по необходимости придете к следующему: так как французский народ в своем умственном развитии достиг совершеннолетия как нация, то и в его социальной организации должны произойти коренные перемены.

Следуя в намеченном нами направлении и достигнув наиболее возвышенной точки зрения, какая возможна на путях цивилизации, философ увидит как далекое прошлое, так и отдаленное будущее; он замстит в глубине этой картины образование рабства, учреждения, благотельного для человечества в эпоху своего возникновения: оно спасло жизнь миллиардам людей, ему мы обязаны несметной численностью, какой достигло человечество; оно благоприятствовало успехам просвещения, доставляя господствующему классу возможность заниматься развитием своих умственных способностей, чего бы он не мог делать без установления рабства, так как его время и его силы были бы заняты работой, необходимой для удовлетворения своих первых потребностей. Оглядывая дальнейшую часть пути вплоть до того пункта, на котором он находится, философ заметит с живейшим удовлетворением смягчение рабства, успехи просвещения, последовательное улучшение участи человеческого рода; наконец, у французской нации, образующей сейчас авангард человечества, он увидит полное уничтожение рабства и способность принять социальную организацию, имеющую непосредственной целью благо большинства.

Обратившись, наконец, к будущему, он увидит, как с первыми же шагами на дальнейшем пути цивилизации образуются три больших учебных учреждения, имеющих за-

дачей преподавание основных элементов социальной науки, а именно:

Кафедра или, вернее, довольно многочисленные во Франции кафедры для обучения промышленников всякого рода и всякого значения поведению, которого они должны держаться в политике и промышленности в своих личных интересах и в интересах наиболее полного удовлетворения нужд своего класса, а также для развития у них сильного чувства собственного достоинства, кафедра, разъясняющая им, что их класс наиболее способен к управлению и что наиболее влиятельным промышленникам должно быть поручено высшее руководство государственным достоянием.

Кафедра морали для обучения тому, каким образом каждый человек, каково бы ни было его социальное положение, может сочетать свой личный интерес с общим благом; преподаватели будут с этой кафедры разъяснять своим слушателям, что человек добровольно подвергает себя величайшим нравственным страданиям, если ищет своего личного благополучия в направлении, вредном для общества, и что, наоборот, он достигает высшего наслаждения, если стремится к улучшению своей личной участи в направлении, полезном для большинства.

Кафедра положительных наук для обучения общим приемам, как изменять наиболее выгодным для человека образом явления природы, подверженные его влиянию, а так-

же для обучения тому, каким образом каждый человек может сочетать свой личный интерес с общим интересом и как выгодно каждому уметь правильно сочетать эти интересы.

Философ, который с этой точки зрения будет обращать свой взор то на прошлое, то на будущее, будет с каждым разом находить все более глубокие различия между социальным бытием наших предшественников и наших преемников; он увидит, что у наших предшественников высшая степень социального значения определялась рождением, кровнительством и способностью к управлению, а обращаясь к будущему, он увидит, что социальное значение достигается наибольшими способностями в области морали, научного знания или промышленности.

Рассматривая народные массы в прошлом, он увидит, что они борются друг с другом вооруженной рукой, а представляя себе их будущее, он увидит, что они соперничают между собой на трех великих поприщах — морали, науки и промышленности.

До сих пор люди двигались по пути цивилизации спиной к будущему; они обычно обращали свой взор в прошлое, а на будущее бросали лишь очень редкие и поверхностные взгляды. Теперь, когда рабство уничтожено, человек должен сосредоточить внимание на будущем.

До уничтожения рабства, преобладающая деятельность должна была состоять в упра-

влении, теперь управление все более и более должно стать второстепенным делом.

Вот в немногих словах наиболее ясное выражение тех общих идей, которые мы будем развивать, обсуждать и точно определять в этой тетради.

Нам остается теперь объяснить подробнее, чем мы могли это сделать в начале настоящего предисловия, чем именно будут различаться способы изложения этих идей в первой и второй части предлагаемой тетради.

П р о с п е к т п е р в о й ч а с т и

Мы повторяем вкратце обзор прогресса цивилизации от Сократа до наших дней.

Резюмируя этот обзор, мы устанавливаем и доказываем, что принятие плана социальной организации, намеченного в этом предисловии, является естественным продолжением и необходимым следствием всей прошлой истории нашей цивилизации за двадцать четыре века.

Мы рассматриваем затем, как следует действовать, чтобы установить эту новую социальную организацию, и ясно намечаем путь, которым следует идти, чтобы осуществить эту радикальную перемену, ни на миг не нарушая общего спокойствия, более того, чтобы правительство и общество не испытали в связи с этим ни малейшего беспокойства.

Наконец, мы доказываем следующую важную истину, вытекающую из предложенного

нами способа перехода: установление новой социальной организации не нарушает ни одного из предписаний хартии и не только не вредит королевской власти, но даже придает ей больше блеска и влияния, больше удовлетворяет наших королей, ибо ограждает их от многочисленных опасностей, всегда им угрожавших, и от бедствий, постигших их благодаря несовершенствам в способе установления королевской власти до сегодняшнего дня.

Проспект второй части

Мы обращаемся сначала к людям, отличающимся наиболее общими и положительными способностям, и говорим им:

Господа промышленники, моралисты и ученые! С тех пор как нация объявила себя совершеннолетней, полностью уничтожив остатки рабства, ее моральными и физическими интересами должны управлять наиболее способные люди, т. е. ими должны управлять вы, правительственная же функция в социальной организации должна отойти на второй план. Между тем положение вещей почти не изменилось; число государственных чиновников огромно, народу они стоят огромных сумм; часть этих чиновников обязана своими доходными местами лишь уважению, которое правительство все еще продолжает оказывать происхождению; другая часть обязана своим успехом благоприят-

ному мнению правительства об их правительственных способностях. В чем же, господа, задержка того облегчения, которое общество могло бы получить?

Эта задержка вызывается, очевидно, вами, вашей политической апатией. Проснитесь же! Пока вы не проявите готовности воспользоваться новыми правами и исполнять новые обязанности, которые вытекают для вас из того, что нация стала совершеннолетней, до тех пор мы не получим выгод, которые может нам доставить теперешнее положение, наше просвещение и наша цивилизация.

Это вам, господа наиболее влиятельные промышленники, надлежит сказать, каким образом вы думаете управлять государственным достоянием, когда эта обязанность будет возложена на вас, и доказать царице мира, т. е. общественному мнению, что вы будете управлять им с гораздо большей выгодой для большинства нации, чем оно управлялось до сих пор.

Это вы, господа моралисты, должны доказать, что основной принцип божественной морали: не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы делали тебе, может найти совершенно новое и бесконечно более определенное приложение после того, как прогресс просвещения дал возможность уничтожить целиком остатки рабства.

Это вы, господа ученые, должны дать ясные понятия о том, каким образом част-

ные интересы могут сочетаться с общими, и начертать такой план государственного обучения, при котором приобретенные положительные знания распространились бы возможно скорее среди всех классов общества и среди людей всех рангов.

Обращаясь, таким образом, отдельно к представителям каждой из этих трех великих положительных способностей, мы ясно укажем:

промышленникам — по каким основным принципам они должны управлять государственным достоянием,

ученым — каким образом они должны содействовать правильному сочетанию частных интересов с общими,

моралистам — какие следствия они должны извлечь в современных условиях из принципа божественной морали: не делай другому того, чего ты не желаешь, — принципа, который должен управлять развитием общества в большей степени, чем это было до сих пор, ибо, до того как успехи просвещения сделали необходимым полное уничтожение рабства, этот принцип мог применяться только косвенно в отношениях между управляющими и управляемыми — между теми, кто издает законы, и теми, кто им повинуются, не участвуя в их издании.

П Е Р В А Я   Ч А С Т Ь

В о п р о с. Не хотите ли вы продолжать исследование, начатое нами во второй тетради? Не хотите ли вы продолжать завязавшуюся беседу до тех пор, пока не выясним вполне наши идеи и не придем к определенному взгляду по следующему важному вопросу.

Должны ли французы подражать англичанам в политике? Должны ли они установить у себя общественную организацию, принятую в Великобритании, или же они должны скорее следовать вашим советам — установить у себя промышленный режим во всей его чистоте и в качестве первой политической меры добиваться того, чтобы король соблаговолил поручить составление проекта бюджета наиболее влиятельным промышленникам и объявить промышленный класс первым классом среди своих подданных?

О т в е т. Мы закончим обсуждение затронутого вами вопроса после, а сегодняшняя наша беседа будет посвящена изложению общей цели нашего начинания и рассмотрению основных принципов нашей системы.

Наше начинание ставит себе целью побудить его величество высшее управление государственными делами, т. е. финансами, поручить наиболее влиятельным промышленникам, всеми же другими делами — не финансовыми и не административными — наиболее способным ученым.

Но для достижения этой цели необходимо сделать следующие три вещи:

1) ясно изложить промышленникам, какими средствами они должны добиться того, чтобы король соизволил поручить наиболее влиятельным из них составление проекта бюджета;

2) познакомить ученых с теми способами, которыми они должны добиться, чтобы король возложил на наиболее способных из них заботу об управлении государственным воспитанием и другими моральными интересами общества;

3) указать, наконец, промышленникам и ученым основания, на которых они должны объединиться для достижения этой двойной цели, т. е. 1) чтобы наиболее влиятельным промышленникам было поручено составление проекта бюджета и 2) чтобы на наиболее способных ученых было возложено управление государственным воспитанием и другими моральными интересами общества.

В наших первых двух выпусках мы давали советы промышленникам:

1) относительно пути, по которому они должны следовать для достижения вышеизложенной цели;

2) относительно способа объединения их сил и политических способностей с силами и способностями ученых.

В этом четвертом выпуске мы будем обращаться непосредственно к ученым.

В о п р о с. Вы должны были в первую

очередь обратиться к ученым, — это было бы более естественно и более методично.

О т в е т. Ученые оказывают очень крупные услуги промышленному классу, но получают от него еще более крупные; они получают от него свое с у щ е с т в о в а н и е; промышленный класс удовлетворяет их насущные потребности и их физические склонности всякого рода; он доставляет им все орудия, которые могут быть полезны им для выполнения их работ.

Промышленный класс есть основной класс, питающий все общество, класс, без которого не может существовать никакой другой; поэтому он имеет право заявить ученым, а тем более всем другим непромышленным элементам: мы согласны давать вам пищу, жилище и одежду и вообще удовлетворять ваши физические потребности только на определенных условиях.

Ваше замечание произвело на нас впечатление, прямо противоположное тому, которого вы желали, оно склоняет нас к тому, чтобы не обращаться вовсе к ученым или, вернее, обратиться к ним только как к второстепенному классу.

В о п р о с. Хотя вы и не согласились с нашим замечанием, все же оно окажет вам очень важную услугу тем, что сообщает больше устойчивости вашим взглядам и вносит большую ясность в самые основы вашей политической системы.

Скажите же нам, каковы те условия, на

которых, по вашему мнению, промышленники должны согласиться кормить ученых и удовлетворять все их физические потребности?

О т в е т. Сейчас мы вам объясним, как должны организоваться ученые и какое направление они должны дать своим трудам, чтобы использовать наиболее выгодным для промышленников образом свое существование, которое они получают от них.

Наиболее способные ученые должны разделяться на два класса, т. е. образовать две отдельные академии: одна должна поставить главной целью своих трудов составление наилучшего кодекса интересов, а другая — усовершенствование кодекса чувств, принципы которого были установлены достославным Платоном и развиты и применены отцами церкви.

Людовик XIV основал одну из этих академий — Академию физических и математических наук, которая уже много сделала для усовершенствования исследовательских работ и рассуждений; достаточно было бы небольших добавлений, чтобы дать этой академии возможность выработать кодекс интересов.*

Другая академия, имеющая своей задачей усовершенствование кодекса чувств, с некоторых пор существует в зачаточном виде под названием отделения моральных и политических наук. Учреждение этой академии было

---

* Наиболее важным дополнением к Академии наук было бы образование отделения политической экономики.

бы так же полезно, как и академии точных наук; при настоящих обстоятельствах оно было бы даже более полезно, так как за последние двенадцать веков, с тех пор как арабы стали разрабатывать опытные и математические науки, изучение морали все больше отходило на задний план, так что теперь эта отрасль наших знаний является весьма отсталой по сравнению с разными отделами физики и математики. *

Академия моральных наук должна состоять из наиболее выдающихся моралистов, теологов, правоведов, ** поэтов, художников, скульпторов и музыкантов.

Присутствие музыкантов, художников и скульпторов в академии усовершенствования чувств не будет более странным, чем присут-

* Общество чувствует такую потребность в учреждении академии морали, что стремится удовлетворить ее, поскольку возможно, своими собственными силами, раз правительство не заботится об удовлетворении его законных желаний в этом отношении. Это чувство побудило основать свободное Общество христианской морали во Франции, библейское общество в Англии и множество других филантропических обществ у всех европейских народов.

** В Академии наук должно быть также отделение правоведения, ибо обществу нужно подчиняться твердым правилам как в деловых отношениях между его членами, так и в их взаимных чувствах. Для создания соответствующих правил требуются особая способность и специальные знания; выполнить всю относящуюся сюда работу сумеют лучше всего правоведы, получившие специальное образование в этой области.

ствие теперь в Академии физических и математических наук оптиков, часовщиков и фабрикантов инструментов. Составители теорий не должны быть отделены от людей, отличающихся в области важнейших практических приложений теории. Позже мы будем иметь случай доказывать, что в Академию наук должно быть призвано гораздо большее число практических механиков.

Вопрос. Кем будет назначаться академия чувств?

Ответ. Первое назначение должно быть сделано королем, а в дальнейшем кандидатуры новых членов должны предлагаться академией чувств его величеству, как это практикуется теперь в Академии точных наук.

Вопрос. Основание этих двух академий, независимых одна от другой и имеющих одинаковое политическое значение, нам кажется хорошим и полезным делом. Конечно, общество одинаково нуждается в том, чтобы и его чувства и его понятия были координированы, чтобы они были подчинены хорошим общим правилам, т. е. хорошим законам. Но эти две академии будут соперничать между собой, и академия, занятая усовершенствованием кодекса чувств, будет естественно стремиться к подчинению кодекса интересов своему кодексу и наоборот, — кто же будет поддерживать равновесие между обеими академиями? Не придется ли для этой цели основать высшее научное учреждение?

О т в е т. Разумеется, основание королевской или высшей научной коллегии совершенно необходимо. Функции этой коллегии будут состоять в координировании деятельности академии чувств и академии суждений. Эта коллегия займется слиянием в одну доктрину принципов и правил, выработанных обеими академиями. Она сначала установит, а затем усовершенствует общую доктрину, которая будет положена в основание государственного образования всех классов общества, от самых бедных пролетариев и до самых богатых граждан.* Она займется также составлением свода общих законов, наиболее выгодных для большинства.

Королевская научная коллегия будет, конечно, пользоваться наибольшим влиянием среди всех общественных учреждений, так как в ее руках будет высшее руководство общей деятельностью общества; поэтому основание этой коллегии должно, казалось бы, предшествовать образованию всех других учреждений. Но по самому существу дела образование академии чувств и академии суждений должно предшествовать образованию высшей научной коллегии, ибо только люди,

---

* Богатые будут всегда иметь то преимущество перед бедными, что смогут посвятить больше времени своему образованию; поэтому они изучают общую доктрину более глубоко. Но образование наиболее бедных классов все же будет достаточно для того, чтобы богатые не могли использовать им во вред превосходство своих познаний.

наиболее одаренные в выработке чувств и в координации суждений, могут правильно судить, кто из ученых соединяет в себе обе эти способности в наивысшей степени; отсюда, очевидно, следует, что члены высшей коллегии могут быть выбраны только членами академии чувств и академии суждений, собравшихся для этой цели на объединенное заседание.

Ученые, избранные академией чувств и академией суждений в состав высшей научной коллегии, привлекут к себе наиболее способных правоведов и поручат им придать черты регламентации выработанной ими общей доктрине. Они привлекут также практических политиков, которых они сочтут способными давать им полезные советы; они подберут их из всех отраслей государственного управления, чтобы знакомиться со всеми вопросами и получать всякого рода сведения; таким образом, они возьмут их из департамента внутренних дел, иностранных дел, военного, морского, финансов, полиции и т. д.

Когда промышленники добьются прежде всего того, чтобы король соизволил поручить наиболее влиятельные из них составление проекта бюджета, когда они затем добьются, чтобы он издал приказ об учреждении трех научных коллегий, о которых мы только что говорили, тогда общество будет организовано так, как это соответствует современному состоянию просвещения и цивилизации; оно будет организовано наилучшим, какой толь-

ко возможен для человечества, образом для удовлетворения всех своих моральных и физических потребностей, ибо эти четыре учреждения образуют основные начала социального строя, наиболее благоприятного для производства и для сочетания всего того, что только может быть самого полезного для людей в моральном и физическом отношениях.

Когда этот общественный строй будет, наконец, установлен во Франции, тогда не замедлит осуществиться знаменитое предсказание отцов церкви: одно социальное учение станет общим для всего человеческого рода; можно будет видеть, как все народы, один за другим, примут принципы, провозглашенные и проведенные в жизнь французами.

Изложенные только что мысли покажутся сначала странными и не будут приняты немедленно, но ясные умы скоро признают, что наш проект организации общества вытекает непосредственно из хода развития человеческого разума и что его принятие — необходимое следствие всей прошлой политической истории европейского общества.

До сих пор Священный союз, правительства Франции, Англии и Америки, политические партии, образовавшиеся с начала революции, и публицисты, выступавшие за это время, — все они обсуждали вопросы лишь второстепенной важности; они серьезно занимались только событиями дня; никто из них не поднялся до такой точки зрения, что-

бы с нею можно было обозреть все положение в целом. Чтобы выйти из лабиринта, в котором очутились все, кто по профессии или по склонности занимается высшей политикой, необходимо прежде всего решить три вопроса и притом так, чтобы это решение мог оценить всякий человек с элементарным образованием.

Эти три вопроса следующие:

1. Каким образом можно окончательно преодолеть современный кризис? Какие принципы социальной организации отвечают современному состоянию просвещения и цивилизации?

2. Что является истинной, т. е. наиболее общей причиной того кризиса, который вот уже больше пятидесяти лет волнует европейцев как живущих в Европе, так и переселившихся в Америку?

3. Какие из мер, принятых после войны за независимость английских колоний Северной Америки, способствовали преодолению кризиса, который волнует европейцев больше полувека? Какие из этих мер только затягивали кризис?

Вопрос. Держитесь фактов и отбросьте всякую критику. Нас лишь интересует и мы желаем знать, удалось ли вам сделать то, над чем напрасно трудились Священный союз, правительства Франции и Англии, политические партии, образовавшиеся с начала революции, и публицисты, выступавшие в печати за это время. Мы скоро поговорим с

вами по поводу тех трех вопросов, которые вы только что поставили, но наш первый вопрос будет не о том, какие учреждения должны служить основанием для новой организации общества, так как вы уже изложили нам ваши взгляды на этот предмет; мы прежде всего попросим вас резюмировать все сказанное, чтобы иметь возможность обозреть сразу всю вашу систему в целом.

О т в е т. Мы сейчас ответим на ваш первый вопрос; наш ответ заслуживает всего вашего внимания, ибо он резюмирует наиболее важный вопрос, с каким вы можете обратиться к нам.

«Королевская власть, переходящая по наследству в порядке первородства, есть основное учреждение всех современных крупных политических обществ.

Высшая научная коллегия, составленная указанным выше способом, образует инициативный совет его величества.

Проекты, принятые в инициативном совете, посылаются на рассмотрение академии чувств и академии суждений.

Эти проекты после рассмотрения в академиях суждений и чувств посылаются с замечаниями этих академий в высший административный совет.

Высший административный совет состоит из наиболее влиятельных промышленников. Он состоит из промышленников, во-первых, потому, что они из всех французов проявили наибольшую способность к управлению, а

затем потому, что они являются естественными представителями промышленного класса, составляющего громадное большинство нации.

Этот совет обязан ежегодно составлять проект бюджета и проверять, правильно ли расходовали министры суммы, предоставленные им бюджетом предыдущего года.

Этот совет, работая над бюджетом, ассигнует соответствующие суммы на выполнение тех проектов, которые были представлены на его рассмотрение и осуществление которых ему представляется полезным.

Разработанный таким образом проект бюджета посылается в совет министров, который по приказу короля представляет его палатам и добивается его выполнения во всех деталях».

В о п р о с. Это резюме очень ясно: всякий, кто потрудится прочесть его, легко поймет вашу систему. Но одного понимания вашей системы мало, нужно, чтобы она была одобрена и принята. А для этого вы должны доказать то, о чем вы заявили немного выше; вы должны показать, что эта система прямо вытекает из всего хода развития человеческого ума, и что ее принятие — необходимое следствие всей истории европейского общества.

О т в е т. Школа Сократа поняла несколько очень важных истин. Она поняла, что человек обладает двумя совершенно различными способностями, хотя и тесно связанными меж-

ду собой, а именно: с одной стороны, способностью испытывать, вызывать, вырабатывать и координировать чувства, а с другой — способностью мыслить, вызывать, вырабатывать и координировать идеи. Она поняла, что для развития этих двух способностей требуется различная работа, которой должны заниматься две различные школы. Наконец, она поняла, что развитие чувств должно на первых порах совершаться быстрее, чем развитие идей, почему она и занялась главным образом установлением принципов морали.

Сократ заметил, что принципы морали должны быть даны людям, опираясь на божественный авторитет; он заметил, что вера во многих богов весьма благоприятствует развитию страстей всякого рода, но мешает подчинению всех страстей единой страсти к общему благу, — поэтому Сократ провозгласил единство бога.

Школа Сократа признала далее, что правильное и непрерывное развитие философии будет возможно лишь тогда, когда школа чувств и школа суждений сделают крупные успехи и доставят философии достаточно обильные материалы для многочисленных сравнений и комбинаций; она признала, с другой стороны, что создать организацию общества, непосредственно выгодную для большинства, люди смогут лишь тогда, когда распространяемое обеими школами просвещение проникнет в самые низшие классы общества настолько широко, что полное

уничтожение рабства может произойти без затруднений.

Мы начинаем историю европейского общества не раньше, чем с Сократа, потому что только с этого времени прогресс цивилизации совершается непрерывно, потому что Сократ первый дал человеческому уму такое направление, что в результате деятельности, начатой этим философом, с необходимостью должна была установиться организация общества, которая непосредственно выгодна промышленному классу, наиболее полезному и составляющему громадное большинство нации.

Вопрос. Сократ умер двадцать четыре века тому назад, и история развития человеческого разума от появления этого великого человека до настоящего времени представляет достаточно обширное поле для наблюдений, могущих подкрепить ваши суждения. Не бойтесь же упреков в недостаточности этого ряда наблюдений и покажите главнейшие и наиболее выпуклые черты этого ряда; если вам затем удастся ясно, просто и естественно вывести основные положения новой организации общества, которую вы нам сейчас изложили, то все люди, в какое бы положение они ни были поставлены случайностью рождения, с готовностью примут ваши взгляды, т. е. вашу систему.

Ответ. Историю цивилизации от Сократа до наших дней мы делим на две равные части; каждая из них обнимает двенадцать

веков. Первая начинается с Сократа и заканчивается временем, когда арабы, переведя сочинения Аристотеля и восстановив их авторитет, посвятили себя изучению физических и математических наук. Вторая эпоха охватывает наиболее важные в истории цивилизации события от Харун-аль-Рашида и Аль-Мамуна до наших дней.

В о п р о с. Изложите нам первую часть этой истории, т. е. напомните нам наиболее замечательные моменты в развитии цивилизации от смерти Сократа до царствования Аль-Мамуна и Карла Великого.

О т в е т. Прежде чем приступить к делу, мы должны сделать несколько замечаний, имеющих целью познакомить вас с особенным характером каждой из двух эпох истории цивилизации после Сократа. Эти предварительные замечания чрезвычайно облегчат понимание великого факта, о котором мы сейчас будем говорить, факта, имеющего столь же важное значение в политике, как всемирное тяготение в астрономии, факта, который до сих пор еще не был прямо отмечен, но который впоследствии будет служить основой всех политических комбинаций, так же как всемирное тяготение служит опорой для всех астрономических вычислений.

Деятельность школы Сократа совершенно прекратилась в смысле общефилософских работ в момент смерти ее основателя и — замечательная вещь — с тех пор не появлялась истинная философия, не существовало

ни одной истинно философской школы, т. е. ни один человек, ни одна школа не посвящали себя изучению в одно и то же время моральной и физической стороны человека, уделяя одинаковое внимание той и другой. Через несколько лет после смерти Сократа его школа была заменена в научном отношении двумя подшколами, из которых одна занималась главным образом моральной стороной человека, а другая — его физической стороной. Первая трудилась прежде всего над усовершенствованием чувственных отношений, вторая посвятила себя физическим наблюдениям, объединению и систематизации физических фактов. Платон стал во главе первой, получившей название академии; Аристотель был основателем второй, которая собиралась в портике и ученики которой принимали название перипатетиков.

Великий исторический факт, который мы хотим отметить, прежде чем приступить к очерку развития цивилизации от Сократа до наших дней, состоит в том, что в течение первых двенадцати веков успехам цивилизации больше всего содействовали платоник и, а в продолжение последних двенадцати веков в истории открытий человеческого разума наиболее важную роль играли аристотелики. Отсюда следует, что в течение первой части великого философского периода, очерк которого мы сейчас дадим, ученые были преимущественно спиритуалистами, а в течение второй половины этого периода —

материалистами. Отсюда мы заключаем, что способности человеческого разума одинаково сильны в области спиритуализма и материализма, * что в обоих этих направлениях мож-

---

* Словом спиритуализм мы хотим обозначить изучение моральной стороны человека, а также стремление моралистов подчинить физическую сторону человека его моральной стороне; ничего другого мы не имеем в виду.

Словом материализм мы хотим обозначить изучение физической стороны человека, а также стремление физиков поставить моральную сторону человека в подчиненное положение; ничего другого мы не имеем в виду.

Мы сочли необходимой эту оговорку, чтобы отклонить от себя всякое подозрение в том, что мы были намерены восхвалять метафизику, обозначив ее словом спиритуализм. Мы думаем, что эта отрасль наших знаний имела всегда лишь временную ценность, что в настоящее время она является незаконным, ложным и нелепым направлением, потому что стремится идеям гадательным и даже совершенно смутным приписать более важную роль, чем наиболее положительным идеям, и что, следовательно, положительная философия должна бороться с метафизикой и, насколько возможно, дискредитировать ее.

Платон и даже Аристотель примешали много метафизических рассуждений к своим положительным и полезным трудам, но их можно извинить, принимая во внимание скудость положительных знаний в их время. Теперь физики очистили свои труды и совершенно освободили их от метафизических соображений, что дает им большое преимущество над моралистами, идеи которых, вообще говоря, все еще тонут в хламе пустых умствований.

Моралисты, конечно, имеют право на одинаковое положение с физиками; в настоящих условиях они даже могут играть более важную роль ввиду того, что изучение морали находилось в пренебрежении в

ко сделать одинаково важные открытия, что развитие этих двух способностей одинаково содействует прогрессу цивилизации и что истинная философия состоит в том, чтобы содействовать в одинаковой мере наукам о моральной стороне человека и наукам о его физической стороне для создания правильной организации общества.

В о п р о с. Довольно занимать нас предварительными рассуждениями, перейдите прямо к делу. Дайте нам очерк развития человеческого разума в области морали в течение первых двенадцати веков после смерти Сократа и докажите, что в продолжение этой первой части великого философского периода школа чувств, или платоническая школа, больше содействовала развитию цивилизации, чем школа псрипатетическая, занимавшаяся преимущественно изучением законов, управляющих физическим миром.

О т в е т. В деле изучения морали и чувств Платон сделал крупнейший шаг вперед сравнительно со своим учителем, он расширил

течение двенадцати веков, так что сейчас в этой области легче делать открытия, чем в физике, но при условии, если свои наблюдения над действием общих или особенных чувств на общество и на отдельные личности моралисты будут излагать с большой ясностью и без всякой метафизики.

Во второй части этой тетради мы постараемся указать моралистам, каким образом они должны излагать свои идеи, чтобы занять подобающее им место в общем сословии ученых.

основы сократовской доктрины. Сократ провозгласил единство бога, Платон увидел, что для облегчения мыслительной работы моралистов, как и изложения их учений единство божества необходимо расчленить, и он провозгласил бытие троицы.

После смерти Платона школа чувств, во главе которой он стоял, разделилась на несколько школ, которые все усердно занялись борьбой с многобожием и созданием кодекса морали, основанного на вере в единого бога, разделенного на несколько лиц или, вернее, рассматриваемого с точки зрения различных атрибутов.

Когда римляне завоевали Грецию, платоник и ки бежали в Александрию. В Александрии они соединились с тамошними евреями и основали христианскую школу.

В христианстве, над созданием которого платоник и евреи трудились вместе, еврейский культ и учение платоников соединились, и это соединение получило название христианства.

Основателями христианской школы экзальтация чувств была доведена до высшей степени; их усердие, их любовь к общему благу господствовали среди них в большей степени, чем в какой-либо другой корпорации, о которой упоминает история. В школе установилось разделение труда. Одни занимались делением всех человеческих действий на добрые или злые, на полезные или вредные для их виновников и для общества, на угод-

ные и неугодные богу. Труды других заключались в пропаганде христианской морали и и связанного с нею культа. Посвятившие себя первому роду деятельности углублялись в пустыни Фиваиды, чтобы, не отвлекаясь, трудиться над совершенствованием христианской морали и над регламентированием или составлением законов этой морали. Большинство первоучителей христианства посвятило себя распространению христианской религии. Этой удивительной религии, доказавшей свое превосходство над всеми остальными и даже свое абсолютное превосходство, так как на роды, принявшие христианство, суть единственные, участь которых беспрерывно улучшалась, единственные, у которых рабство постепенно смягчалось все больше и, наконец, было уничтожено совершенно.¹¹⁹

РАССУЖДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ¹²⁰

*Золотой век, который слепое предание
отнесло до сих пор к прошлому, на-
ходится впереди нас*

1. НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ В XIX ВЕКЕ

Первое рассуждение

О философии

Все говорят о философии, каждый произносит свой приговор над философскими трудами, и, однако, лишь очень немногие ясно понимают отношения, существующие между философскими трудами и всякой другой умственной деятельностью. Лишь очень немногие имеют отчетливое представление о пути, пройденном философией, и о формах, в которых происходило ее развитие.

Философия есть наука об общих понятиях. Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства,

чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы отвергнуть ее, когда она дойдет до крайних пределов своего совершенства, и построить из нее новую при помощи материалов, собранных учеными — специалистами в каждой отдельной области.

Средневековые философы (принадлежавшие все к духовенству, потому что оно было тогда единственным классом, владевшим каким-либо образованием) создали и установили теологическую и феодальную систему, разрушив до самого основания социальные системы, которые были созданы и практически осуществлены греческими и римскими философами.

О превосходстве средневековых философов над античными свидетельствует превосходство их трудов над трудами греческих и римских философов, т. е. превосходство теологической и феодальной системы общественного устройства над всеми политическими системами, существовавшими у античных народов.

Второе рассуждение

О состоянии цивилизации
у античных народов
и о ее развитии у народов
средневековых

Превосходство теологической и феодальной системы общественного устройства над формами политического строя, которые были

приняты античными народами, очевидно, и, однако, этот факт все еще не обратил на себя внимания лучших умов, ни один философ еще не высказал это прямо. В школе и теперь еще господствуют философские и политические идеи, вышедшие из античной древности; профессора философии не иначе как с величайшим восторгом и священным благоговением говорят о законодателях Миносе, Ликурге и Солоне,¹²¹ но они ни единым словом не обмолвятся ни о Карле Великом, ни об Альфреде,¹²² ни о Григории VII.¹²³ Политические системы лакедемонян, афинян и римлян являются для них предметом восхищения, а система общественного устройства, сложившаяся в средние века и политически объединившая все огромное население Европы, кажется им жалкой, не заслуживающей ни малейшего внимания.

Объясним в немногих словах причину этого заблуждения. Вся работа человеческого ума сводится к сравнениям: сказать, например, что данная вещь хороша или плоха, значит сказать, что она лучше или хуже другой, с которой ее сравнивают. Когда философы нового времени увидели, что теологическая и феодальная система достигла крайних пределов своего совершенствования, что она неспособна к необходимым изменениям соответственно прогрессу цивилизации и, следовательно, неминуемо должна быть ниспровергнута, они взялись за критику ее. И вот, чтобы доказать, что она плоха, они нуждз-

лись в предмете сравнения. Они не были в состоянии конструировать высшую систему, потому что такая система могла быть осознана лишь после опровержения той, которая тогда существовала. Они решили сравнить ее с предшествующей ей системой греков и римлян и, чтобы достичь своей цели, сопоставили то, что в системе античных народов было лучшего, с тем, что в теологической и феодальной системе было худшего.

Но теперь, когда легко представить себе систему общественного устройства высшую, чем теологическая и феодальная, можно без труда установить превосходство этой последней над системой античных народов. Это и предстоит нам сделать.

Чтобы дать возможность ясно и легко судить о том, что мы будем говорить по этому вопросу, выясним сначала основные условия, которым должна удовлетворять система общественного устройства. Когда это будет сделано, нам останется только сравнить формы политического строя античных народов с тем строем, который водворился у европейцев в эпоху средних веков.

Это сравнение мы проведем только между политической системой греков и римлян и средневековой системой общественного устройства на том основании, что школа без всякого колебания приписывает этим двум народам превосходство во всех отношениях и, в частности, в политике над всеми современными им народами.

И вот, мы утверждаем и не думаем, что кто-нибудь станет это оспаривать:

«Лучшее общественное устройство — это то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей.

Это такое общественное устройство, при котором достойнейшие люди, истинная ценность которых наиболее велика, располагают наибольшей возможностью достичь высшего положения, независимо от того, куда их поместила случайность рождения.

Это, затем, такое общественное устройство, которое объединяет в одном обществе наиболее многочисленное население и предоставляет в его распоряжение максимум средств для сопротивления иноземцам.

Это, наконец, такое общественное устройство, которое приводит в результате покровительствуемых им трудов к наиболее важным открытиям и к наибольшему прогрессу цивилизации и просвещения».

Сравним теперь в этих четырех различных отношениях греческое и римское общества со средневековым.

Первое сравнение. У греков и римлян раб принадлежал непосредственно своему господину, имевшему по отношению к рабу право жизни и смерти.

Не было ни одного закона, ни одного учреждения, ни одного принципа обществен-

ной морали, ни одного религиозного соображения, которые защищали раба и стремились ограничить произвол его господина.

При теологической и феодальной системе раб был прикреплен к земле и уже только косвенно принадлежал собственнику земли, на которой он родился. Закон о выкупе преступлений признавал ценность за жизнью раба, за каждым членом, за всеми частями его тела: его глаза, его уши имели известную цену, так что господин, убивший или изувечивший одного из своих рабов, был обязан вознаградить его детей в определенном тарифом размере.

Общепринятая мораль, равно как и религия, защищали раба от злоупотреблений хозяйского самовластия. Христианская мораль предписывала всем людям видеть друг в друге братьев; она приказывала каждому вести себя по отношению к своему ближнему так, как он хотел бы, чтобы ближний вел себя по отношению к нему самому, а христианская религия учила, что все люди без исключения равны перед богом.

У греков и римлян господа были всегда вооружены, ежедневно собирались на общественной площади; почти все они жили за оградой укрепленных городов, между тем как огромное большинство рабов было рассеяно по деревням, где они исполняли земледельческие работы. Отсюда следовало, что хозяев нисколько не сдерживала боязнь восстаний, так как они были совершенно невозможны.

Напротив, при теологическом и феодальном строе в городах жили главным образом ремесленники, хозяева же жили в поместьях и были изолированы среди своих рабов, а потому до известной степени связаны боязнью мести с их стороны, мести, осуществление которой было возможно и которая иногда действительно осуществлялась, когда рабы приходили в отчаяние от слишком жестокого обращения.

Молодые лакедемоняне часто охотились на илотов, и варварские удовольствия, которые они доставляли себе таким образом, всегда проходили для них без всяких неприятностей. Подобного рода эксцессов никогда не бывало при теологическом и феодальном строе.

Итак, участь людей, составляющих подавляющее большинство общества, была при теологическом и феодальном строе в гораздо меньшей степени несчастна, чем при системе общественного устройства греков и римлян.

Второе сравнение. У греков и римлян общественными делами управляли обыкновенно и почти исключительно патриции: они занимали наиболее важные должности как в области духовной, так и в области светской власти. Сенаторы были патрициями, верховные жрецы, гаруспики и авгуры были также из патрициев. Должности по общественному управлению, занятые плебеями, имели подчиненный, низший характер и не давали им возможности участвовать в руко-

водящей деятельности; им были предоставлены лишь некоторые средства для сопротивления неограниченной власти, врученной патрициям. Плебеи достигали первостепенных успехов только посредством восстаний, но и то значение, которого они таким путем добивались, никогда не было прочным.

В обыденной жизни плебеи находились почти на положении домашней челяди патрициев: по обычаям того времени они делались клиентами наиболее влиятельных патрициев и в качестве таковых сопровождали их на улицах и наполняли передние их домов.

Наиболее значительные преимущества, которыми пользовались плебеи в сравнении с рабами, заключались в том, что они сами избирали себе патрона, под защиту которого они становились, что закон защищал их от всякого дурного физического обращения и что им было сравнительно легко соединяться, чтобы поднимать крупные восстания.

Словом, всякий, кто без предубеждений рассмотрит основные положения общественного устройства греков и римлян, должен будет признать, что все они клонились к выгоде патрициев, составлявших наследственную аристократию; он должен будет признать, что власть, руководящая общими интересами общества, постоянно находилась в руках патрициев и что эта наследственность их политической власти была еще закреплена законодательством, предоставлявшим отцам

право жизни и смерти по отношению к их детям. Это положение вещей препятствовало молодым людям отдаваться благородным идеям, стремящимся к установлению равенства, так как ставило их в полную зависимость от стариков, которые в гораздо меньшей степени, чем молодые люди, восприимчивы к благородным и возвышенным идеям.

Наконец, если внимательно рассмотреть обстоятельства, препятствовавшие достойным людям, не принадлежавшим к патрициям, достигнуть высшего положения, то нужно будет признать, что общественное устройство греков и римлян как общее правило осуждало на неизвестность людей, по своему рождению принадлежавших к наиболее многочисленному классу нации, какова бы ни была по сравнению с патрициями их истинная ценность.

В основании теологической и феодальной системы лежали принципы, резко отличающиеся и в некоторых отношениях даже совершенно противоположные принципам, на которых была основана политическая система греков и римлян.

У греков и римлян духовная власть была подчинена светской в качестве ее покорной помощницы.

У европейцев средних веков преобладало влияние духовной власти; духовная власть имела общий характер, светские же власти имели только местное значение.

У греков и римлян духовная власть находилась в руках одних патрициев.

У европейцев средних веков в течение всего времени, пока была в силе теологическая и феодальная система, духовной властью руководили обыкновенно плебеи.

Словом, у греков и римлян интересы общественные были доверены патрициям, между тем как во главе европейского общества в качестве его руководителей в продолжение всего средневековья стояли плебеи.

Духовенству, состоявшему преимущественно из плебеев и постоянно ими руководимому (даже в тех немногочисленных случаях, когда папы были избраны из числа патрициев), обязано человечество прогрессом цивилизации от Гильдебранда до XVI в. А этот прогресс был неизмерим: он поднял человеческий ум на такую высоту, которой он не достигал даже в самую блестящую эпоху истории греко-римского общества.

Ведь именно католическое духовенство предприняло распахки, которые были произведены в Галлии, Германии и на всем севере Европы, именно оно направляло и лично выполняло первые работы этого рода.

Духовенство сделало европейцев способными к интеллектуальному прогрессу, заботливо поддерживая в течение всех средних веков во всех частях Европы школы, где учили читать и писать.

Духовенство сохранило все памятники науки, литературы и искусства, созданные

греками и римлянами и пережившие грабежи варваров.

Духовенство наложило узду на воинственный пыл главарей светской власти, установив божий мир.

Это оно начало облегчать сношения, побуждая к постройке мостов и дорог, отпуская грехи тем, кто посвящал себя такого рода деятельности.

Это оно ввело в законодательство нормы, защищающие частные интересы в гражданском и уголовном процессах.

Оно одно, наконец, занималось науками и другими отраслями умственной деятельности, начиная от Гильдебранда и до Лютера.

На наше похвальное слово тому основному положению, при котором высшее руководство общественными интересами было передано в руки духовенства, нам возразят, быть может, что и у египтян духовная власть имела преобладание над светской и что она также направлялась плебеями того времени.

На это мы ответим, что прекрасное сочетание теологической и феодальной систем состояло в том, что духовенство служило политической связью, соединявшей все европейские народы, и что духовная власть была заключена в границы, из которых она никак не могла выйти, не вызывая крупнейших затруднений для общества. Духовенство руководило общими интересами всех европейских народов, но оно не управляло непосредственно ни одним из них, между тем как египет-

ские жрецы совершенно поглотили светскую власть и привели все население Египта к подчинению монашескому режиму и к полной моральной апатии.

Из этого второго сравнения, которое, на наш взгляд, не нуждается в дальнейшем развитии, мы сделаем вывод, что достойные люди, каково бы ни было их положение по рождению, имели у средневековых европейцев гораздо больше возможности подняться на высшую ступень, чем у греков и римлян.

Третье сравнение. Римский народ был несравненно многочисленнее любого из греческих народов, и все-таки он никогда не насчитывал более 500 000 граждан в одном поколении.

Национальная территория римлян была гораздо обширнее территории любого народа Греции, но она никогда не достигала размеров Нормандии.

Римляне называли варварским все, что не было римским, и говорили: «для варваров цепи или смерть». Тот же антигуманный принцип был еще ранее усвоен греками, видевшими в иностранцах врагов и считавшими их и все им принадлежавшее хорошей добычей, если только ее можно было захватить.

Греки и римляне, поставив себя в положение врагов человечества, должны были в конце концов быть покорены и уничтожены как политическое общество. Ибо несмотря на превосходство в военных способностях и в умственном развитии, они были слабее ос-

тальной части человечества, которую они объединили против себя, объявив всех иноземцев своими врагами; их гибель была тем вернее, чем больше они неизбежно ослабляли себя по мере того, как расширяли свои завоевания.

Вследствие этого коренного недостатка общественного устройства греков и римлян их политическое общество было, наконец, совершенно уничтожено.

Совсем другое положение дел было у европейцев средних веков с того времени, как они приняли теологическую и феодальную систему общественного устройства; их политическое общество оказалось состоящим из 60 с лишним миллионов человек, и вся Центральная и Западная Европа принадлежала им в качестве их общественного владения.

Затем это общество непрерывно увеличивалось как в отношении размеров его территории, так и в смысле увеличения числа его членов.

Оно подверглось сначала яростному нападению сарацин и саксов, но саксы были обращены в христианство и присоединились к средневековому обществу; что же касается сарацин, то оно изгнало их силой из Франции и оттеснило на юг Испании; оно перенесло затем войну в их собственную страну и заставило их, таким образом, отказаться от всякой новой попытки завоеваний в Европе.

Таким же образом это общество сначала отразило, а затем обратило в христианство и присоединило к себе народы севера, долго тревожившие набегами его берега.

Наконец, через несколько столетий это общество достигло такой степени превосходства над всей остальной частью человечества, что ему нечего было бояться иноземцев.

Провозглашенному христианской религией принципу — «все люди должны считать себя братьями» — обязаны европейцы средних веков тем преимуществом, которым они пользовались: видеть, как непрерывно растет значение их политического общества, как оно становится многочисленнее любого из существовавших раньше, как оно достигает, наконец, такой степени прочности, что начиная с XV в. перестает чего-либо опасаться со стороны иноземцев.

Итак, в результате этого третьего сравнения становится очевидным, что основанное в средние века теологическое и феодальное общество имело лучшее политическое устройство, чем то, которое было принято греками и римлянами, так как это общество было гораздо многочисленнее и имело в своем распоряжении больше средств сопротивления иноземцам, чем все предшествовавшие общества, так как оно получило, наконец, безусловное преобладание над всей остальной частью человечества.

Четвертое сравнение. Языки, пись-

мо и счисление изобрели античные народы. Они же создали первые орудия, при помощи которых человечество могло начать выполнение больших работ.

Античные народы положили начало искусствам; они подняли их на такую высоту, какой искусства никогда не достигали.

В области изобретения, в создании образов, действующих непосредственно на чувства, античные народы остались нашими учителями.

Приходится признать, что работы античных народов в этой области не были превзойдены никем из их преемников.

Но что касается углубленных наблюдений, обширных вычислений, отвлеченных идей, что касается познания законов, управляющих явлениями природы, — здесь античные народы не вышли из состояния детства. Физические и математические науки были им почти совсем неизвестны, а усвоенные ими идеи общей морали имели для них только теоретическую ценность, — они вовсе не представляли себе путей применения их к политике.

Представление, что солнце больше Пелопоннеса, казалось грекам вздорной и бессмысленной выдумкой.

Что касается политики, то они считали все народы прирожденными, непримиримыми врагами. Они много трудились над тем, чтобы открыть каждому народу средства достичь господства над всеми прочими, но они не

приложили никаких усилий, чтобы дать им понять, насколько в их интересах было соединиться и сочетать свои силы для воздействия на природу и для изменения ее таким способом, который наиболее благоприятствует увеличению их благосостояния.

Военное сословие, казалось им, должно всегда преобладать; промышленный труд они считали унижительным, и поэтому весьма многочисленный класс рабов был, по их мнению, необходимым условием политического существования.

Они могли изобрести лишь такое общественное устройство, при котором руководящая власть принадлежит по праву рождения аристократии. Общество было у них разделено на три больших класса: господа, имевшие рабов, господа, их не имевшие, и рабы. Господа, не имевшие рабов, находились по необходимости в зависимости от тех, которые их имели, так как работы, посредством которых они могли бы добыть себе пропитание, считались унижительными, и они не могли ими заниматься; к тому же их отвлекала бы политическая деятельность, то и дело призывавшая их на общественные площади.

Духовную власть они представляли себе только в качестве помощницы светской власти. Они и не понимали, что общая мораль была той наукой, которая должна была регулировать деятельность общества, и что лучшим средством ускорить прогресс цивилизации являлось создание учреждения, стоя-

щего над всеми военными и светскими властями, каковы бы они ни были, — учреждения, на обязанности которого лежали бы заботы о преподавании и сохранении общей морали.

Европейцы средних веков стали на более высокую точку зрения, чем античные народы, и они двинулись вперед.

Они считали, что система искусств была достаточно развита их предшественниками и соответствовала состоянию цивилизации. Они не стали заниматься их совершенствованием; все свои силы и все свое внимание они посвятили системе морали и политики.*

Античные народы завершили свою деятельность созданием христианской религии, содержащей в себе принципы наиболее чистой общей морали, но они не сделали никакого политического применения из того высокого учения, которое они создали. Средневековые европейцы положили в основу своей общественной организации принципы христианской религии, которую они принизили.

---

* Многие века отделяют общественную систему греков и римлян от той системы, основателями которой были Карл Великий и Григорий VII; эти века следует рассматривать как переходную эпоху; вследствие слабости человеческого интеллекта полное разрушение системы должно предшествовать теоретической разработке и практическому проведению системы, которая призвана ее заменить.

Варварские народы оказали огромную услугу человечеству, совершенно разрушив общественную организацию, установленную греками и римлянами.

дав ей форму католицизма или папской религии, чтобы приспособить ее к неужественному состоянию, в котором находилась Европа после длинного ряда нашествий варваров, вышедших из северных стран.

Если рассмотреть с философской точки зрения ход развития цивилизации в продолжение средних веков, то необходимо признать, что деятельность человеческого ума в течение этого большого промежутка времени последовательно имела три хорошо отличимых особенности.

В продолжение IX, X, XI и XII вв., а также первой половины XIII в. европейцы, отличавшиеся интеллектуальными способностями, занимались исключительно усовершенствованием системы общественного устройства: им предстояло разрешить весьма трудную задачу.

Они должны были смягчить участь рабов и подготовить полную отмену рабства.

Они должны были поставить моралистов выше военных, мирных людей — выше любителей войны и предоставить немущим господам, т. е. не имевшим рабов, почетные средства существования и возможность подняться на общественную ступень, которая соответствовала бы проявляемым ими способностям и оказываемым ими обществу услугам.

Затем они должны были обеспечить на неопределенное время существование нового общества, побудив его принять такие принципы общей политики, которые не вызывали

бы против него вражды остальной части человечества и обладали бы такими свойствами, что общество легко могло бы вступить в союз с народами, которые иначе были бы его ожесточенными врагами.

Они должны были, наконец, предоставить человеческому разуму средства для его развития и для выполнения работ, направленных на изучение законов, управляющих явлениями природы; в то же время они должны были содействовать усилиям промышленников, стремящихся преобразовать материю таким образом, чтобы возможно более приспособить ее к нуждам и потребностям общества.

Эта задача была великолепно разрешена Карлом Великим, Альфредом, Григорием VII и множеством людей, дарования которых вполне признаны всеми, кто исследовал результаты их трудов.

Основанием теологической и феодальной системы служили принципы, провозглашенные греческими мыслителями и иудейскими философами, собравшимися в Александрии, где они создали христианскую философию. Но какую огромную работу пришлось совершить средневековым философам, чтобы применить эти принципы к общественному устройству соответственно тем условиям, в которых они находились!

Христианская религия была по своей сущности демократической и неизбежно привела бы общество к анархии, если бы ее захотели

применить во всей ее чистоте к политической системе. Средневековые философы поставили на ее место католическую религию, которая была по своей сущности монархической и удовлетворяла поэтому условиям, необходимым для создания новой общественной организации.

Чтобы произвести столь большое изменение основных идей, нужно было предварительно превратить великий принцип непогрешимости церкви, который первоначально означал непогрешимость большинства верующих, в непогрешимость духовенства, а затем эту последнюю — в непогрешимость папы.

Необходимо было также превратить воодушевлявшее ранее духовенство бескорыстие в чувство совершенно противоположное, в любовь к богатству, чтобы внушить духовенству стремление к отстаиванию его материальных интересов, — единственное средство, которое можно было употребить, чтобы создать из духовенства истинно политический институт.

Наконец, чтобы произвести замену христианской религии, слишком чистой и поэтому неприемлемой в политике, религией католической, необходимо было измыслить ложные декреты и множество других выдумок; все они великолепны, потому что благодаря им начало приобретать прочность европейское общество, — общество, ставшее слабой и надеждой человечества.

Словом, в глазах философов теперь является неоспоримой истиной, что материальная власть, иначе говоря, богатства, принадлежавшие в течение средних веков духовенству и, в частности, папам, были им необходимы для подчинения военного управления научному руководству, а неистовых страстей — интеллектуальным дарованиям европейцев, вплоть до эпохи, когда появился Людовик IX.

Деятельностью, в основе которой лежали принципы высшей морали, этот философ дал новое направление трудам европейского общества; этот удивительный для той эпохи человек, кажется, задумал план энциклопедии.

В продолжение IX, X, XI и XII вв., а также первой половины XIII в. европейцы занимались, как мы выше показали, почти исключительно устройством и упрочением своего политического общества, и только около середины XIII в., в результате политических трудов, которыми они почти исключительно занимались в течение пяти предшествующих столетий, они, наконец, опередили остальную часть человечества, прониклись сознанием своего превосходства и почувствовали, что им нечего больше бояться иноземцев.

Не опасаясь более иноземцев, европейцы могли располагать большей частью тех интеллектуальных сил, которые они до сих пор затрачивали в области внешней политики, и тотчас решили дать этим силам такое упо-

требление, чтобы они самым положительным образом содействовали увеличению их благосостояния.

Для достижения этой цели класс плебеев отдался одновременно двоякого рода деятельности: одна часть плебеев стала изучать законы, управляющие явлениями природы, а другая начала развивать различные отрасли промышленности. Плебеи-миряне занялись промышленностью, между тем как плебеи, входившие в состав духовенства, обратились к изучению физических и математических наук. Роджер Бэкон был величайшим физиком этой эпохи — и Роджер Бэкон¹²⁴ был монахом.

Очень важно отметить тот факт, что именно духовенство начало заниматься физическими и математическими науками, что почти исключительно оно одно их развивало вплоть до XV в. Этот факт доказывает, что существование духовенства было в высшей степени полезно для общества до XV столетия, — вывод, находящийся в прямом противоречии с ложными философскими взглядами, еще теперь господствующими в науке. Ясно, что именно духовенству мы обязаны прогрессом цивилизации до XV в., а наши писатели обвиняют еще духовенство в том, что оно было величайшим препятствием развитию просвещения.

Перейдем теперь к обзору третьего периода теологической и феодальной системы. Этот период обнимает XV и XVI вв.

Великие открытия никогда не происходят случайно, они всегда являются следствием трудов, подготовивших человеческий ум к тому, чтобы их задумать или усмотреть.

Изобретение компаса, происшедшее задолго до XV в., с одной стороны, и успехи, достигнутые мореплаванием в течение XIII и XIV вв., — с другой, предоставили европейцам XV в. средства к открытию Америки. Открытие Америки имело самое благотворное философское влияние на систему идей, так как оно дало людям возможность реально познать размеры планеты, на которой они живут, и рассеяло представление согласно которому вся вселенная была создана для человека. Это представление, делавшее человека высокомерным и мало способным к деятельности, направленной на улучшение его положения и увеличение его реального благосостояния, оказалось явной нелепостью, когда выяснились размеры нашей планеты в сравнении с другими небесными телами.

Произведенные в течение XIII и XIV вв. астрономические наблюдения, а также успехи математики в течение этого подготовительного периода дали канонику Копернику возможность открыть истинное строение солнечной системы.

Сделанные в течение XIV в. первые попытки гравирования, имевшие целью быстро увеличивать число копий с рукописей привели людей XV в. к изобретению книгопечатания посредством подвижных литер.

То, что мы выше сказали о сделанных в течение XV в. открытиях, есть не более как частное соображение по этому вопросу. Рассмотрим это удивительное столетие с более общей и более высокой точки зрения.

Европейцы XV в. отличились не только в области физических и математических наук, в области искусств и ремесел, — они в то же время с увлечением работали в наиболее важных и наиболее обширных областях, доступных человеческому уму, они были людьми всесторонними, первыми всесторонними людьми, когда-либо существовавшими. Они воссоздали искусства, они возродили высокую мораль христианской александрийской школы. С одной стороны, они освободили эту мораль от принижения, которому подверг ее католицизм, а также от всех суеверий, которыми он ее отяготил; с другой стороны, они развили дальше это учение, изгнав из него все представления, противоречившие открытиям, сделанным в области естественных наук. Таким образом, люди XV в. отличились своей деятельностью одновременно и в области моральных и религиозных наук, и в области физических и математических наук, и в области искусств, и в области ремесел. Итак, они были, как мы уже сказали, всесторонними людьми, ибо нет ни одного вида полезной деятельности, который не входил бы составной частью в одну из вышеуказанных четырех областей.

Что особенно замечательно, так это то, что

истинные вожди народа, т. е. люди, руководящие его повседневными занятиями, стали во главе этого движения, что они покровительствовали этому общему порыву человечества, направляли и регулировали его. Все Медичи были купцами и фабрикантами, и именно они играли самую блестящую и важную роль в XV в.

Таким образом, в XV в. власть над миром перешла, наконец, к здравому рассудку, к здравому смыслу.*

XV век был наиболее достопримечательной эпохой в истории развития человеческого ума; все предшествующие труды должны быть рассматриваемы только как предварительная и подготовительная деятельность.

---

* Мы употребляем выражения «здравый рассудок», «здравый смысл» в их прямом значении. Под «здравым рассудком», «здравым смыслом» мы понимаем рассудок, взгляды наибольшего числа, абсолютного большинства. Наша цель — отметить, что только в эту эпоху голос народа мог и должен был рассматриваться, как голос бога.

Большинство общества всегда состояло и всегда будет состоять из рабочих, занимающихся ручным трудом; стало быть, предприниматели промышленных работ оказываются, в силу природы вещей, руководителями и представителями взглядов большинства.

В XV в., впервые со времени существования мира, голос народа, провозглашенный Медичи, проявил свой воистину божественный характер, ибо тогда впервые народ через посредство своих вождей ясно оказал свое покровительство наукам, искусствам, философии и всему мирному труду, способному улучшить физическое и моральное благосостояние человечества,

Может показаться, что в эту эпоху все когда-либо жившие люди вышли из своих могил и соединились в одно общество, чтобы подумать, как направить все интеллектуальные способности к повышению благосостояния человечества. Только в эту эпоху люди овладели всеми умственными средствами, необходимыми для сочетания их сил и способностей на всех поприщах мирного труда.

С тех пор можно уже было предвидеть возможность осуществления того великого нравственного, поэтического и научного плана, который должен переместить земной рай и перенести его из прошлого в будущее.

Этот интеллектуальный процесс, несомненно, самый важный из всех, какие только могут происходить: он самым непосредственным образом улучшит положение общества, развивая его нравственность: он уничтожит ложное и упадочническое представление, что добро предшествовало злу; он создаст истинное, утешительное и весьма ободряющее представление, что труды, которым мы отдаемся, улучшат благосостояние наших детей,— представление по своему существу религиозное, так как оно представляет небесный рай как конечное воздаяние за все труды, способствующие улучшению положения человечества в течение всего его земного существования.

Наше второе рассуждение мы резюмируем так: теологическая и феодальная система,

сложившаяся в средние века, подвинула цивилизацию гораздо дальше, чем политическая и религиозная система греков и римлян; она создала в конечном результате труды XV в., поставившие современные народы неизмеримо выше античных.

Начиная с XV в. философы должны были заниматься главным образом разрушением теологической и феодальной системы, так как сделанные в это время открытия доставили необходимые данные для создания системы общественного устройства гораздо высшей, чем средневековая.

Так как к настоящему времени труды по разрушению уже достаточно подвинулись вперед и на пути создания новых принципов стоят лишь незначительные препятствия в виде предрассудков, то философы должны соединить свои силы, чтобы создать общественную систему, соответствующую современному состоянию просвещения и цивилизации.

Третье рассуждение

О развитии цивилизации с XV в.

Разрушение политического общества, играющего главную роль в мире, и построение политического общества на основе новых учреждений является самым важным и самым трудным делом, требующим несравненно больше времени, чем любая другая деятельность нашего ума.

Не следует поэтому удивляться тому, что

понадобились многие века для полного разрушения политической системы, созданной греками и римлянами, и для подготовки общественного устройства, которое ввели у себя средневековые народы.

Еще менее следует удивляться тому, что начиная с XV в. и до нашего времени европейские философы занимались исключительно тем, что, с одной стороны, разрушали теологическую и феодальную систему, а с другой — готовили организацию научной и промышленной системы; нас не удивит и тот факт, что они еще не выработали взглядов относительно учреждений, которые должны служить основанием нового общественного устройства.

Разрушение теологической и феодальной системы началось с критики того института, который имел преобладающее значение во всей системе.

Доверие к папистской религии подверглось прямому нападению со стороны Лютера * и косвенному — со стороны Коперника.

* Лютер оказал европейцам очень крупную услугу, напав на папскую власть, которую он уничтожил на всем севере и влияние которой он значительно подорвал у народов, продолжавших исповедывать католическую религию и после того, как папская власть перестала уже соответствовать приобретенным знаниям и нуждам общества. Но не следует скрывать, что взгляды Лютера имели ценность, лишь поскольку в них была критика. Если же рассмотреть их по существу и притом не сравнивая их с католической религией, то нужно будет признать, что они совсем

Лютер упрекал папскую религию в том, что она принизила христианскую мораль. Он проповедывал, что превращение непогрешимости, первоначально приписывавшейся воззрениям всех верующих вообще, в непогрешимость папы принесло большой вред обществу. Он доказал, что римская курия злоупотребляла всевластьем, которое она присвоила себе в духовной и в светской областях.

Коперник доказал, что вселенная не могла быть создана для человека, так как он играет в ней весьма второстепенную роль; планета, на которой он живет, принадлежит к числу наименьших из известных нам планет, и притом она вовсе не находится в цент-

неправильны и ни в какой мере не могут служить руководством для человеческого ума.

Мораль и религия, созданные Лютером, ничуть не соответствуют современным потребностям общества. Этот реформатор хотел восстановить христианскую религию в том виде, какой она имела при своем возникновении, но эта мысль несостоятельна.

Первоначальной целью христианской религии было уничтожение рабства. Достигнув этой цели, религия должна поставить перед собою новую, идущую дальше, а именно, создание общественной организации, обеспечивающей непрерывный труд всем пролетариям, позитивное образование всем членам общества и наслаждения, которые могли бы развивать их ум.

Религия Лютера несостоятельна еще в другом отношении: этот реформатор исключил из культа действие искусств, а это нелепо, так как теология — сестра искусств.

Этот вопрос мы рассмотрим ближе в другом рассуждении. ¹²⁶

ре мира, как то думали античные народы, а вращается вокруг Солнца, которое, в свою очередь, вращается вокруг других, гораздо больших небесных систем.

Труды, начало которым было положено Лютером и Коперником, стояли в центре внимания школы и всего общества вплоть до отмены Нантского эдикта.

К этому времени папство окончательно потеряло свое преобладающее влияние на светскую власть, так как все северные государства создали независимую от папы духовную власть, а южные государства принудили его отказаться от притязаний на политическое и религиозное всемогущество, — притязаний, которые он в качестве наместника бога на земле заявлял до того времени. Начиная с этой эпохи философы занимаются критикой духовной власти только как побочным и второстепенным делом.

Совершенно опровергнув с теологической и научной точек зрения принципы, служившие основанием духовной власти в теологической и феодальной системе, критики направили свои главные силы на критику светской власти.

Вольтер, Дидро, Д'Аламбер и все знаменитые писатели XVIII в. как во Франции, так и в остальной части Европы доказали, что короли оказали большую услугу народам, подавив крупных вассалов, вырвав из рук дворянства всю действительную политическую власть, которая находилась в его распоряже-

нии, и овладев всей суверенной властью, распыленной среди баронов. Эти писатели доказали, что наследственная аристократия должна быть упразднена, так как она не нужна больше для поддержания общественного порядка.

Другие важные труды заняли все общество, начиная с XV в. и до нашего времени. Эти труды были двоякого рода: одними занимались ученые, другими — промышленники. Рассмотрим сначала деятельность промышленников.

Промышленники вступили в союз с королевской властью против дворянства, и благодаря оказанной ими поддержке короли получили возможность овладеть политической властью, находившейся в руках дворян.

В обмен за услуги, оказанные королевской власти, промышленники получили ее покровительство; пользуясь этим покровительством они окончательно вышли из рабства, в котором находились.

Затем промышленники организовались и при помощи своей организации превратились, наконец, в крупную социальную силу, силу мирную, но более внушительную, чем сила военная, во главе которой и до сих пор остались дворяне. Сила промышленников такова, что короли без затруднений могут доверить им руководство светской властью и тем избавить общество от дворянства, являющегося для него теперь только бременем.

Организация промышленников была завершена учреждением банка, который связывает между собой все отрасли промышленности и дает то или иное политическое применение ее капиталу.

Люди науки и искусства со своей стороны вступили в союз с королевской властью: они доставили королям средства свергнуть иго пап, выступая с научными доказательствами и шедеврами искусства * против суеверных

---

* До XV в. внимание народа привлекали всегда религиозные идеи: они не забывали их и тогда, когда отдавались веселью. Крестные ходы были большими общественными увеселениями. В театрах ставились мистерии. Музыка состояла главным образом из церковных песнопений. Самыми лучшими дарами считались священные реликвии. Такого рода развлечения предоставляли, очевидно, папам политические преимущества в сравнении с королями.

Получив свободу, художники взяли на себя заботу об общественных развлечениях.

В театрах вместо мистерий изображались великие исторические события, картины нравов. Изящные декорации, изображающие красивые пейзажи, веселые балеты заменили крестные ходы. Церковное пение перестало быть единственным видом музыки; музыканты нашли средства вызывать своими звуками различные чувства. Объединившись с поэтами, они направили общие усилия на освобождение людей от власти мистицизма. Наконец, священные реликвии перестали считаться лучшими дарами; шедевры живописи и скульптуры начали казаться самыми ценными вещами, какими только может владеть человек.

Этот новый род развлечений, несомненно, дал королям большое политическое преимущество в сравнении с папами.

представлений народа, на которых папы основывали свое могущество.

В обмен за оказанные королям услуги ученые и художники получили их особенное покровительство: короли взяли на себя труд организовать их в академиях наук и искусств. Эти академии они сделали независимыми от духовенства; это было, конечно, необходимо, так как в противном случае богословы мешали бы их развитию, противопоставляя непогрешимость пап их доводам и их стараниям привлечь общественное внимание к наиболее полезным для общества занятиям.

Мы не считаем нужным в данный момент вести это рассуждение дальше. Мы хотели только констатировать здесь факт, имеющий при данных обстоятельствах очень большое значение, а именно, что королевская власть была тем учреждением, которое служило точкой опоры новаторам как в духовной, так и в светской области.

Четвертое рассуждение

О попытках преобразования общества с 1789 г.

Начиная с XV в. и вплоть до 1793 г. европейцы весьма усердно трудились над разрушением теологической и феодальной системы, но они никак не могли подняться до

того, чтобы открыть систему, которая должна была занять место уничтожаемой *

Только в 1793 г. было положено начало трудам, направленным на преобразование общества.

Начиная с этого времени, общество было подвергнуто четырем экспериментам, которые мы и рассмотрим один за другим.

Первый эксперимент, произведенный над французским обществом, заключался в попытке привить ему нравы и учреждения греков и римлян. **

---

* Нам могли бы возразить, что после XV в. англичане уже преобразовали свое общество. На это мы отвечаем:

1. Английское общественное устройство вовсе не отличается коренным образом от организации, установившейся в Европе в средние века; оно есть не что иное, как та же, хотя и измененная, теологическая и феодальная система.

2. Европейцы континента восхищаются английской конституцией только потому, что они мало с ней знакомы; в самом деле, подвергнув ее анализу, придется признать, что в этой системе правительство представляется народу врагом, против которого он должен как можно лучше обороняться. В результате мы видим непрерывную борьбу между анархией и деспотизмом, а она, конечно, вовсе не является спокойным и устойчивым порядком вещей.

«3. Наконец, мы обращаем внимание на то, что английское общественное устройство могло быть пригодным отдельному народу, к обществу же, состоящему из многих народов, его применить нельзя, потому что это общественное устройство имеет своим основанием национальный эгоизм.

** Обзор попыток преобразования общества мы начинаем с 1793 г. Мы не говорим здесь о конститу-

Эта в корне несостоятельная идея принадлежала наиболее фанатичным революционерам. Для успеха такого рода попытки прежде всего следовало бы: 1) обратить вновь в разбство девятнадцать двадцатых населения; 2) вырвать с корнем из всех сердец высокие принципы общей морали, которые с трудом внедрила в них христианская религия; 3) довести европейские народы до столь малой численности, чтобы каждый из них мог ежедневно собираться на общественной площади и там совещаться по поводу своих общих интересов.

Этот первый эксперимент был до такой степени нелеп, что попытка одеть человека пожилого возраста в детскую одежду не показалась бы более смешной. Эта попытка имела попятное направление и, следовательно, была ошибочна.

Второй эксперимент был произведен Бонапартом, пытавшимся воскресить век Карла Великого. Этот эксперимент не был так нелеп, как первый, так как его попятное движение не шло столь далеко назад.

Но то, что у Карла Великого носило печать гения высшего порядка, было у его под-

---

ции 1791 г., потому что она в действительности имела ценность, лишь поскольку она разрушала. Она уничтожала королевскую власть, этот основной и необходимый институт современных обществ, и не создавала взамен ее никакого иного основного института. Учредительное собрание было в действительности революционнее всех последующих; слова бесцельны изменять положение вещей.

ражателя Бонапарта не чем иным, как философским вздором, поддерживаемым большим талантом и сильной волей.

Попытка Бонапарта сначала имела блестящий успех и была соблазнительна для французского народа, опьяненного его военными победами; в особенности она встретила полное одобрение у раболепной и жадной части этого народа: ведь люди, соглашавшиеся стать пассивным орудием в руках завоевателя, были закормлены добычей. Но учреждения, основанные этим генералом, способнейшим из революционеров и наиболее склонным к плагиату законодателем, имели на деле для Франции, как и для всей Европы, ценность только с точки зрения разрушения; они не могли упрочиться по двух причинам.

Прежде всего социальная система, созданная Бонапартом, была основана на материальном порабощении Европы Францией. Такое положение не могло быть приемлемым для Европы и поэтому могло существовать лишь весьма короткое время, так как французы слабее остальной части населения Европы.

Второй причиной, относящейся к внутреннему положению Франции, был коренной порок этого строя, поставившего во главе нации новую знать. В первом поколении это положение вещей лишь слегка оскорбляло возобладавшее чувство равенства, но начиная со второго поколения это чувство необходимо должно было возмутиться.

Таким образом, система общественного устройства, созданная Бонапартом и имевшая попятное направление, не могла упрочиться ни в Европе, ни во Франции.

Третий эксперимент, которым занимаются еще и теперь, заключается в перенесении на континент английской конституции.

Эта попытка, бесспорно, имеет предпочтение перед первыми двумя, так как то попятное движение, которое она стремится осуществить, гораздо слабее. Но она все же ошибочна.

Она ошибочна прежде всего потому, что ставит себе целью навязать народам континента такую форму общественного устройства, которая была создана и проведена в жизнь больше столетия тому назад, когда весь континентальный разум еще не пришел в движение в области политики. Ведь с того времени все отрасли наших знаний — и в особенности практическое применение моральных и политических наук — сделали столь огромные успехи, что мы располагаем средствами для создания общественной системы, которая представляет несравненные преимущества перед системой, сочиненной англичанами больше столетия тому назад.

Эта попытка ошибочна еще в том отношении, что английский политический строй имел своей целью и результатом подчинение королевской власти аристократии, но это, очевидно, противоречит ходу развития цивилизации. У греков и римлян в общественном

организме безраздельно господствовала наследственная аристократия, а законная королевская власть зародилась лишь в средние века. Институт королевской власти с самого своего появления был институтом народным, короли всегда стремились ограничить власть наследственной аристократии; их назначение, несомненно, заключается в том, чтобы уничтожить этот вид аристократии, и поэтому задача Священного союза — провозгласить и осуществить уничтожение английской конституции.

Эта попытка ошибочна, наконец, в том — третьем — отношении, что английское политическое устройство создано островным народом и притом лишь для себя. Ведь островитяне не в состоянии подняться на такую высоту мысли, чтобы обнять одним взглядом интересы народов континента вместе с населением примыкающих к нему островов.

Словом, перенесенная на континент английская конституция не может дать средства для достижения поставленной великой цели преобразования европейского общества.

Однако, несмотря на сказанное, мы считаем перенесение английских политических идей на континент полезным для народов континента как в прошлом, так еще и в настоящем, поскольку они облегчают переход от феодального строя к промышленному.

Рассматривая основы политического строя Англии, мы приходим к выводу, что англий-

ская конституция есть нечто среднее между феодальным и промышленным строем.

Лорды являются крупными землевладельцами; их земельная собственность закреплена за их семьями наследственным правом; высшая национальная власть находится в их руках, ибо они — крупные земельные собственники, т. е. самые крупные капиталисты. Вот в каком отношении английский политический строй является еще феодальным.

Но все лорды являются крупными денежными участниками промышленных предприятий и оказываются, таким образом, лично заинтересованными в развитии промышленности. Английской аристократии пришлось бы вступить в прямую борьбу с массой населения, если бы она не старалась всеми силами способствовать промышленному развитию. Вот в каком отношении английский политический строй является промышленным.

Если рассмотреть затем, каким должен быть промышленный строй в полном смысле слова (а к нему несомненно человечество стремится), то нужно признать, что при этом строе заведывание общественным благосостоянием должно лежать на обязанности руководителей промышленных предприятий, так как класс руководителей, бесспорно, обладает промышленными способностями в большей степени, чем класс простых вкладчиков.

Перейдем к рассмотрению четвертого эксперимента. Он существенно отличается от первых трех: вместо того чтобы способство-

вать попятному движению цивилизации, он двигает ее самым положительным образом вперед.

Речь будет, очевидно, идти о Священном союзе. Немногих слов будет достаточно, чтобы доказать, что объединение великих держав для выступления в качестве высшей власти в Европе дало уже Европе величайшее социальное благо; точно так же немногих слов будет достаточно, чтобы доказать далее, что это объединение является естественным результатом предшествующего развития цивилизации и наилучшим средством для перехода от феодального строя к промышленному.

Священному союзу обязаны мы, бесспорно, всеобщим миром, царящим в Европе; равным образом не подлежит сомнению, что Священный союз сильно заинтересован в поддержании этого мирного положения возможно более долгое время. А ведь мир представляет собой самое великое из всех социальных благ, потому что он один самым скорым и верным путем приводит к открытию наилучших мероприятий в области земледелия, промышленности, торговли и политики. Итак, существование Священного союза полезно европейцам.

Королевская власть с самого своего возникновения неизменно защищала интересы народа против феодальной аристократии и против самовластия, которое духовенство пыталось установить мистическими средствами;

следовательно, королевская власть должна пользоваться любовью народов Европейского континента. Опыт доказал, что это действительно так, ибо даже тот народ, который стал очагом революции, усердно старался восстановить у себя королевскую власть, сначала в пользу новой династии, а затем быстро вернувшись под власть своей прежней королевской фамилии. Наиболее общие интересы и желания европейского общества призывали королей соединиться для высшего руководства общественными делами Европы.

Чтобы сделать возможным мирный переход от феодального строя к промышленной системе, необходимо было создание высшей власти. Священный союз вполне удовлетворяет этому условию: он первенствует над всеми духовными и светскими властями.

Благодаря Священному союзу евангельская мораль стала господствующей в Европе, мораль же, созданная различными религиозными сектами, имеет только местный характер: она подчинена наиболее человеколюбивой и толерантной морали, когда-либо существовавшей. Вследствие этого философы могут свободно и смело работать над усовершенствованием общественного организма.

Наконец, благодаря образованию Священного союза европейское общество может преобразоваться мирным путем, и оно, несомненно, будет преобразовано, лишь только получит ясное выражение общественного мне-

ния относительно тех учреждений, которые соответствуют современному состоянию цивилизации. Ибо Священный союз, господствующий над всеми существующими учреждениями и обладающий исключительной возможностью создавать новые, будет всегда находиться под властью общественного мнения: оно царит над миром, и никто из смертных, как бы могуществен он ни был, не в силах вырвать скипетр из его рук.

Пятое рассуждение

О необходимости издания новой энциклопедии для подготовки социального преобразования

В нашем первом рассуждении мы говорили:

«Философия есть наука об общих понятиях. Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы отвергнуть ее, когда она дойдет до крайних пределов своего совершенства, и построить из нее новую при помощи материалов, собранных учеными-специалистами в каждой отдельной области».

Мы попытаемся применить это положение к условиям, в каких находится европейское общество; мы попытаемся установить поряд-

док работ, которыми должны в настоящее время заниматься философы.

Начиная с XV в., когда теологическая и феодальная система оказалась неспособной к дальнейшему развитию, когда она оказала уже обществу все услуги, какие общество могло ожидать от нее, философы трудились над ее опровержением, они стремились уничтожить ее в столь же полной мере, как это произошло раньше с системой греков и римлян.

Философы напали на эту систему сначала с ее теологической стороны; они опровергли ее затем с ее феодальной стороны и, наконец, подвергли ее критике одновременно со всех сторон — с духовной и светской.

Чтобы ее окончательно ниспровергнуть, чтобы ее совершенно уничтожить, чтобы изгнать ее навсегда из системы идей, они объединились в общество, и все члены этого общества работали над общим произведением, над Энциклопедией, в которой они подвергли анализу все идеи и доказали, что влияние теологических и феодальных принципов на каждую из этих идей вредно для общества.

Издание Энциклопедии следует считать важнейшей причиной, вызвавшей революцию, этот ужасный, но благотворный по своим результатам кризис, давший обществу возможность организовать для общественного блага гораздо лучше, чем то было при теологическом и феодальном режиме.

Философы XVIII в. хорошо выполнили свою задачу; они вполне достигли своей цели, так как общественное мнение не поддерживает больше ни одного из прежних учреждений, за исключением только королевской власти, — это было блестяще доказано бесплодностью усилий Бонапарта обновить институт дворянства.

В настоящее время философы XIX в. должны приступить к своей задаче, резко отличающейся от работы, выполненной философами XVIII в.

Философы XIX в. должны соединиться, чтобы всесторонне и полно доказать, что при современном состоянии знаний и цивилизации одни лишь промышленные и научные принципы могут служить основанием общественной организации, или правильнее, чтобы доказать, что при современном состоянии знаний и цивилизации общество может быть организовано таким образом, чтобы непосредственно стремиться к улучшению своего морального и физического благосостояния.

Философы XVIII в. создали Энциклопедию, чтобы опровергнуть теологическую и феодальную систему. Философы XIX в. в свою очередь должны создать свою Энциклопедию, чтобы установить промышленную и научную систему.

В этой Энциклопедии все идеи должны быть подвергнуты анализу, который докажет, что общее благо будет необходимым результатом того влияния, которое окажут на них

научные и промышленные принципы вместо прежнего влияния на общество феодальных и теологических принципов.

Все труды, из которых союз философов составит европейскую Энциклопедию, должны подвергнуться конкурсу.

Император Александр понял, что великий вопрос об общественном устройстве Европы после испытанного сильного политического потрясения нуждается в пересмотре. Несколько лет тому назад на польском сейме он весьма откровенно высказался по этому вопросу. Вот приблизительно речь, которую держали там его министры:

«Развитие знаний и цивилизации, несомненно, вызвало необходимость больших перемен, но перемены, в которых нуждается общество, должны совершиться мирным образом: проекты изменений, которые будут предложены, ни в коем случае не должны быть такого характера, чтобы вызвать новые восстания; новаторы отнюдь не должны опираться в своих рассуждениях на штыки. Правительство рассмотрит новые предложения об общественном устройстве, если они будут ему сделаны в подходящей форме, но оно сурово накажет новаторов, которые попытаются вызвать новые восстания».

Мы отвечаем на призыв, обращенный императором Александром к философам, и почтительно предлагаем ему, а также другим державам и всем монархам Европы наш проект Энциклопедии.

2. ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

(Отрывки из неизданного сочинения)

Второй отрывок ¹²⁶

Доказательства способности французских пролетариев хорошо управлять собственностью

Мы хотим здесь доказать, что наиболее многочисленный класс, т. е. народ, состоит теперь из людей, не нуждающихся более в особом надзоре, из людей, умственные способности которых достаточно развиты, а предусмотрительность достаточно изощрена,* чтобы можно было без всяких затруднений установить систему социальной организации, допускающую их в качестве равноправных членов общества.

Можно считать, что народ делится на два класса: на класс людей, занятых земледельческим трудом, и на класс людей, получающих работу у фабрикантов и торговцев.

Рассмотрим сперва тех, кто относится к земледельцам. После продажи национальных имуществ тысячи пролетариев перешли вдруг в класс земельных собственников; они воспользовались безграничными льготами, которые были предоставлены всем, кто был достаточно решителен, чтобы объявить себя перед лицом всей европейской аристократии

---

* Примечание Сен-Симона см. ниже, стр. 322—324.

приобретателем этих имуществ. И вот, способ управления своим имуществом этой массы пролетариев, превратившихся вдруг в собственников, доказал и подтвердил тот крупный политический факт, что последний класс нации состоит теперь из людей, достаточно развитых в умственном отношении, из людей, обладающих достаточной предусмотрительностью, чтобы закон мог снять с них, без всякого ущерба для государственного спокойствия, ту опеку, под которой они находились до сих пор. С этого момента нацию надо считать состоящей из людей, способных распоряжаться собственностью; поэтому закон должен установить такую политическую систему, в которой управление общими интересами будет поручено людям, отличающимся наиболее положительными и наиболее полезными обществу способностями; правительство должно применять распорядительные действия только по отношению к таким людям, поведение которых угрожает возмутить общественный порядок.

Мы приведем факт, личным свидетелем которого мы были и который доказывает, насколько способность управлять имуществами распространена теперь вообще среди людей, вследствие случайности рождения причисленных к классу пролетариев.

Маленькая провинция Като-Камбрези принадлежала целиком архиепископу Камбре и другим церковным учреждениям; обитатели этой провинции были до такой степени пол-

ными пролетариями в отношении недвижимых имуществ, что там не было ни одного, который не мог бы быть удален из занимаемого им дома землевладельца.

И что же случилось, когда земли этой провинции были назначены в продажу? Все обитатели ее объединились по взаимному согласию и скупили землю своих коммун с публичных торгов. Они: разделили ее затем таким образом, что вся достаточно внушительная масса населения вдруг перешла из класса пролетариев в класс земельных собственников. И что же? Это неожиданное изменение не вызвало ни малейшего расстройства в обработке земли; новые собственники оказались гораздо более способными, чем старые, потому что начиная со следующего года земля стала приносить более обильный урожай, чем когда-либо раньше.

Из того, что произошло после продажи национальных имений, из местного факта, приведенного нами в подкрепление общего положения, вытекает с очевидностью, что французская нация (при современном уровне ее умственного развития) может быть управляема гораздо лучше и гораздо дешевле, чем она управляется сейчас. Она не придет в устойчивое социальное положение до тех пор, пока правительственная власть не отступит перед действиями людей, обладающих наиболее положительными и наиболее полезными обществу способностями.

Перейдем теперь к рассмотрению доказательств способности рабочих, занятых трудом в фабричных и торговых предприятиях. В начале революции большая часть владельцев торговых и промышленных предприятий была разорена грабежами, имевшими место при восстаниях. Те, кто уцелел от грабежей, были разорены законом о максимуме, а состояние тех, кто счастливо избежал обоих этих бедствий промышленности или сохранил наличные деньги, было потеряно вследствие реквизиций и сожжения английских товаров.

Что произошло бы после этих общих бедствий, если бы большое количество рабочих, занятых у разоренных и морально подавленных своими несчастьями промышленников и торговцев, не оказалось достаточно способным их заместить? Промышленность и торговля Франции потеряли бы на долгое время большую долю своего значения, и Франция выплачивала бы теперь иностранцам гораздо более значительную промышленную дань, чем до революции; одним словом, французское производство сократилось бы.

В действительности, наоборот, производство всякого рода продуктов бесконечно выросло после и даже во время самих бедствий; в действительности люди, до того занятые во всех торговых и фабричных заведениях в качестве простых рабочих, стали предпринимателями и руководителями работ, причем они

оказались более искусными и деятельными, чем их предшественники. Таким образом, сейчас Франция гораздо более процветает, больше производит и имеет большее значение в земледелии, промышленности и торговле, чем до революции, хотя бóльшая часть теперешних руководителей всеми этими предприятими вышла из народа.

Может ли существовать более веское и более полное доказательство того, что народный класс, т. е. громадное большинство нации, достиг такого высокого умственного развития, что во Франции без всяких неудобств для общественного спокойствия, а наоборот, с громадными преимуществами для всех классов общества, может быть установлен общественный строй, имеющий своей непосредственной целью всеобщее благо.

* *

Примечание Сен-Симона ко второму отрывку «Об общественной организации» (стр. 318).

Воспитание людей всех классов разделяется на две части, именно — на воспитание в собственном смысле и на образование.

Улучшение воспитания в собственном смысле для общественного благосостояния важнее образования.

Воспитание в собственном смысле складывает привычки, развивает чувства, изощряет способность к общей предусмотрительности. Оно учит каждого применять на практике принципы, служащие надежным руководством в его поведении. Воспитание можно рассматривать как непрерывное приобретение тех знаний, которые совершенно необходимы для пол-

держания отношений, сложившихся между членами общества.

Представим себе детей, получивших законченное образование, но лишенных всякого воспитания; допустим на минуту существование такого учреждения, в котором дети проходят курс лучших преподавателей всякого рода и в течение всей учебы отдельно заперты во избежание всякого отвлечения. Эти дети были бы таким образом совершенно лишены воспитания. Что было бы с ними по окончании учебы? Что они представляли бы собой при вступлении в свет?

Эти дети не знали бы того, что наиболее полезно знать для правильной жизни в обществе, они не имели бы никакого жизненного опыта в отношениях между людьми, им понадобилось бы еще долго учиться, чтобы быть в состоянии выполнять какие-либо общественные обязанности. Если выращенное так поколение предоставить самому себе, оно оказалось бы с точки зрения цивилизации ниже тех, какими были первые общества человеческого рода.

В подтверждение сказанного мы прибавим, что в каждом поколении часть знаний, приобретенных предыдущими поколениями, делается настолько обычной, что ею обладают родители или надзиратели детей, так что они в состоянии в этом отношении заменить преподавателей. А так как усвоение без особой подготовки этих элементарных, общераспространенных сведений развивает ум детей, то они делают гораздо способнее воспринимать и более отвлеченные знания, которые они получают от своих настоящих преподавателей.

Особенное значение имеет воспитание по сравнению с образованием в классе пролетариев и для этого класса...

Еще недостаточно поняли высокую степень цивилизации, которой достиг последний класс французской нации; еще недостаточно оценили по достоинству положительное умственное совершенство, до которого поднялся класс пролетариев. Они приобрели такой дар предусмотрительности, настолько умеют

владеть своими страстями и естественными желаниями, что почти все способны страдать от голода возле хлебного зерна.

Французская нация опередила все другие нации главным образом благодаря превосходству в цивилизации ее наиболее многочисленного класса сравнительно с наиболее многочисленными классами других наций, и это превосходство бесспорно самое положительное.

Если сравнить французских пролетариев с английскими, то окажется, что последние одушевлены чувствами, толкающими их к использованию первых представляющихся поводов, чтобы начать войну бедных против богатых, в то время как французские пролетарии вообще проявляют преданность и благорасположение к богатейшим промышленникам.

Резюмируя сказанное в данном примечании, как и в тексте, к которому оно относится, мы находим:

1) что для класса пролетариев воспитание бесконечно важнее образования;

2) что воспитание пролетарского класса проводится во Франции хорошо, лучше, чем воспитание подобного класса у других европейских наций;

3) что из превосходства французских пролетариев над пролетариями других наций (как в отношении добрых чувств, так и в отношении твердости познаний) вытекает общее превосходство французской нации над другими народами.

Отсюда мы заключаем, что лучшее средство для возрастания превосходства французской нации состоит в распространении в классе пролетариев надлежащего образования, что очень легко выполнить методом взаимного обучения. Десятой части того, во что обходятся бесполезные места в центральных учреждениях всех областей управления, достаточно было бы, чтобы в течение десяти лет обучить чтению, письму и счету всех пролетариев Франции. Их можно было бы, кроме того, обучить немного рисованию и музыке и использованию изящных искусств как средства воодушевления на общее благо.

Третий отрывок

Так как пролетарии достигли таких же успехов в основах цивилизации, как и собственники, то закон должен признать их полными членами общества.

Механизм социальной организации был в силу необходимости весьма сложен, пока составляющие ее большинство люди находились в таком состоянии невежества и недалёковидности, что даже не были способны управлять своими собственными делами. При такого рода неполном развитии ума они находились еще под властью грубых страстей, толкавших их на путь мятежей и, следовательно, всякого рода беспорядков.

Это положение, которое должно было предшествовать лучшей общественной организации, вынуждало меньшинство организовать на военный лад, присвоить исключительно себе власть законодательную и построить систему законов таким образом, чтобы укрепить за собою все виды власти, чтобы держать большинство под опекой и оказывать на народ сильное давление. Таким образом, главные силы общества затрачивались до настоящего времени на то, чтобы поддержать его существование, а труды, направленные на улучшение морального и физического благосостояния народов, могли и должны были считаться лишь второстепенными.

В наше же время это положение вещей может и должно полностью измениться; целью важнейших трудов должно стать улучшение нашего морального и физического благосостояния, ибо и небольшой затраты сил достаточно для поддержания общественного спокойствия; большинство полюбило труд (а это исключает всякое стремление к беспорядкам) и состоит в наше время из людей, уже доказавших свою способность управлять движимой и недвижимой собственностью.

Так как меньшинство не нуждается больше в насилии, чтобы держать класс пролетариев в повиновении, то оно должно стремиться провести следующие мероприятия: 1) меры, благодаря которым сами пролетарии будут сильнее заинтересованы в общественном спокойствии; 2) меры, имеющие целью возможно больше облегчить переход недвижимой собственности из рук в руки; 3) меры, имеющие целью предоставить трудящимся высшую степень политического значения.

Эти меры весьма просты, и их очень легко найти, если взять на себя труд судить о вещах на основании своих собственных знаний, если раз навсегда свергнуть тяготеющее над нашим умом иго политических принципов наших предков,—принципов, хороших и полезных для своего времени, но непригодных при современных условиях.

Так как население в целом состоит в наше время из людей, которые (за небольшими ис-

ключениями, встречающимися почти в равной степени во всех классах) в состоянии хорошо управлять движимой и недвижимой собственностью, то мы без околичностей можем и должны направить свои силы на улучшение морального и физического благосостояния социального организма.

Средство же, самым непосредственным образом содействующее моральному и физическому благоденствию большинства населения, состоит в том, чтобы отнести к важнейшим государственным расходам затраты, которые необходимы для доставления работы всем здоровым людям в целях обеспечения их физического существования, которые имеют целью возможно более быстрое распространение приобретенных положительных знаний среди класса пролетариев и которые людям этого класса смогут доставить удовольствия и развлечения, способные развить их ум.

Присоедините сюда мероприятия, необходимые для того, чтобы управление общественным достоянием находилось в руках людей, наиболее способных к управлению и наиболее заинтересованных в том, чтобы управлять хорошо, т. е. в руках людей, занятых в наиболее важных отраслях промышленности, и благодаря этим основным законоположениям общество получит организацию, вполне удовлетворяющую разумных людей всех общественных классов.*

---

* Примечание Сен-Симона см. ниже, стр. 331.

Тогда не придется уже больше бояться мятежей и, следовательно, не нужны будут больше многочисленные постоянные армии для их подавления; тогда не нужно будет тратить огромных сумм на департамент полиции, тогда не придется уж больше бояться опасностей извне, так как тридцать миллионов счастливых людей смогут отразить нападение всего объединившегося против них человечества.

Добавим к этому, что ни государи, ни народы никогда не дойдут до такой нелепой затеи, чтобы напасть на народ, состоящий из тридцати миллионов людей, ни в чем не проявивших враждебности к своим соседям и объединенных счастливым сочетанием своих интересов.

Добавим еще, что нет нужды шпионить в обществе, подавляющее большинство которого заинтересовано в поддержании установившегося порядка вещей.

Те люди, которые вызвали революцию, те, которые ее направляли, и все те, которые с 1789 г. и до нашего времени были вождями народа, совершили огромную политическую ошибку: все они старались усовершенствовать правительственную власть вместо того, чтобы низвести ее на подчиненное положение и в виде высшей власти конституировать власть административную.

Они должны были бы начать с постановки вопроса, который очень просто и легко разрешить.

Они должны были бы задать себе вопрос: кто те люди, которые при данном состоянии нравов и просвещения наиболее способны хорошо руководить национальными интересами?

И они неминуемо пришли бы к выводу, что при современном направлении умов люди науки, люди искусства и руководители промышленных работ и суть те люди, которые обладают самыми развитыми, самыми обширными и наиболее полезными способностями. Они признали бы, что деятельность ученых, людей искусства и промышленности как в области творчества, так и в области исполнения наиболее способствует национальному преуспеянию.

А отсюда они заключили бы, что людям науки, искусства и промышленности и следует вручить административную власть, т. е. заботы о руководстве национальными интересами, функции же правительства следует свести к поддержанию общественного спокойствия.*

Новаторы 1789 г. должны были бы сказать себе еще следующее:

Английские короли показали королевской власти хороший пример подчинения такому порядку, при котором никакой указ не может быть издан без одобрения и подписи министра. Великодушию французских королей соответствовало бы проявление еще большего благородства по отношению к своим наро-

* Примечание Сен-Симона см. ниже, стр. 333.

дам — изъявление своего согласия на то, чтобы никакой проект, относящийся к общим интересам народа, не был утвержден без одобрения тех людей, которые наиболее способны судить о нем, т. е. без одобрения наиболее талантливых людей науки и искусства, без одобрения крупнейших промышленников.

Общество часто сравнивали с пирамидой. Мы допускаем, что народ должен быть размещен в виде пирамиды; мы глубоко убеждены, что народная пирамида должна быть возглавляема королевской властью, но мы утверждаем, что от основания пирамиды и до ее вершины слои должны состоять из все более и более ценных материалов. Когда же мы рассматриваем современную пирамиду, нам кажется, что ее основание из гранита, что до известной высоты ее слои состоят из очень ценных материалов, но что ее верхняя часть, поддерживающая великолепный алмаз, есть не что иное, как позолоченный гипс.

Основанием современной народной пирамиды являются рабочие, занимающиеся ручным трудом; первыми слоями, воздвигнутыми на этом основании, являются руководители промышленности, ученые, усовершенствующие процессы производства и расширяющие его область, и люди искусства, накладывающие печать хорошего вкуса на все продукты производства. Верхние же слои, которые, на наш взгляд, состоят из простого гипса, легко различимого, несмотря на покрывающую его по-

золоту, это — придворные, это — вообще все дворяне, старые и новые, это — богатые ту-неяды, это, наконец, — правители, начиная от первого министра и до последнего канцелярского служителя. Королевская власть есть тот великолетный алмаз, который венчает пирамиду.

* * *

1-е примечание Сен-Симона к третьему отрывку «Об общественной организации» (стр. 327).

Люди не так дурны, как они себе представляют. Они судят о себе гораздо строже, чем того заслуживают. Правда, в теории они вообще выказывают себя весьма склонными к деспотизму, но на практике они отдают предпочтение равенству.

Англичанин получает место в Индии. Он с нетерпением отправляется туда, и его воображение рисует перед ним картину самовластия, которым он будет пользоваться, чтобы доставить себе побольше наслаждений. Там он может, если захочет, завести себе гарем; там его окружают сотни прислуги: одни обязаны разгонять мух, которые могут его беспокоить, другие всегда готовы нести его в паланкине; вся масса населения пресмыкается перед ним; он волен обрушиваться палочными ударами на каждого индуса, который недостаточно поспешно или умело исполняет его желания.

И вот, этот самый англичанин, утопающий в Индии в море самовластных наслаждений, приобретя состояние, спешит вернуться в Англию, чтобы снова отдаться тем удовольствиям, которые доставляет равенство.

По прибытии в английский порт он тотчас же чувствует, как его жестоко заталкивают локтями люди из народа, и это несколько не возбуждает в нем желания вернуться в ту страну, где все сторонится, чтобы очистить ему место.

Можно встретить очень богатых русских, покидающих родину, чтобы жить в Западной Европе, между тем как западноевропейцы направляются в Россию только для наживы и спешат увезти с собой приобретенные богатства.

Есть веские основания для того, чтобы богачи предпочитали жить в странах, где равенство между членами общества зашло наиболее далеко, потому что в этих странах они легче и полнее могут удовлетворить все свои желания.

В более или менее значительных городах Франции человек, располагающий деньгами, может в любое время и без всякой предосторожности по умеренной цене вкусно поесть, в России же роскошь в еде бывает только у вельмож.

Если у путешественника по британской земле в каком-либо месте сломается коляска, он может по желанию либо починить ее, либо тут же достать другую, столь же хорошую, как его; в России же, если у путешественника сломается коляска на дороге, связывающей наиболее значительные города, у него нет другого выхода для окончания своего пути, как сесть на крестьянскую телегу.

Таким образом, в действительности наиболее богатые и обладающие властью люди заинтересованы в росте равенства, так как возможность доставить им наслаждения увеличивается соответственно уравниению людей, из которых состоит общество.

Думают, что люди, извлекающие пользу из злоупотреблений, очень дорожат ими. Это ошибка: вещь, которой они хотят больше всего,— это не допустить перехода их привилегий к другим людям.

Во Франции есть дворяне, которые содействовали упразднению своих привилегий, и они сожалели о принесенных ими жертвах только потому, что видели, что все бывшие разночинцы вели себя по отношению к ним как привилегированные, видели затем, что образовалось новое дворянство, по отношению к которому они сами, старые дворяне, играют лишь подчиненную роль.

Заканчивая это примечание, мы скажем то, что следовало бы, может быть, сказать вначале, а именно, что путем улучшения жизни масс обеспечивается благосостояние людей всех классов и что для улучшения жизни масс недостаточно перераспределения привилегий,— их нужно упразднить; недостаточно перехода злоупотреблений из одних рук в другие,— их нужно совсем уничтожить.

2-е примечание Сен-Симона к третьему отрывку «Об общественной организации» (стр. 329).

Мы в немногих словах покажем, сколько неудобств влечет за собой возложение на административную власть правительственных функций в настоящее время, когда масса нации состоит из людей, не нуждающихся в подчинении особому надзору ввиду доказанной ими способности управлять всякого рода собственностью, когда класс пролетариев мог бы стать опасным для общественного спокойствия лишь в том случае, если бы управляющие национальными интересами оказались настолько неспособными и эгоистичными, чтобы оставить их без работы.

Очень легко убедиться и равным образом убедить других в обладании способностью к управлению, так как подобная способность или неспособность может быть установлена только на опыте: каждый может воображать себе и уверять, что он бы хорошо управлял, до тех пор пока он еще не управлял.

Это не относится к математике, физике, химии, физиологии, психологии, механике, поэзии, живописи, скульптуре, музыке, архитектуре, земледелию, промышленности, торговле и банковому делу.

Каждому человеку легко дать самому себе отчет, обладает ли он большими способностями в области наук или изящных искусств. Ему легко удостовериться, приобрел ли он большое значение в какой-либо отрасли промышленности. К тому же ошибки в данных случаях не были бы страшны, так как соседи очень скоро открыли бы глаза тем, которых ослепило самолюбие.

Из сказанного следует, что честолюбие ученых, художников и промышленников, толкающее их приоб-

щиться к высшему управлению национальными интересами, но представляет опасности для общества, что оно даже полезно, так как они могут этого добиться только отличной работой в достойной поощрения области, между тем как честолюбие, стремящееся только к получению мест в правительстве, связано с большим ущербом для общества, так как этому стремлению могут отдаться люди весьма неспособные и для его удовлетворения содействовать разрушению всего общественного здания.

Любопытно отметить одно из последствий подобного честолюбия, охватившего почти всех французов, когда ниспровергнуто было правительство несчастного Людовика XVI. Нация начала революцию, чтобы меньше терпеть от правительства и чтобы правительство обходилось дешевле, а в результате она добилась того, что до настоящего времени терпит от правительства гораздо больше и правительство обходится гораздо дороже, чем это было до революции.

Промышленники производят гораздо больше, чем до революции, но значительная часть прироста продукции идет на содержание бесполезных главных штабов и полчища служащих, употребляющих свое время в значительной мере на чтение газет и чинку перьев, т. е. на то, что не удовлетворяет ни нужд, ни самолюбия производителей.

Четвертый отрывок

Об административной и правительственной власти в общественных делах

Нам могут сказать:

«Центральным пунктом ваших политических взглядов, пунктом, из которого вы исходите во всех своих рассуждениях, является мысль, что наилучшее средство для водворения в Европе спокойного и устойчивого порядка

вещей — это поставить власть административную выше власти правительственной. Исходя из этого, вы прежде всего должны постараться провести ясно выраженную демаркационную линию между административной и правительственной способностями; вы должны определенно указать, в чем состоит и та и другая. После такого разграничения вы сможете ясно изложить основания, по которым административная способность должна быть поставлена выше правительственной».

Высшая администрация общества обнимает составление, рассмотрение и приведение в исполнение полезных для населения проектов. Под высшей административной способностью следует поэтому понимать способность троякого вида: способность людей искусства, способность ученых и способность промышленников, совокупное действие которых создает все необходимые условия для удовлетворения моральных и физических нужд общества.

Когда приступят непосредственно к работе по установлению системы общественного блага, то в этом великом деле люди искусства, люди с богатым воображением пойдут впереди. Они возвестят будущее человечества; они отнимут у прошлого золотой век, чтобы обогатить им будущие поколения; они воодушевят общество на поднятие своего благосостояния, нарисовав перед ним прекрасную картину новых успехов, внушив ему, что вскоре все члены общества будут пользоваться наслаждениями, которые до этого времени

были достоянием лишь одного весьма малочисленного класса; они воспоют благодетеля цивилизации и приведут в действие для достижения своей цели все средства изящных искусств, красноречие, поэзию, живопись, музыку,— словом, они разовьют поэтическую сторону новой системы.

Ученые, главное занятие которых заключается в наблюдении и рассуждении, докажут возможность большого подъема благосостояния всех классов общества, как самого многочисленного класса пролетариев, так и класса самых богатых людей. Они выяснят наиболее верные и быстро действующие средства обеспечить непрерывность труда массы производителей; они разработают основные начала общественного образования, они установят законы гигиены социального организма, и в их руках политика станет дополнением к науке о человеке.

Самые выдающиеся промышленники, сосредоточивая все свои мысли на производстве, обсудят, что может быть немедленно проведено в жизнь из тех проектов, которые задуманы и разработаны в общественных интересах совокупными трудами людей науки и искусства; они обдумают средства исполнения и руководство ими предоставят банкирам, стоящим всегда во главе финансовых дел.

Вот тот путь административной власти — твердый, прямой и честный, по которому пойдут люди науки, искусства и промышлен-

ности, когда им будет доверено руководство общими интересами.

Сравним этот путь с тем, по которому идет современное правительство; посмотрим, к каким жалким комбинациям сведена развитием наук и цивилизации деятельность правительственной способности.

Заключенные в тесный круг обветшалых феодальных доктрин, хотя и проникнутые в общем лучшими стремлениями к общественному благу, правители делают тщетные усилия организовать спокойный и устойчивый порядок вещей.

Видя единственную возможность продлить свое существование в содержании многочисленных штабов во всех отраслях управления и в большом аппарате правительственного насилия, они ограничиваются в конце концов тем, что извлекают из народа как можно больше денег в виде налогов или займов, стараясь все же не вызывать значительного недовольства. Их деятельность сводится, таким образом, к искусным расчетам по установлению и взиманию налогов.

Они вынуждены обращать на расходы по управлению, в большей своей части бесполезные для общества, наиболее значительную часть народного достояния и весьма небольшую долю на расходы, действительно полезные для трудящихся.

Они вынуждены сохранять за дворянами и придворными большое политическое значение и изощряются в доставлении им необхо-

димых средств для поддержания той роскоши, которая считается их неотъемлемой принадлежностью.

Рассмотрим деятельность министра-президента,¹²⁷ который лучше других понял значение промышленности и состояние общества; посмотрим, на что он употребляет правительственную власть.

Мы видели, как он воспользовался всем своим влиянием министра, чтобы ввести в палату депутатов большое число знатных и богатых бездельников и чтобы заботливо удалить из нее наиболее видных промышленников и способнейших людей науки и искусства.

Он определил срок деятельности парламента в семь лет, не изменив требования сорокалетнего возраста для избрания в палату; таким образом, он значительно ослабил энергию парламента, поставил его в зависимость от министерства и подчинил в то же время влиянию высшей знати.

Он сосредоточил высшее руководство национальными интересами в руках дворян, епископов, военных, юристов и чиновников; все они, несомненно, достойны уважения за свои личные качества или за услуги, которые они или их предки могли оказать народу, но они прошли школу управления исключительно за счет общества, которое всегда оплачивало их ошибки, а вовсе не за свой собственный счет, как то бывает всегда у промышленников.

Из уважения к министерскому достоинству он удерживает на посту министра внутренних

дел выдающегося адвоката, весьма невежественного, однако, во всем, что касается промышленности, наук и искусств; этот человек, не имея ни малейшего понятия ни об их значении, ни о заслуженном ими уважении, доходит до того, что позволяет своим служащим грубо обращаться с людьми, которые своей деятельностью оказывают величайшую честь Франции.

Из почтения к устаревшим доктринам этот же министр-президент считает себя обязанным предоставить большое влияние на общественное образование иезуитам, стремящимся внедрить в умы молодежи мысль, что посредственность должна господствовать и руководить способностями высшего порядка и что бессмысленные знания должны быть поставлены выше полезных и положительных.

Наконец, желая покровительствовать промышленности, г. де Виллель учредил высший коммерческий совет, но туда вошли преимущественно люди, никогда не работавшие практически ни в одной отрасли промышленности, приглашение же двух-трех удалившихся от дел промышленников объясняется, очевидно, одним лишь почтением к ним как к людям.

Вот они — печальные остатки правительственной способности: увлекаемая потоком цивилизации, она тщетно пытается, цепляясь за прошлое, продолжать играть ту выдающуюся роль, которая была возложена на нее в минувшие эпохи общественного развития.

Сравним теперь основные черты взаимоотношений администраторов и управляемых, с одной стороны, и правителей и подданных — с другой.

Основной принцип административного управления состоит в том, чтобы руководить интересами управляемых для возможно большего процветания общественного капитала и получения одобрения и поддержки большинства членов общества.

Чтобы приобрести поддержку большинства, иначе говоря, чтобы образовать большинство, одобряющее их управление, администраторы могут пользоваться только убеждением и доказательством того, что их деятельность самым плодотворным образом влияет на общество.

Администраторы знают, что экономия в расходах по управлению всегда желательна для общества, и поэтому всегда стараются уменьшить эти расходы.

Например, расходы по управлению банком весьма малы; совет директоров ничего ему не стоит, а расходы по управлению королевской казной огромны.

Взаимоотношения правителей и подданных совсем другого характера. Дворяне весьма искренне говорят и думают, что они рождены для власти, а чернь самым providением обречена на повиновение.

Главная потребность общества, по мнению знати, состоит в том, чтобы дворянство блистало всем блеском, какой только могут до-

ставить ему роскошь и власть; королевская власть, по их мнению, должна составлять одно целое с дворянством. Они, конечно, признают за королем право поручать руководство общественными делами кому ему угодно, но в глубине души и совести они убеждены, что его долг — облекать своим доверием одних дворян.

Искусство править заключается, по их мнению, в таланте сохранять за правительственной деятельностью перевес над деятельностью административной; оно основывается на продолжении существования теологического и феодального строя, несмотря на то, что его главные корни подрублены, несмотря на то, что критика и развитие знаний окончательно разрушили его основные принципы.

Словом, правители думают, что наилучшее средство для удержания подданных в подчинении состоит в увеличении числа государственных чиновников и в присвоении самым важным из них большой представительности, т. е. большого жалованья. Насилие и хитрость, наемное войско и полиция — вот главные средства, которыми они пользуются в своей деятельности; убеждение же и доказательства кажутся им только второстепенными средствами, в то время как администраторы пользуются исключительно ими.

Когда королю будет угодно поручить высшее руководство общественными делами промышленной администрации, расходы по управлению тотчас чрезвычайно уменьшатся,

потому что люди науки и искусства, доказавшие своей деятельностью высшую способность к управлению, чтобы добиться уважения, не нуждаются в расходах на пышность и в выставлении напоказ своей представительности. Что же касается крупных промышленников, то они считали бы большой честью не получать никакого вознаграждения за свои труды по управлению общественным достоянием.

Четыре следующих положения представляются нам наилучшими доказательствами нашего взгляда, согласно которому при современном положении вещей административная деятельность может быть поставлена выше правительственной не только без большого ущерба, но даже с большими выгодами. Мы докажем прежде всего, что масса населения в достаточной степени проникнута цивилизацией, что она обладает достаточно глубоким пониманием своих истинных интересов, чтобы сохранять спокойствие под руководством хорошей администрации и чтобы оказать сопротивление всем попыткам честолюбцев нарушить общественный порядок.

Затем мы докажем, что люди искусства, науки и промышленности приобрели достаточно обширные способности, чтобы быть в состоянии правильно разрешать все относящиеся к общественному благу вопросы и соответственно руководить общими интересами.

После этого мы должны доказать, что боль-

шое число членов общества во многих отношениях в достаточной степени привыкло к тому, что руководство их делами находится в руках административных властей, и потому вовсе не удивятся тому, что административный образ действий проникает в сферу руководства общественными делами.

И, наконец, мы должны доказать, что преобладание административной деятельности над правительственной ничуть не повредит международному положению Франции, что, напротив, это преобладание привлечет к ней союзников, с помощью которых она окажется сильнее всего феодального мира Европы.

Мы рассмотрим каждый из этих вопросов в отдельности:

1. В одной из предшествующих глав мы доказали, что французские пролетарии достоверными фактами засвидетельствовали свою достаточную образованность и достаточное развитие дальновидности для того, чтобы быть в состоянии управлять движимой и недвижимой собственностью. Но ведь очевидно, что люди, способные управлять собственностью, смогут хорошо вести себя под руководством хорошей администрации.

2. Большая часть людей искусства, науки и промышленности занимается в настоящее время вопросами общего блага: с начала революции они сделали совместно в этой области глубокие исследования, и эти исследования выработали в них способность к

организации хорошей администрации общественных дел.

Вопросы общественного образования рассматривались и освещались многими писателями и учеными.

Все вопросы, относящиеся к экономии, которую можно было бы провести в общественных расходах, подверглись обсуждению промышленников, успехи которых в своих частных предприятиях доказали их большую способность к управлению финансами.

3. Учреждение банков, страховых обществ, сберегательных касс, компаний для проведения каналов и образование множества других обществ, имеющих целью управление весьма значительными делами, привили французам привычку к административному способу ведения крупных предприятий. А отсюда следует, что этот образ действий может найти приложение и к управлению общими интересами, причем это нововведение в высшем руководстве общественными делами не вызовет ни удивления, ни потрясения, не пойдет в разрез с новыми обычаями, уже приобретенными современным поколением.

4. Революция, великие моральные последствия которой начинают выявляться, вдохновила французов в политическом отношении и поэтому нечего удивляться тому, что в настоящее время они превосходят англичан в области организационных замыслов. Но в равной степени верно и то, что англичане, предшествовавшие им в этой области деятельности человеече-

ского ума и бывшие, в известной степени, создателями этой отрасли наших знаний, превзойдя до сего времени своей политической способностью все другие народы, не замедлят последовать за французами и принять систему, в которой административная деятельность будет поставлена выше правительственной. А отсюда, в силу самой природы новой системы, возникнет искренний и неразрывный союз между обоими, самыми промышленными на земле народами; всем достаточно известно, что союз Франции и Англии представляет собой самую значительную в цивилизованном мире социальную силу.

Пятый отрывок

Продолжение предыдущего

Все согласны в том, что крупные изменения в общественном устройстве стали неизбежны. Иначе говоря, все думают, что только посредством радикальных изменений в способе управления общими делами можно придать твердость политическим принципам, что только таким путем можно притти к полному завершению революции и привести, наконец, общество в спокойное и устойчивое положение.

Нам предстоит теперь точно определить, в чем же заключаются эти изменения, требуемые современным состоянием знаний и цивилизации: этот именно вопрос и был предметом нашего обсуждения.

Для большей ясности мы разделили этот вопрос на три части, считая его состоящим как бы из трех отдельных вопросов, каждый из которых требует, на наш взгляд, особого обсуждения.

Вот эти три вопроса:

Какова природа изменений, вызываемых развитием знаний?

Каким путем следует идти, чтобы произвести эти изменения?

Каким образом сочетать новые учреждения с сохраняемыми старыми, чтобы построить общественную организацию, которую можно было бы немедленно привести в действие?

В предыдущей главе мы рассмотрели первый из этих вопросов и, нам кажется, с достаточной убедительностью доказали, что в целях удовлетворения насущных нужд общества, в целях создания соответствующего современному состоянию знаний общественного устройства необходимо поставить административную власть выше правительственной.

Настоящую главу мы посвящаем обсуждению второго вопроса.

Нам предстоит определить средства, которые нужно употребить для того, чтобы поставить административную власть выше власти правительственной.

Должно ли это изменение совершиться резко и сразу или оно должно происходить медленно и последовательными мероприятиями?

Мы того мнения, что это изменение должно совершиться именно резко и сразу.

Мы основываем это наше мнение прежде всего на следующем важном положении, на положении единственном в своем роде.

Посмотрим, каким образом совершилось единственное изменение общественной системы, о котором история сохранила для нас ясное и подробное воспоминание. Вспомним, медленно ли и последовательными ли действиями перешли люди от политеизма к теизму, от греческого и римского строя к средневековому общественному устройству Европы.

Мы должны будем признать, что первые христиане заменили веру во многих богов сразу же верой в единого бога; они и не пытались постепенно уменьшать число почитаемых богов с тысяч до сотен, затем до десятков, чтобы притти к идее единого бога. Таким образом, мы вправе утверждать, что люди сразу перешли от политеизма к теизму.

Равным образом власть консулов и проконсулов была сразу заменена властью вождей готских, вестготских, остготских, датских, английских, франкских, сакских, германских и т. п.

Наконец, рабство сразу изменило свой характер, когда рабы перестали непосредственно зависеть от своих господ, чтобы быть прикрепленными к земле.

Мы подкрепим наше мнение еще одним положением, существенно отличающимся от того, на которое мы сейчас указали.

Из первого естественно вытекает тот вывод, что изменения системы происходят сразу; второе же, о котором речь впереди, приведет нас к выводу, что полумеры, как бы энергичны они ни были, не могут произвести изменения системы.

Можно ли представить себе нечто более энергичное, решительное и резкое, чем принятые в начале революции меры против священников и дворян? Их почти всех ограбили, избили или изгнали из страны; в то же время завладели их движимой и недвижимой собственностью, а равно и политической властью, которой они обладали до того времени, и в результате руководство государственными интересами оказалось только в руках разночинцев.

К чему же привели все эти жестокие меры?

Ни к каким радикальным изменениям они не привели: феодальная система не была вовсе уничтожена, она вскоре возродилась из пепла и через несколько лет появилась снова в несколько измененном виде. Благодаря ее восстановлению была прекращена анархия, и — что весьма важно отметить — сами разночинцы реставрировали феодальную систему: это они создали новое дворянство, это они восстановили майорат, иначе говоря, систему субституций. Таким образом, иностранцы, получив возможность распоряжаться во Франции, нашли ее заново феодализованной.

Мы даем весьма простое объяснение этому с первого взгляда необъяснимому явлению, которое до сего времени не было в достаточной степени исследовано.

Меры, принятые против дворян — избие-ние, изгнание и разорение, были, при всей своей жестокости, лишь полумерами: они перенесли власть из одних рук в другие, не изменив природы власти.

Общество продолжало оставаться в подчинении у правительственной власти; в продолжение всей революции правительственная власть стояла выше власти административной

Природе правительственной власти свойственно поддерживать или учреждать наследственные политические права, в то время как административной власти присуще проводить принцип возможно большего равенства в отношении прав по рождению и в основу политических прав класть превосходство положительных способностей.

Из того, что мы сказали сейчас в подкрепление нашего взгляда, мы делаем следующие выводы:

1. Единственное изменение общественной системы, о котором история сохранила для нас точное и подробное воспоминание, совершилось сразу и путем радикального изменения принципов.

2. Революция, при всем своем насильственном характере, не завершила требуемой раз-витием знаний перемены, так как она ниче-

го не изменила в принципах, которые лежат в основе феодальной системы.

По поводу вышесказанного нам было сделано замечание, которое мы повторяем здесь, находя, что оно могло бы появиться у некоторых из наших читателей.

«Если допустить, что коренное изменение общественной системы может быть совершенно только резко, то из этого еще не следует, что это изменение должно быть возведено так же резко и без предосторожностей».

На это замечание мы отвечаем:

Единственное средство, которое можно было бы с успехом применить при современном состоянии знаний для коренного изменения общественного строя, состоит в создании новой политической доктрины, превосходящей ту, которой придерживаются современные правительства.

Но создание новой доктрины есть действие, по своей природе быстрое и резкое, так как оно стремится сразу изменить интеллектуальные навыки, приобретенные общественным разумом.

Таким образом, изменение общественного устройства должно быть возведено так же внезапно, как внезапно оно должно совершиться.

Впрочем, каждый может легко представить себе, что должно в настоящее время происходить в области политики, ибо то, что должно теперь происходить, есть следствие

и результат того, что произошло раньше, в частности, есть продолжение того пути, по которому идет цивилизация, начиная с XV столетия.

Чтобы точно и с пользой уяснить себе это, нужно разделить наше исследование на пять частей и поставить себе следующие вопросы:

1. Каково было политическое положение до XV столетия?

2. К каким политическим результатам привел кризис, испытанный обществом в XV в.?

3. Каковы политические изменения, которые произошли с XV в.?

4. Каково современное политическое положение?

5. Какие меры нужно употребить для водворения спокойного и устойчивого положения вещей?

Мы попытаемся облегчить читателю это исследование, представив ему беглый набросок наших взглядов по каждому из выше-намеченных пунктов.

1. До XV столетия духовная власть находилась исключительно в руках духовенства. Это положение вещей соответствовало нуждам общества, так как богословские идеи имели тогда наибольшее значение; кроме того, духовенство было несравненно образованнее мирян в том небольшом кругу светских знаний, которым располагала средневековая Европа.

До XV столетия светская власть была сосредоточена в руках дворян. Эта система организации была полезна, так как дворяне того времени были самыми способными промышленниками. Это они руководили земледельческими работами, которые были тогда единственным промышленным занятием, имевшим большое значение.

Таким образом, до XV столетия существовало хорошее общественное устройство, так как духовная и светская власти находились в руках людей, наиболее способных как в области наук, так и в области промышленности.

2. Вследствие кризиса, пережитого в XV столетии, человеческий разум испытал большой подъем в области светских наук и промышленной деятельности.

В научной области новаторами были миряне, а в промышленности разночинцы.

3. В течение XV столетия богословие постепенно теряло свое значение, так как миряне сильно подвинули вперед светские науки и нашли средства делать из них полезные для общества применения; они подняли общественную нравственность, привив людям большую любовь к труду.

Разночинцы развили торговую и промышленную деятельность, они стали предпринимателями и, следовательно, руководителями сельскохозяйственных работ; они совершенно изменили свое социальное положение, поднявшись из крайне низкого состояния до ран-

га командиров народа, которым они стали руководить в его повседневной деятельности.

4. Современное политическое положение представляет собой зрелище опрокинутого вверх дном мира: люди, которые руководят общественными делами, сами весьма нуждаются в руководстве; высшие способности находятся в классе управляемых, правящие же по своему составу являются весьма посредственными людьми.

Люди, деятельность которых наиболее способствует развитию нравственности и увеличению благосостояния человечества, принадлежат к классу мирян; несмотря на это, духовная власть вверена церкви, общественным воспитанием руководят священники.

Руководители работ, обеспечивающих обществу удовлетворение всех его физических потребностей, находятся среди разночинцев, а между тем высшая светская власть предоставлена дворянам.

5. Средство для водворения спокойного и устойчивого порядка вещей состоит, очевидно, в том, чтобы руководство интеллектуальной деятельностью поручить способнейшим в искусствах и положительных науках людям, возложив на них вместе с тем и руководство общественным воспитанием.

Это средство заключается в том, чтобы передать светскую власть крупнейшим промышленникам и окончательно лишить дворян и богатых туземцев всякого политического значения.

Вот те выводы, к которым неизбежно придет всякий, кто надлежащим образом проследит развитие цивилизации от средних веков и до нашего времени.

Нам остается успокоить тревогу, которую испытывает весьма многочисленный класс почтенных, но мало энергичных людей всякий раз, когда предстоит привести в исполнение какую-либо меру общего характера.

Прежде всего мы им скажем: время полумер, без сомнения, прошло; нужно прямо идти к общественному благу; эта истина при современных условиях должна быть представлена во всей ее полноте и прямоте: наступил момент кризиса.

Это — кризис, наступление которого было предсказано многими священными писаниями, входящими в состав Ветхого завета.

Это — кризис, который в течение многих лет усердно готовят библейские общества.

Это — кризис, о наличии которого свидетельствует учреждение Священного союза, основанного на наиболее общих моральных и религиозных принципах.

Это — кризис, которого ждут евреи с тех пор, как они, изгнанные из своей страны, скитаются и подвергаются преследованиям, никогда не теряя надежды увидеть наступление времени, когда все люди будут находиться в братских отношениях.

Этот кризис, наконец, непосредственно направлен к установлению истинно универсаль-

ной религии и действительно мирной социальной организации всех народов.

Людам, благоразумие которых доходит до трусости, мы скажем:

Движение, во главе которого идут наиболее выдающиеся ученые и крупнейшие промышленники, не может вызвать никакой смуты, потому что ученые и промышленники больше других членов общества заинтересованы в поддержании порядка; они же больше, чем другие, питают отвращение ко всяким актам насилия.

Ученые и промышленники, несомненно, должны будут развить большую силу, чтобы произвести изменение системы, но сила, которую они применят, будет силой морали, силой общественного мнения.

Этим малодушным людам мы скажем: между двумя партиями весьма неравной силы не может быть никакой физической борьбы. Борьба между ними может происходить исключительно в плоскости морали. Более слабая партия имеет в своем распоряжении одно лишь средство — взывать к принципам справедливости или общественного блага; на все эти принципы и будут опираться новаторы.

Это движение, нравственное и мирное во всех отношениях, получит в конце концов большую поддержку со стороны самой королевской власти, которая все более и более стремится избавиться от своего окружения, чтобы теснее соединиться с народом.

Шестой отрывок

Главные положения, завершающие социальную организацию при настоящем состоянии цивилизации

Системы, теории, мирозерцания способны к развитию лишь до известного предела, за которым лежащие в их основании принципы утрачивают способность к дальнейшим желательным изменениям; тогда остается один только выход — создать новую систему, новую теорию или новое мирозерцание, чтобы удовлетворить ощущаемую потребность.

Систему средневековой общественной организации невозможно подвергнуть изменениям, которые были бы необходимы, чтобы привести ее в соответствие с современным обществом. Есть одно только средство для обновления в Европе спокойного и устойчивого порядка вещей, это — создать новую систему общественной организации.

В средние века способность к управлению, иначе говоря, умение держать народы в подчинении, считалась и должна была считаться главной способностью. Состояние невежества, в котором пребывало подавляющее большинство народов в то время, требовало такого устройства общества.

При современном же состоянии просвещения научные и промышленные способности стали самыми полезными для общества. Та-

ким образом, правительственная деятельность должна теперь иметь только подчиненный характер; она должна быть направлена преимущественно против бездельников, которые всегда будут склонны нарушать общественный порядок.

В средние века военное сословие должно было быть самым могущественным и самым уважаемым сословием, сословием управляющим; народы должны были подчиняться военным правительствам. Но теперь, когда народы испытывают нужду и желание организоваться наиболее благоприятным для производства образом, класс людей, посвятивших себя исключительно военным занятиям, должен быть весьма немногочислен; в нем теперь следует видеть класс подчиненный.

Согласно этим положениям мы и разработали систему общественного устройства, основные черты которой мы ниже изложим.

В дальнейшем мы докажем, что эта система в такой же мере превосходит средневековую, в какой эта последняя превосходила общественную организацию греков и римлян.

О власти духовной или научной

«Ученые должны разделиться на две группы и образовать две отдельные академии. Одна из этих академий должна заниматься главным образом составлением хорошего кодекса интересов, а другая — разработкой кодекса чувств.

Людовик XIV основал одну из этих академий, Академию физических и математических наук; эта академия оказала уже большое содействие развитию научных наблюдений и суждений.

Присоединения к ней группы ученых-экономистов было бы достаточно, чтобы она была в состоянии создать хороший кодекс интересов.

Другая академия — академия искусств — займется развитием нашего воображения и чувства.

Присоединение группы моралистов и теологов к писателям, поэтам, художникам, скульпторам и музыкантам даст этой академии возможность создать хороший кодекс чувств.

При каждой из этих академий нужно создать группу юристов, так как общество нуждается в том, чтобы чувства его членов, как и их интересы, были подчинены твердым правилам для определения отношений между людьми в этих двух областях.

Академия наук и академия искусств, образуя вместе одно собрание, изберут из своей среды членов философской академии, которая будет носить титул высшей академии.

Эта высшая академия должна будет сперва создать, а затем развивать дальше общую доктрину, которая будет служить основой общественного образования.

Философы, которые составят эту академию, присоединят к себе наиболее выдающихся

юристов и поручат им придать выработанной ими общей доктрине юридический характер».

О власти светской

«Руководство светской властью должно быть поручено самым значительным сельским хозяевам, фабрикантам, торговцам и банкирам. Они образуют совет, который будет называться советом промышленников.

Этот совет будет иметь право включать в свой состав служащих, которые наиболее отличаются в различных ведомствах, образующих правительство.

Этот совет будет заниматься рассмотрением всех общественно-полезных проектов, которые будут ему представлены духовной властью; он остановит свой выбор на тех проектах, которые сочтет нужным принять».

Приведение в действие новой общественной организации

«Королевская власть, переходящая по наследству в порядке первородства, есть учреждение, лежащее в основе новой организации.

Высшая академия образует инициативный совет при его величестве.

Проекты, утвержденные инициативным советом, поступают на рассмотрение академии искусств и академии наук.

После рассмотрения проектов в этих двух

академиях они поступают с их замечаниями в совет промышленников.

Совет промышленников составляет ежегодно проект бюджета и проверяет, надлежащим ли образом израсходовали министры те суммы, которые были ассигнованы их ведомствам предыдущим бюджетом.

Разработанный таким образом проект бюджета поступает в совет министров, который, согласно приказам короля, представляет его палатам».

Этот проект сводится, как можно видеть, к простому включению промежуточных инстанций между властью короля и властью палат.

* * *

Мы присутствовали при въезде в Париж его величества Карла X. Парижане приняли с истинной любовью короля и королевскую семью и в то же время проявили глубокое равнодушие ко всем вельможам как из старой, так и из новой знати, которые составляли его свиту.

Мы спросили себя: что произошло бы, если бы король при въезде в свою столицу был окружен лучшими математиками, физиками, химиками, физиологами и механиками своего королевства, наиболее выдающимися поэтами, художниками, скульпторами, музыкантами, инженерами и архитекторами, самыми крупными земледельцами, фабрикантами, торговцами и банкирами?

Мы глубоко убеждены, что восторг по отношению к королю, окруженному такой свитой, достиг бы своего апогея и оставил бы далеко за собой все, что происходило в таких случаях когда-либо раньше в истории общества.

Вид людей, создающих славу и обогащающих народ, с королем во главе больше всего может нравиться народу.

Теперь уже не победами хочет прославиться французский народ, не завоеваниями он хочет обогатиться, он стремится к первенству в науках и искусствах, мирной промышленной деятельностью хочет он обогатить себя.

Пора иллюзий прошла безвозвратно; бесстрастно взвешивают теперь народы свои интересы, великолепие власти мало их привлекает: с большей радостью они увидели бы вокруг своих королей тех людей, которые их обогащают, чем тех, которые им дорого стоят и которые своей властью приносят больше вреда, чем пользы, общественному преуспеянию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чем значительнее и сложнее какое-либо дело, тем больше оно требует предварительных, подготовительных работ. Организация политического общества, предоставляющего всем образующим его индивидуумам возможно большую сумму счастья, была самой важной и в то же время наиболее трудно разрешимой задачей, когда-либо стоявшей перед

людьми. Не следует поэтому удивляться тому, что, несмотря на огромную работу наших предшественников, мы все еще находимся только у исходной точки, откуда идет прямой путь к созданию учреждений для поднятия благосостояния самого многочисленного класса.

Для того чтобы могла быть создана такая социальная организация, основные учреждения которой содействуют росту благосостояния пролетариев, необходима была наличность двух условий.

Во-первых, составляющие низший класс общества индивидуумы должны были достичь такой степени цивилизации, которая позволила бы признать их равноправными членами общества, а для этого они неизбежно должны были показать себя способными к управлению собственностью.

С другой стороны, нужно было, чтобы революция в области собственности призвала к владению ею большое число пролетариев. Искусно управляя собственностью, пролетарии должны были доказать на опыте, что они обладают достаточными способностями, чтобы быть в новой общественной организации равноправными ее членами.

Этот опыт был сделан во время революции; во втором и третьем отрывках мы доказали, что он увенчался полным успехом.

Второе условие, выполнение которого было необходимо, заключается в создании господствующей над высшими теориями системы,

иначе говоря, было необходимо совокупное участие всех систем, объединяющих различные виды наших знаний, в образовании системы общественного блага — системы господствующей. Необходимо было, чтобы научная система, религиозная система, законодательная система, система искусств совокупными усилиями содействовали под руководством общей системы общественного блага созданию наиболее выгодной для огромного большинства организации, такой организации общества, которая была бы наиболее благоприятна для развития всех полезных способностей.

В этом направлении следовало сделать попытку. Желание испытать свои силы на этом поприще и побудило нас к нашему труду.

НОВОЕ ХРИСТИАНСТВО ¹²⁸

РАЗГОВОР КОНСЕРВАТОРА С НОВАТОРОМ

Консерватор. Вы верите в бога?

Новатор. Да. Я верю в бога.

Консерватор. Верите ли вы в то, что христианская религия имеет божественное происхождение?

Новатор. Да, верю!

Консерватор. Если христианская религия божественного происхождения, то она ни в какой мере не подлежит совершенствованию; тем не менее вы своими писаниями поощряете художников, промышленников и ученых к тому, чтобы совершенствовать эту религию; вы, следовательно, впадаете в противоречие с самим собою, так как ваша мысль и ваша вера приходят в столкновение.

Новатор. Указанное вами противоречие между моей мыслью и моей верой только кажущееся: следует отличать то, что сказал сам господь, от того, что его именем сказало духовенство.

То, что сказал господь, действительно не подлежит совершенствованию, но то, что его именем сказало духовенство, составляет науку, способную к совершенствованию так же как и все другие человеческие знания. Теория теологии в известные эпохи нуждается в обновлении совершенно так же, как теории физики, химии или физиологии.

Консерватор. Какую часть религии вы считаете божественной и какую вы рассматриваете как человеческую?

Новатор. Господь сказал: «Люди должны относиться друг к другу как братья». Этот высший принцип содержит в себе все, что есть божественного в христианской религии.

Консерватор. Как? Вы сводите к одному единственному принципу все, что есть божественного в христианстве!

Новатор. Господь, несомненно, все свел к одному принципу; из этого принципа он несомненно все и вывел. Без этого его воля в отношении людей не имела бы определенной системы. Было бы кощунством утверждать, что всемогущий основывал свою религию на многих принципах.

Согласно же тому принципу, который господь преподавал людям в качестве правила их поведения, они должны организовать свое общество так, чтобы оно было наиболее выгодно наибольшему числу людей; они должны поставить целью всех своих трудов и всех своих действий — в наикратчайшее время и

наиполнейшим образом улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса.

Я утверждаю, что именно в этом, и только в одном этом, заключается божественная часть христианской религии.

Консерватор. Я допускаю, что господь дал людям только один принцип; я допускаю также, что он заповедал им так устроить свое общество, чтобы обеспечить беднейшему классу наискорейшее и наиполнейшее улучшение его морального и физического существования; но я обращаю ваше внимание на то, что господь оставил человеческому роду наставников. Прежде чем вознестись на небо, Иисус Христос поручил своим апостолам и их преемникам направлять поведение людей, указав им, какие применения они должны сделать из основного принципа божественной морали, и облегчив им возможность извлекать из него наиболее правильные выводы.

Признаете ли вы церковь божественным учреждением?

Новатор. Я убежден, что господь сам основал христианскую церковь; я проникнут глубочайшим уважением и величайшим преклонением перед поведением отцов этой церкви.

Эти главы первоначальной церкви искренне проповедывали всем народам единение; они призывали их к мирной совместной жизни; сильным мира сего они в положительной

и весьма энергичной форме возвещали, что их первый долг состоит в применении всех средств для наискорейшего улучшения физического и морального состояния бедных.

Эти главы первоначальной церкви создали наилучшую из всех когда-либо изданных книг — первоначальный катехизис, в котором они подразделили деяния людей на два разряда: хорошие и дурные, т. е. такие, которые отвечают основному принципу божественной морали, и такие, которые противоречат ему.

Консерватор. Определите точнее вашу идею и скажите мне, считаете ли вы христианскую церковь непогрешимой?

Новатор. В том случае, когда во главе церкви стоят люди, наиболее способные направлять стремления общества к божественной цели, я полагаю, что церковь без всякой натяжки может считаться непогрешимой и что общество поступает разумно, когда подчиняется ее руководству.

Я считаю отцов церкви непогрешимыми в ту эпоху, когда они жили, но в настоящее время из всех существующих корпораций духовенство, кажется, впадает в наибольшие заблуждения, в заблуждения, приносящие наибольший вред обществу; его поведение находится в прямом противоречии с основным принципом божественной морали.

Консерватор. Итак, по вашему мнению, христианская религия находится в довольно-таки плохом положении?

Новатор. Как раз наоборот! Никогда еще не существовало такого большого количества добрых христиан, но теперь они почти все принадлежат к светским сословиям. Христианская религия с XV в. утратила свое единство действий. С этого времени христианского духовенства больше не существует. Всякое духовенство, которое пытается в настоящее время связать свои взгляды, свою мораль, свой культ и свои догматы с моральным принципом, полученным людьми от бога, — еретично, ибо его взгляды, его мораль, его догматы и его культ в большей или меньшей степени противоречат божественной морали. Духовенство, наиболее могущественное, является в то же время и наиболее еретичным.

Консерватор. Что же станется с христианской религией, если, как вы полагаете, люди, призванные наставлять, впали в ересь?

Новатор. Христианство станет религией всеобщей и единой; жители Азии и Африки обратятся в христианство, представители европейского духовенства сделаются добрыми христианами, они откажутся от разных исповедуемых ими в настоящее время ересей. Выявится истинное христианское учение, т. е. учение наиболее общее, учение, которое может быть выведено из основного принципа божественной морали, и тогда немедленно прекратятся те различия, которые существуют в религиозных взглядах.

Первоначальное христианское учение дало обществу лишь частичную и весьма неполную

NOUVEAU
CHRISTIANISME,
DIALOGUES

UN CONSERVATEUR ET UN NOVATEUR.

PREMIER DIALOGUE.

Celui qui aime les autres a accompli la loi. Tout
est compris en abrégé dans cette parole. Tu ai
meras ton prochain comme toi-même.

SAINT PAUL, Épître aux Romains.

PARIS,

BOSSANGE PÈRE, RUE DE RICHELIEU, N° 60;

A. SAUTELET ET Cie, EN FACE LA BOURSE.

1825.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
„НОВОГО ХРИСТИАНСТВА“ СЕН-СИМОНА.

организацию. Права кесаря остались незазисимыми от прав, предоставленных церкви. «Воздай кесарево кесарю», — таково знаменитое положение, разделившее эти две власти. Светская власть продолжала основывать свое могущество на праве сильнейшего, между тем как церковь исповедывала взгляд, что общество должно признавать законосообразными лишь те установления, которые имеют целью улучшение существования наибеднейшего класса.

Новая христианская организация построит как светские, так и духовные учреждения на том принципе, что все люди должны относиться друг к другу как братья. Она направит все эти учреждения, какого бы рода они ни были, к повышению благосостояния наибеднейшего класса.

Консерватор. На каких фактах основываете вы этот взгляд? Кто дает вам право думать, что один и тот же моральный принцип сделается единственным регулятором всех человеческих обществ?

Новатор. Наиболее общая мораль, мораль божественная, должна стать единственной моралью. Это следует из ее природы и из ее происхождения.

Народ божий, народ, получивший откровение еще до явления Христа, народ, наиболее рассеянный по всей поверхности земного шара, всегда чувствовал, что христианское учение, основы которому положены отцами церкви, было неполно; он всегда предвещал,

что наступит великая эпоха, названная им мессианской, когда религиозное учение предстанет во всей возможной всеобщности, что это учение будет управлять в равной мере действиями и светской и духовной властей и что тогда у всех людей будет лишь одна религия, лишь одна организация.

Словом, я ясно постигаю новое христианское учение и намерен его воспроизвести. Я сделаю затем обзор всех духовных и светских установлений, существующих в Англии, Франции, Германии, северной и южной, Италии, Испании и России, в северной и южной Америке. Я сравню учения всех этих различных установлений с учением, вытекающим непосредственно из основного принципа божественной морали, и мне легко будет разъяснить всем людям с чистым сердцем и добрыми намерениями, что если бы все эти установления были направлены на улучшение морального и физического состояния наибеднейшего класса, то они со всей возможной быстротой способствовали бы процветанию всех классов общества, всех народов.

Я — новатор, ибо я из основного принципа божественной морали делаю более прямые выводы, чем это делалось до настоящего времени. Вас же, преданных, подобно мне, общему благу, воодушевляет идея консерватизма: вы ограничиваете свою задачу тем, что предохраняете людей от утраты того принципа, который я желаю развивать дальше. Ну

что ж! Соединим наши усилия. Я буду развивать свои идеи, вы же оспаривайте их, когда вам покажется, что я уклоняюсь от пути, предуказанного людям всемогущим.

С полной верой я принимаюсь за это великое дело. Лучший богослов — тот, который делает наиболее общие выводы из основного принципа божественной морали; лучший богослов есть истинный папа, наместник бога на земле. Если выводы, которые я представляю, правильны, если учение, которое я намерен изложить, хорошо, значит я буду говорить именем бога.

Я приступаю к делу. Начну с разбора различных существующих в настоящее время религий; я сравню их учения с тем учением, которое прямо вытекает из основного принципа божественной морали.

О РЕЛИГИЯХ

Новое христианство составитя из частей, почти тождественных с теми, которые представляют в настоящее время различные еретические общества, существующие в Европе и Америке.

Новое христианство, подобно еретическим сообществам, будет иметь свою мораль, свой культ, свои догмы; оно будет иметь свое духовенство, а духовенство будет иметь своих вождей. Однако, несмотря на такое сходство организации, новое христианство окажется очищенным от всех современных ересей. Нав-

более важным у новых христиан будет считаться учение морали, а культ и догмы будут рассматриваться ими лишь как второстепенные частности, имеющие главной целью сосредоточить внимание правоверных всех классов на морали.

В новом христианстве вся мораль будет выводиться непосредственно из следующего принципа: люди должны относиться друг к другу как братья; этот принцип, присущий первоначальному христианству, подвергнется преобразению в том смысле, что он должен будет теперь стать целью всей религиозной деятельности.

Этот преобразенный принцип представится в следующем виде: религия должна направлять общество к великой цели наискорейшего улучшения участи беднейшего класса.

Основать новое христианство и стать во главе новой церкви должны люди, наиболее способные своим трудом содействовать поднятию благосостояния беднейшего класса. Обязанности духовенства сведутся к проповеди нового христианского учения, к совершенствованию которого будут направлены неослабные труды глав церкви.

Вот в немногих словах характерные черты, которые должно в настоящих обстоятельствах развить истинное христианство. Мы сравним теперь это понимание религиозной системы с религиями, существующими в Европе и Америке; в результате сравнения мы легко

получим доказательство того, что все исповедуемые в настоящее время религии, имеющие притязания быть христианскими, суть не что иное, как ереси, т. е. что они не стремятся непосредственно к наискорейшему улучшению благосостояния беднейшего класса, к этой единственной цели христианства.

О КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Римско-католическая апостольская церковь наиболее многочисленна из всех европейских и американских религиозных ассоциаций. Она обладает еще многими важными преимуществами сравнительно со всеми другими сектами, к которым принадлежит население этих двух континентов.

Она была непосредственной преемницей христианской общины, и это придает ей некую видимость ортодоксальности.

Ее духовенство наследовало большую часть тех богатств, которые приобрело христианское духовенство благодаря многочисленным победам, одержанным им в течение пятнадцати веков в борьбе за аристократию таланта против аристократии рождения, в борьбе за религиозное главенство людей мирной жизни над военными.

Руководители католической церкви сохранили верховенство города, который уже более двадцати веков неизменно господствует в мире, опираясь сначала на силу оружия, а затем на всемогущество божественной мо-

рали; именно в Ватикане иезуиты и в настоящее время изыскивают средства властвовать над всем родом человеческим при помощи гнусной системы утонченной набожности и коварства.

Римско-католическая апостольская церковь все еще, несомненно, весьма могущественна, хотя она и пришла в значительный упадок со времени папы Льва X, ее основателя. Но сила, которой обладает эта ассоциация, есть лишь сила материальная, и поддержать свое существование она в состоянии лишь при помощи коварства. Сила духовная, сила морали, сила христианская, которую создают искренность и честность, у нее совершенно отсутствует. Одним словом, католическая, апостольская и римская религия есть не что иное, как христианское лжеучение, как некоторая часть выродившегося христианства.

Я утверждаю, что католики — еретики, и я это докажу; я докажу, что возрождение христианства уничтожит инквизицию и освободит общество от иезуитов, как и от маккиавелевских доктрин.

Истинное христианство предписывает всем людям относиться друг к другу как братья; Иисус Христос обещал вечную жизнь тем, которые больше всего будут споспешествовать улучшению жизни беднейшего класса как в моральном, так и в физическом отношении.

Поэтому главы христианской церкви должны быть избираемы из среды людей, наибо-

лее способных руководить деятельностью, направленной к росту благосостояния наиболее многочисленного класса; поэтому духовенство должно заниматься главным образом наставлением верующих на путь, которого они должны держаться, чтобы ускорить достижение счастья большинства населения.

Рассмотрим теперь, каким образом составлялась священная коллегия после Льва X, основателя римско-католической апостольской церкви; рассмотрим, каких познаний эта коллегия требует от тех, которым она жалует священнический сан; посмотрим, каковы моральные и физические улучшения, которые испытал бедный класс в церковных областях, обязанных служить примером всем другим правительствам; рассмотрим, наконец, в чем состоит учение, преподносимое католическим духовенством всем верующим данного исповедания.

Я обращаюсь к папе, называющему себя христианином, претендующему на непогрешимость, присваивающему себе титул наместника христового, с требованием ясно и без каких-либо таинственных речений ответить на следующие четыре обвинения в ереси, которые я предъявляю католической церкви.

Во-первых, я обвиняю папу и его церковь в ереси на следующем основании:

Учение, преподносимое католическим духовенством мирянам

этого исповедания, порочно; оно вовсе не направляет их поведения на путь христианства.

Христианская религия ставит земной целью верующих наискорейшее улучшение морального и физического существования бедного люда. Иисус Христос обещал вечную жизнь тем, кто с наибольшим рвением будет трудиться для улучшения благосостояния наиболее многочисленного класса.

Католическое духовенство, как и всякое другое духовенство, имеет поэтому миссию возбуждать усердие всех членов общества к трудам на общую пользу.

Всякое духовенство должно, следовательно, употребить все свои интеллектуальные средства, все свои таланты на то, чтобы в проповедях своих и в своем частном общении с людьми доказывать мирянам своей веры, что с улучшением существования низшего класса необходимо связано повышение реального и положительного благосостояния и высших классов, ибо господь смотрит на всех людей, и на богатых в том числе, как на своих детей.

Поэтому и в учении, которое духовенство несет детям, и в проповедях, с которыми оно обращается к верующим, и в молитвах, которые оно возносит к небу, так же как и во всех частях своего культа и своих догматов, оно должно сосредоточивать внимание своих слушателей на том важном обстоятельстве, что огромное большинство насе-

ления могло бы пользоваться гораздо более удовлетворительными условиями моральной и физической жизни, чем те, которыми оно пользовалось до сих пор, и что богатые, увеличивая счастье бедных, тем самым улучшали бы и собственное свое существование.

Вот поведение, которое истинное христианство предписывает духовенству; нам будет теперь легко выявить пороки учения, которое несет католическое духовенство всем своим единоверцам.

Пересмотрите всю совокупность произведений, написанных с одобрения папы и его священной коллегии о католическом вероучении, исследуйте все молитвы, освященные главами церкви для произнесения верующими как мирянами, так и клириками, — вы не обнаружите в них нигде ясных указаний на цель христианской религии. Идеи морали в этих писаниях заключаются лишь в весьма слабой степени и во всяком случае они не образуют основной сути учения; они кое-где рассеяны в огромном количестве томов, составленных в сущности из скучных повторений нескольких мистических измышлений, которые ни в коем случае не могут служить руководством христианской морали; наоборот, они способствуют забвению принципов возвышенной морали Христа.

Было бы несправедливо все огромное собрание освященных папой католических молитв обвинять в бессвязности; можно даже признать, что подбором этих молитв руководила одна последовательная идея; можно признать, что священная коллегия направляла верующих к единой цели; но ясно, что эта цель — не христианская цель, что это — цель еретическая, что эта цель состоит в том, чтобы убедить мирян, что они не в состоянии руководиться собственным своим разумом и должны довериться руководству духовенства, не возлагая на последнее обязанности обладать какой-либо более высокой способностью, чем та, которою они обладают.

Ясно, что все части культа, так же как и все принципы католического вероучения, преследуют цель — поставить мирян в полнейшую зависимость от духовенства.

Таким образом, я обосновал свое первое обвинение в ереси, предъявленное мною папе и его церкви и состоящее в том, что они дают католикам дурные наставления.

Во-вторых, я обвиняю папу и кардиналов в еретичестве на следующем основании

Я обвиняю их в том, что они совершенно не обладают познаниями, которые сделали бы их способными направлять верующих на путь спасения.

Я обвиняю их в том, что они дают дурное воспитание семинаристам, что они от тех, кому жалуют священство, совершенно не требуют образования, необходимого им, чтобы стать достойными пастырями, — пастырями, способными правильно вести паству, которая должна быть им вверена.

Богословие — вот единственная наука, которую преподают в семинариях; богословие — вот единственная наука, которую папы и кардиналы считают себя обязанными насаждать; богословие — вот единственная наука, которой вожди церкви требуют от тех, кто в качестве приходского священника, епископа, архиепископа и пр., предназначен направлять поведение правоверных.

И я спрашиваю, что же такое богословие? И нахожу, что это наука о подборе доказательств по вопросам догмы и культа.

Для всякого еретического духовенства эта наука является, бесспорно, самой важной из всех наук, так как она дает средства сосредоточить внимание верующих на пустяках и устранить из кругозора христиан великую земную цель, которую они должны себе ставить, чтобы получить право на вечную жизнь, т. е. возможно более быстрое улучшение морального и физического благосостояния бедного класса.

Но богословие не может иметь большого значения для истинно-христианского духовен-

ства. Для христианского духовенства культ и догматы — лишь частности, играющие в религии чисто служебную роль; только мораль оно должно считать истинным религиозным учением, а культом и догматами оно должно пользоваться не иначе, как средствами, часто полезными для сосредоточения внимания всех христиан на морали.

Римское духовенство было правоверным до восшествия на папский престол Льва X, потому что до этого времени оно превосходило мирян во всех науках, прогресс которых способствовал росту благосостояния беднейшего класса; с этих же пор оно стало еретическим, так как начало разрабатывать одно только богословие и допустило превосходство над собой мирян в искусствах, в точных науках, так же как и в области промышленных способностей.

Таким образом, я обосновал предъявленное мною папе и кардиналам обвинение в ереси ввиду дурного применения ими своих знаний и дурного воспитания, даваемого ими семинаристам.

В-третьих, я обвиняю папу в еретическом поведении на следующем основании:

Я обвиняю его в том, что его правительственная политика более противна моральным и физическим интересам неимущего класса его подданных — мирян, чем политика любого светского госуда-

ря по отношению к своим неимущим подданным.

Пусть обойдут всю Европу, и тогда должны будут признать, что население церковных областей больше других страдает от несправедливого и антихристианского управления общественными интересами.

Значительные земельные богатства, составляющие часть наследия св. Петра, ¹²⁹ приносившие когда-то обильные урожаи, превращены в гиблые болота вследствие небрежного отношения папского управления.

Значительная часть территории, не подвергшаяся заболачиванию, остается без обработки; это должно быть приписано не неблагоприятности почвы, а ничтожности тех выгод, которые доставляет в церковных областях труд земледельца: это занятие, не принося ни уважения, ни достаточного дохода, мало привлекает к себе людей; люди способные или обладающие капиталами совсем не обращаются к нему. Папа оставил за собой монополию не только на все важнейшие продукты земледелия, но и на все вообще предметы первой необходимости, и пользование этой монополией он жалует тем из своих кардиналов, которые добились положения его фаворитов. *

---

* В этом основном для существования общества отношении папское управление еще хуже, чем турецкое. Я укажу на один недавний случай: один булочник в Риме был присужден к большому штрафу за продажу хлеба по незаконной цене. Мотивом присуж-

Наконец, в церковных областях не существует никакой промышленной деятельности, хотя дешевизна рабочих рук могла бы там представить большие выгоды для организации мануфактур. Это происходит исключительно от недостатков управления.

Все отрасли промышленности находятся в парализованном состоянии. Бедняки не имеют работы и умерли бы с голоду, если бы их не кормили церковные учреждения, т. е. правительство. Бедняки, кормящиеся благотворительностью, питаются плохо, и их жизнь в физическом отношении несчастна.

Но еще более несчастны они в моральном отношении, потому что живут они в праздности, матери всех пороков и всех грабежей, которыми разорена эта злополучная страна.

Таким образом, я доказал предъявленное мною папе третье обвинение в ереси, основанное на его дурном и противохристианском управлении своими подданными-мирянами.

В-четвертых, я обвиняю папу и

дения послужило отнюдь не то, что продавец причинил убыток покупателю, отпустив ему меньше того, что он должен был получить; наказание имело совершенно противоположную причину: вина, повлекшая за собой наказание, состояла в преступлении против интересов продавцов предоставлением излишней выгоды покупателям.

Объяснение этого неправосудного приговора весьма просто: почти все булочные в Риме принадлежат кардиналам, которые поэтому заинтересованы продавать хлеб как можно дороже и считают преступлением все, что уменьшает их доходы.

всех теперешних кардиналов, я обвиняю всех пап и всех кардиналов начиная с XV столетия в ереси еще на следующем основании:

Я обвиняю их прежде всего в том, что они дали согласие на образование двух институтов, диаметрально противоположных духу христианства, а именно: инквизиции и ордена иезуитов; я обвиняю их, далее, в том, что они начиная с этой эпохи почти всегда оказывали свое покровительство этим двум институтам.

Дух христианства — это кротость, доброта, любовь к ближнему и больше всего честность; его оружие — убеждение и доказательства.

Дух инквизиции — деспотизм и алчность, его оружие — насилие и жестокость; дух корпорации иезуитов — эгоизм, а коварство — средство, при помощи которого они стремятся достигнуть своей цели, т. е. всеобщего господства как над людьми духовными, так и над светскими.

Идея инквизиции имеет в корне порочный и противохристианский характер. Если бы даже инквизиторы отправляли гибнуть на своих кострах только людей, виновных в противодействии моральному и физическому улучшению жизни бедных классов, даже в этом случае (что возвело бы на костры

всю святую коллегия), они действовали бы как еретики, ибо Иисус совершенно не допускал исключения, когда запретил своей церкви употреблять насилие. Но эта ересь инквизиторов была бы простительна по сравнению с той ересью, которую они проявляли при исполнении своих ужасных обязанностей.

Приговоры, вынесенные инквизицией, всегда мотивировались только мнимыми прегрешениями против догмы или против культа, прегрешениями, которые должны были бы рассматриваться лишь как легкие проступки, а не как преступления, заслуживающие смертной казни.

Эти приговоры всегда имели целью сделать католическое духовество всемогущим путем принесения бедного класса в жертву богатым и облеченным властью светским людям на условии, чтобы эти последние в свою очередь согласились подчиниться во всех отношениях господству церковников.

Что же касается общества Иисуса, то знаменитый Паскаль¹³⁰ так хорошо анализировал его дух, его образ действий и его цели, что я должен ограничиться отсылкой правоверных к чтению его «Lettres provinciales». Прибавлю только, что новое общество Иисуса¹³¹ заслуживает бесконечно большего презрения, чем старое, потому что оно стремится восстановить перевес культа и догмы над моралью, перевес, уничтоженный революцией, в то время как первые иезуиты напрягали свои усилия лишь к тому, чтобы продлить

существование тех злоупотреблений в этой области, которые были раньше введены в церковь.

Старые иезуиты отстаивали порядок вещей, который уже существовал, новые же поднимают восстание против утверждающегося нового порядка вещей, более нравственного, чем старый.

Современные миссионеры — это настоящие антихристы, ибо они проповедуют мораль, совершенно противоречащую евангельской. Апостолы были защитниками бедных, миссионеры же — защитники богатых и сильных против бедных, которые находят себе заступников среди светских моралистов.

О ПРОТЕСТАНТСКОЙ РЕЛИГИИ

Европейская мысль увенчалась огромными успехами в XV столетии; великие открытия, быстрые успехи были достигнуты во всех областях, имеющих положительную пользу, и эти открытия, так же как эти успехи, были обязаны почти всецело трудам светских людей.

Открытие Америки обязано твердому духу Христофора Колумба; светские португальцы открыли новый путь в Индию, обогнув мыс Доброй Надежды; печатное дело было открыто и усовершенствовано светскими людьми; Данте, Ариосто и Тассо были светскими людьми; Рафаэль, Микеланджело и Леонардо да Винчи точно так же были

светскими людьми; три великих закона, с помощью которых Ньютон вычислил затем все небесные явления, были найдены Кеплером, человеком светским.

Медичи, расширившие и оживившие европейскую торговлю, усовершенствовавшие земледелие и промышленность, были светские люди; они приобрели такое общественное значение, что их род достиг ранга владетельных домов и в области светской власти стал играть, можно сказать, выдающуюся роль.

Таким образом, миряне приобрели положительное превосходство над духовными людьми. В то же время и науки, признанные светскими, вышли уже из пределов, которыми были ограничены выводы, извлеченные церковью из провозглашенных Иисусом принципов божественной морали. Папа и кардиналы не обладали уж более достаточной силой, чтобы управлять христианским духовенством, а это последнее не было уже более в состоянии руководить всей массой верующих.

С другой стороны, римский двор потерял в это время значительную часть поддержки, которую он до тех пор находил в классе плебеев против патрициев и в классе простых людей против дворянства и феодальной власти.

Божественный основатель христианства заповедал апостолам непрерывно трудиться для поднятия низших классов общества и для уменьшения значения тех, кто был обле-

чен правом властвования и законодательства.

До XV столетия церковь довольно точно следовала этому христианскому направлению. Почти все кардиналы и папы были взяты из класса плебеев, часто они выходили из семей, принадлежавших к самым низким профессиям.

Благодаря такой политике духовенство имело тенденцию неуклонно ослаблять вес и значение родовой аристократии, заменять ее аристократией талантов.

К концу XV столетия священная коллегия совершенно изменяет направление своей деятельности. Она отказывается от христианского направления, чтобы проводить суетную светскую политику: духовная власть перестает бороться со светской властью, она уже не отождествляет себя с низшими классами общества, она уже не стремится к увеличению их значения, она уже не старается поставить над аристократией рождения аристократию талантов; она вырабатывает план действий, который имеет целью сохранить значение и богатства, приобретенные работой воинствующей церкви, и наслаждаться ими, не беря на себя никаких забот и не выполняя никакой действительно общественно-полезной функции.

Чтобы достигнуть этой цели, священная коллегия отдается под покровительство светской власти, с которой она до тех пор боролась. С королями она заключает такой нечестивый

договор: мы употребим все влияние, какое мы сможем оказать на верующих, чтобы установить для вас самовластье; мы провозгласим вас государями божией милостью, проповедуя учение о пассивном повиновении; мы учредим инквизицию, при помощи которой вы получите в свое распоряжение трибунал, не подчиненный никаким формальностям; мы учредим новый религиозный орден, которому присвоим наименование «общества Инсуса». Это общество провозгласит учение, прямо противоположное учению христианства; оно возьмет на себя труд поставить перед богом интересы богатых и сильных выше интересов бедных.

От вас же мы требуем в обмен на услуги, которые мы окажем вам, в обмен на зависимость, в которую мы согласны поставить себя от вашей светской власти (происхождение которой нечестиво, ибо ее права были основаны первоначально на праве сильнейшего), и как вознаграждение за нашу измену беднейшему классу, защиту интересов и расширение прав которого возложил на нас божественный учредитель, — мы

требуем от вас сохранения за нами тех владений, которые составляют плоды апостольских трудов воинствующей церкви, мы требуем от вас поддержки в пользовании почетными и денежными привилегиями, которыми наградили ее ваши предшественники.

Этот нечестивый договор, который был задуман священной коллегией в конце XV столетия, был приведен в исполнение в главных своих статьях уже в начале XVI столетия.

В это-то время на папский престол возшел Лев X — событие весьма знаменательное в летописях религии, до сей поры совершенно недостаточно привлекавшее к себе внимание христианских философов.

Первые вожди церкви назначались всеми верующими, и единственным основанием их назначения было то, что они считались наиболее радеющими о благе неимущих и наиболее способными открывать пути к физическому и моральному улучшению жизни наиболее многочисленного класса.

Когда вожди духовенства достигли верховной власти в Риме и превратили этим город в столицу христианского мира, когда они сосредоточили священническую власть в руках папы, то основание, определявшее выбор первосвященника, стало сводиться, главным образом, к тому, чтобы кандидат, которому священная коллегия отдавала преимущество пе-

ред другими, обладал в наивысшей степени способностью, необходимой для подавления аристократии рождением аристократией таланта.

Но основание, определившее избрание Льва X, было совсем другим; оно было даже противоположно тому основанию, которое руководило прежними избирателями с их более или менее христианскими стремлениями: в данном случае кардиналы действовали согласно с планом, который они приняли и который я изложил выше; они поставили себе единственную цель — сохранить за духовенством его богатства и увеличить его житейские утехи.

Лев X был сделан из того же теста, что и короли, и поэтому совершенно не был пригоден быть папой: все его поведение, действительно, показало, что он гораздо более дорожил своими правами по рождению, чем правами, вытекавшими из папского достоинства; он установил при своей особе почетную охрану, как при дворе светского владыки. Его сестра владела в Риме домом с княжеской обстановкой не в качестве близкой родственницы папы, а в качестве дочери влиятельнейшего в Италии светского государя.

Лев X оказывал покровительство поэтам, живописцам, архитекторам, скульпторам и ученым; он покровительствовал всем образованным грекам, находившим в то время убежище в Италии. Но покровительство им он

оказывал в качестве светского князя и притом с единственной целью обеспечить себе радости жизни и придать своей короне светский блеск. Настоящий папа использовал бы высоту, на которой европейская мысль парила в это время во всех важнейших направлениях, чтобы сочетать стремления ученых, художников и руководителей больших промышленных предприятий с интересами духовенства и бедного люда, чтобы направить их против наследственных притязаний светской власти, происхождение которой, как я уже указывал выше, нечестиво, ибо ее начальные права были основаны на праве завоевания, т. е. на праве сильнейшего.

Первые индульгенции давались в награду за какие-либо полезные для общества работы, например за постройку мостов, больших дорог и пр. Впоследствии индульгенции выдавались верующим в ту эпоху, когда папская власть, приобретя большие богатства и светский авторитет, начала деморализоваться; папы стали извращать первоначальное назначение сумм, получавшихся от продажи индульгенций, и употреблять их на осуществление своих собственных фантазий или на удовлетворение тщеславия духовенства. Однако они всегда заботились о том, чтобы придать своим действиям видимость стремления к общественному благу. Лев X совершенно изменил этот образ действий; он снял маску и публично заявил, что доход от продажи полных индульгенций, возложенной на доми-

никанцев в счет святого престола, будет употреблен на расходы по туалету его сестры.

Лев X стал эксплуатировать папский престол так, словно он представлял собой по существу светскую власть; он хотел обложить податями всех правоверных так, как он мог бы это сделать, если бы пользовался по отношению к ним правами светского князя.

В своих дипломатических сношениях с Карлом V он выступал гораздо больше как князь из дома Медичи, чем как папа. В результате папство не внушало больше беспокойства императору, и Карл V, не чувствуя уже сдержки со стороны церковной силы, единственно способной в то время ставить препятствия властолюбию светских князей, задумал проект создания себе всемирной монархии, — проект, который был возобновлен Людовиком XIV и Бонапартом, между тем как из всех светских европейских князей, начиная с Карла Великого и до XVI столетия, ни один не пытался осуществлять подобный план.

Таково было положение единственной религии, существовавшей в Европе, когда Лютер поднял восстание против римского двора.

Деятельность этого реформатора естественно распадалась на две части: одна — критическая по отношению к папской религии и другая — имевшая своей целью создание новой религии, отличной от той, которой управлял римский двор.

Первая часть деятельности Лютера могла быть и действительно была законченной. Своей критикой римского двора Лютер оказал цивилизации огромную услугу; без него папизм всецело поработил бы человеческую мысль суеверным идеям, совершенно изгнав из ее кругозора мораль. И именно Лютеру мы обязаны распадением духовной власти, не находившейся уже в соответствии с состоянием общества. Но Лютер не мог бороться с ультрамонтанскими доктринами, не попытавшись сам реорганизовать христианскую религию, и вот в этой второй части своей реформаторской деятельности, в органической части своей задачи Лютер оставил много работы своим преемникам; протестантская религия в том виде, как ее изложил Лютер, представляет собой все еще только христианскую ересь. Несомненно Лютер был прав, утверждая, что римский двор уклонился в сторону от направления, указанного Иисусом апостолам; несомненно он был прав, заявляя, что установленные папой культ и догма совершенно не были способны сосредоточить внимание верующих на христианской морали, что, наоборот, они по своей природе способствовали взгляду на них, как на нечто второстепенное в религии. Но из этих двух непререкаемых истин Лютер не имел права заключить, что мораль должна быть проповедуема верующим его времени в той же форме, в какой она была проповедана отцами церкви своим современникам. Тем менее он имел право

делать из них тот вывод, что культ должен быть освобожден от всех чар, которыми его могут украсить искусства.

Догматическая часть лютеровой реформы была недостаточна; эта реформа не была полна и ей самой необходимо в свою очередь подвергнуться реформации.

Во-первых, я обвиняю лютеран в ереси на следующем основании: я обвиняю их в том, что они приняли слишком низкую мораль по сравнению с той моралью, какая может подходить для христиан при данном уровне цивилизации.

Ввиду того что общественное мнение Европы настроено в пользу протестантизма и против католицизма, мне приходится, доказывая еретичность протестантизма, быть весьма строгим в аргументации, а это обязывает меня трактовать этот вопрос в наиболее общей форме.

Иисус возложил на своих апостолов и их преемников миссию создать такую организацию рода человеческого, которая была бы наиболее благоприятна улучшению участи бедных; вместе с тем он предписал своей церкви для достижения этой великой цели пользоваться лишь мерами кротости, убеждения и доказательства.

Много времени и много различных трудов требовалось для выполнения этой задачи; не следует поэтому удивляться, что она еще не решена.

Какая часть этой работы выпала на долю Лютера? Как он ее выполнил? Вот те два пункта, которые мне необходимо выяснить.

Для этого я намерен рассмотреть последовательно четыре важных вопроса.

1. Каково было состояние общественной организации, когда Иисус возложил на своих апостолов миссию дать роду человеческому новую организацию?

2. Каково было состояние общественной организации в то время, когда Лютер произвел свою реформу?

3. В чем заключалась полная реформа, в которой нуждалась папская религия, чтобы принять направление, указанное Иисусом своим апостолам, в то время, когда Лютер поднял восстание против римского двора?

4. В чем состоит реформа Лютера?

Из анализа этих четырех главных вопросов и будет вытекать естественное заключение, что лютеране — еретики.

1. В ту эпоху, когда Иисус возложил на своих апостолов возвышенную миссию организовать род человеческий на благо беднейшего класса, цивилизация находилась еще в младенческом состоянии.

Общество разделялось на два крупных класса: класс господ и класс рабов. Класс господ состоял из двух каст: патрициев, творивших закон и занимавших все важнейшие должности, и плебеев, обязанных повиноваться закону, хотя они его не создавали, и занимавших вообще лишь подчиненные

должности; самые крупные философы и не представляли себе, что социальная организация могла быть построена на других основах.

Совершенно еще не существовало системы морали, так как никто не открыл еще средства свести все принципы этой отрасли знания к одному единственному принципу.

Не существовало еще и религиозной системы, так как все вероисповедания допускали множество богов, внушавших людям различные и даже противоречившие одни другим чувства.

Сердце человеческое не возвышалось еще до человеколюбивых чувств. Самым общим чувством, которое испытывали наиболее благородные души, было чувство патриотизма, и оно было крайне ограничено вследствие малого протяжения территорий и незначительности народонаселения в государствах древности.

Одна только нация — римская — господствовала над всеми другими и самовластно ими управляла.

Размеры нашей планеты совершенно не были известны, так что нельзя было составить никакого общего плана улучшения земельной собственности человеческого рода.

Одним словом, христианство, его мораль, его культ и его догма, его приверженцы и его вожди вначале были чем-то внешним для социальной организации, так же как и для бычаев и нравов общества.

2. В ту эпоху, когда Лютер проводил свою реформу, цивилизация значительно подвинулась вперед; со времени появления христианства общество совершенно изменило свой вид; общественная организация была построена уже на новых основах.

Рабство было почти целиком уничтожено; патриции уже не обладали исключительным правом издавать законы, они не занимали уже больше всех важнейших должностей; светская власть, нечестивая по своему существу, уже не господствовала больше над духовной властью, а эта последняя уже не находилась под руководством патрициев. Римский двор стал первым двором в Европе; со времени учреждения папства все папы и почти все кардиналы выходили из класса плебеев; аристократия талантов была впереди аристократии богатств, так же как и аристократии по рождению.

Общество обладало религиозной и моральной системами, связанными воедино, так как любовь к богу и к ближнему сообщала характер единства основным чувствам верующих.

И именно христианство стало основой общественной организации. Оно заменило право сильнейшего, и право завоевания не считалось уже наиболее законным из всех прав.

Была уже открыта Америка, и человечество, зная все пространство своих территориальных владений, было в состоянии соз-

дать общий план работ для извлечения наибольшей пользы из своей планеты.

Развились и приобрели в то же время определенные черты мирные способности: стали возрождаться искусства; опытные науки и промышленность начали быстро преуспевать.

Чувство человеколюбия, эта истинная основа христианства, заняло во всех благородных сердцах место патриотизма; если все люди не поступали по отношению к себе подобным, как братья, то они все по крайней мере признавали, что должны смотреть на себя как на детей одного отца.

3. Если бы реформа Лютера могла быть полной, то он создал бы и провозгласил следующее учение, он обратился бы к папе и кардиналам с такими словами:

«Ваши предшественники достаточно усовершенствовали теорию христианства, достаточно распространили эту теорию, и европейцы уже достаточно проникнуты ею. Теперь вам следует заняться общим применением этого учения. Истинное христианство должно сделать людей счастливыми не только на небе, но и на земле. Не на отвлеченных идеях вы должны сосредоточить теперь внимание верующих, а надлежащим применением конкретных идей, таким их сочетанием, чтобы обеспечить роду человеческому наивысшую степень счастья, какой он только может достигнуть в своей земной жизни, вы добье-

тесь установления христианства, — этой общей, всемирной и единой религии.

Вам не следует теперь ограничиваться проповедью верующим всех классов, что бедные суть возлюбленные дети господа; вам нужно открыто и энергично употребить всю власть и все средства, приобретенные воинствующей церковью, чтобы немедленно улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса. Предварительная и подготовительная работа христианства уже закончена, вам предстоит выполнить работу, дающую гораздо больше удовлетворения, чем та, которую выполнили ваши предшественники. Работа эта заключается в организации человечества согласно основному принципу божественной морали.

Для выполнения этой работы вы должны сделать этот принцип основой и целью всех общественных учреждений.

Апостолы вынуждены были признать власть кесаря; они должны были сказать: «воздайте кесарю кесарево», потому что, не располагая достаточной силой для борьбы с ним, они должны были избегать опасности превратить его в врага.

Но в настоящее время, когда взаимоотношение духовной и светской власти совершенно изменилось благодаря трудам воинствующей церкви, вы должны заявить преемникам Цезаря, что христианство не признает больше за ними права господствовать над людь-

ми, — права, основанного на завоевании, т. е. на законе сильнейшего.

Вы должны заявить всем царям, что единственное средство сделать их царствование законным состоит в том, чтобы рассматривать его как учреждение, имеющее своей целью воспрепятствовать богатым и сильным притеснять бедных; вы должны заявить им, что их единственный долг состоит в улучшении морального и физического состояния наиболее многочисленного класса и что всякий расход, ассигнованный ими из государственного имущества, если только он не крайне необходим, есть с их стороны преступление, делающее их врагами господа.

В вашем распоряжении находятся все необходимые средства, чтобы заставить светскую власть принять такое применение христианства, ибо ваша верховная власть признается всеми державами, и вы можете располагать духовенством, разбросанным по всему пространству Европы. А духовенство будет всегда пользоваться преобладающим влиянием на светские учреждения всех народов, если оно действительно будет работать для улучшения благосостояния бедного класса, являющегося повсюду наиболее многочисленным.

Я перехожу теперь к рассмотрению другого вопроса и выражаю вам, святейший отец, свое порицание по следующему поводу.

Всякий раз, когда две христианские нации воюют между собой, то они обе виновны,

ибо божественный основатель христианства предписал всем людям относиться друг к другу по-братски и запретил им пользоваться какими-либо другими средствами разрешения своих споров, кроме убеждения и доказательства.

Вам следовало бы употребить всю свою папскую власть, все влияние духовенства разных наций на то, чтобы помешать войнам; но вы далеки от такого поведения, вы допускаете, чтобы духовенство воюющих наций взывало каждое со своей стороны к богу боинств, являющемуся не чем иным, как божеством языческим; вы позволяете во время сражений с обеих сторон возносить хвалу богу: ваше поведение, как и поведение духовенства, поэтому совершенно нечестиво.

Силу создает единение; общество, члены которого вступают в борьбу одни с другими, идет к разложению; спешите призвать духовенство к единству действий.

Есть другое единство, установить которое гораздо важнее; я говорю о единстве цели трудов христиан, трудов всего рода человеческого. Эта цель чрезвычайно ясна, обща, положительна, материальна; ее вы должны указать людям, чтобы доставить христианству преобладание над магометанством, над религией Будды, Браммы, словом, над всеми религиями, так же как и над всеми светскими учреждениями.

Общая цель, которую вы должны поставить деятельности людей, это улучшение

морального и физического состояния наиболее многочисленного класса; вы должны создать такую форму социальной организации, которая была бы способна лучше направить эту деятельность и обеспечить ей преобладание над всякой другой деятельностью, какой бы важной она ни могла казаться.

Для наискорейшего улучшения участи беднейшего класса самым благоприятным было бы такое положение вещей, при котором было бы необходимо выполнить большое количество работ, требующих наибольшего развития человеческого разума. Вы можете создать это положение вещей. В настоящее время размеры нашей планеты уже известны, прикажите же людям науки, художникам и промышленникам представить к исполнению общий план работ, имеющих целью сделать земельные владения человеческого рода как можно более производительными и как можно более приятными для жизни во всех отношениях.

Та огромная масса работ, которую вы тотчас же предпримете, будет сильнее способствовать улучшению участи бедного класса, чем это могли бы сделать самые щедрые милостыни; таким путем богатые, нисколько не теряя от денежных жертв, будут богатеть одновременно с бедными.

До настоящего времени духовенство ставило перед верующими как назначение их жизни лишь метафизическую цель: рай небесный. В результате клир оказался облочен-

ным совершенно произвольной властью, которою он стал притом злоупотреблять самым невероятным, самым бессмысленным образом. Так, одни убеждали своих клиентов, что для достижения рая они должны истязать свою плоть бичеванием; другие — что нужно мучить себя ношением власяницы; третьи — что следует отказаться от пищи; четвертые — что нужно есть только одну рыбу и воздерживаться от мяса; пятые — что нужно ежедневно прочитывать неимоверное количество молитв, почти без исключения не имеющих никакого смысла и притом написанных на неизвестном для огромного большинства верующих языке; шестые — что нужно значительную часть дня проводить на коленях в церкви — все это такие вещи, которые не могут ни в какой степени способствовать улучшению участи бедного класса.

Такой образ действий духовенства мог и должен был существовать во время младенческого состояния религии, но теперь, когда наши понятия стали яснее и определеннее, продолжение подобных мистификаций было бы позорно для римского двора. Конечно, все христиане стремятся к вечной жизни, но единственное средство достигнуть ее состоит в том, чтобы в течение земной жизни трудиться для роста благосостояния человеческого рода.

Святейший отец! В настоящий момент человечество переживает великий интеллектуальный кризис. Обнаруживаются три новых

явления: возрождаются искусства, над всеми отраслями наших знаний преобладают точные науки, а великие комбинации промышленности улучшают положение бедных классов более действительно, чем любое из мероприятий, проведенных до сих пор как светской, так и духовной властью.

Эти три явления имеют мирный характер; следовательно, в ваших интересах, в интересах духовенства связать себя с ними. Посредством такой связи вы имеете возможность в короткое время и без больших препятствий создать организацию человечества, наиболее благоприятную для повышения морального и физического состояния наиболее многочисленного класса. Таким путем власть кесаря, нечестивая по своему происхождению и по своим притязаниям, окажется совершенно уничтоженной.

Если же вы, напротив, отнесете искусства, науки и великие промышленные предприятия к делам нечестивым или по крайней мере к мало угодным богу; если вы будете стремиться продлить свое господство над людьми теми же средствами, которые в средние века служили вашим предшественникам для приобретения его; если вы попрежнему будете преподносить мистические идеи как самые важные для счастья человечества, — художники, ученые и руководители промышленности объединятся с кесарем против вас. Они откроют глаза народным массам на бессмысленность ваших учений, на чудовищные зло-

употребления вашей власти, и в вашем распоряжении не останется другого средства сохранить свое социальное существование, как стать орудием в руках светской власти. Кесарь же использует вас, чтобы противодействовать прогрессу цивилизации, продолжая попрежнему направлять внимание народа на мистические и суеверные идеи и всеми силами отвращать его от приобретения познаний в области искусств, опытных наук и промышленных комбинаций. Внушать уважение к светской власти, с которой вы до сих пор вели борьбу, — вот в чем будет состоять ваше главное занятие; проповедывать пассивное повиновение королям, доказывать, что они никому не должны давать отчета в своих действиях, кроме одного бога, и что их подданные ни в коем случае не могут отказывать им в повиновении, не впадая в преступление, — вот каким способом вы сохраните свои почести и свои богатства.

Мне остается, святейший отец, сказать вам еще об одном весьма важном предмете.

Единство папской организации было по существу только единством управления; его было достаточно, чтобы связывать между собой до сих пор различные разряды духовенства, потому что само духовенство и еще более миряне находились еще в состоянии невежества. В настоящее время это единство не может более создавать достаточной связи; нужно, чтобы вы ясно установили единство реальной цели в деятельности духовен-

ства; нужно, чтобы папы давали публичный отчет в каждом своем действии, нужно, чтобы они ясно показали, чем эти действия могут способствовать улучшению морального и физического состояния наиболее многочисленного класса.

Папы не должны больше считаться с теми мотивами, которые они держат у себя на уме».

4. Лютер был человек весьма энергичный и одаренный критическими способностями; крупнейшие способности он проявил только в этой области. Так, он с большой страстью и полнотой доказал, что римский двор сошел с христианского пути, что он, с одной стороны, стремится к самовластию, а с другой — старается соединиться с господствующими классами против бедных и что правоверные должны принудить его к реформе.

Но та часть его деятельности, которая касалась реорганизации христианства, была гораздо ниже того, чем она должна была быть: вместо того чтобы принять необходимые меры для поднятия социального значения христианской религии, он содействовал возвращению ее к точке своего отправления, он снова поставил ее вне социальной организации. Поэтому он признал, что власть кесаря есть власть, от которой происходят все другие; за своим духовенством он сохранил лишь право обращаться со смиренной просьбой к светской власти; благодаря таким установкам, он обрек людей с миролюбивыми

склонностями на постоянную зависимость от людей с неистовыми страстями и воинственными наклонностями.

Он втиснул, таким образом, христианскую мораль в те узкие пределы, которые были положены первым христианам тогдашним состоянием цивилизации.

Итак я обосновал обвинение в ереси, которое я предъявляю протестантам на основании принятой ими морали, морали, находящейся далеко позади современной нам цивилизации.

Во-вторых, я обвиняю протестантов в ереси на следующем основании:

Я обвиняю их в том, что они приняли плохой культ.

Чем больше общество совершенствуется в моральном и физическом отношении, тем больше разделение труда в умственной и физической работе; таким образом, внимание людей в обыденной жизни направляется на все более специальные предметы, по мере того как развиваются искусства, науки и промышленность.

Отсюда следует, что общество, чем больше прогрессирует, тем больше нуждается в совершенствовании культа, ибо культ имеет целью привлекать внимание людей, регулярно собирающихся вместе в день отдыха, к интересам, общим всем членам общества, всему человечеству.

Реформатор Лютер, а после его смерти — руководители реформированных церквей должны были искать средства к тому, чтобы сделать культ возможно более способным сосредоточить внимание верующих на их общих интересах.

Они должны были изыскать пути и средства, наиболее благоприятные для того, чтобы полностью развернуть перед верующими основной принцип христианской религии: все люди должны относиться друг к другу как братья. Они должны были приобщить их ум к этому принципу, приучить их применять его ко всем общественным отношениям, помешать им упускать его из виду в обыденной жизни, как бы специальные ни были области их повседневных занятий.

А чтобы толкать мысль людей к какой бы то ни было идее, чтобы твердо вести их в каком-либо направлении, существуют два хороших средства: следует возбуждать в них страх картиной ужасных бедствий, которые могут их постигнуть в случае поведения, не согласного с тем, какое им предписано, или же соблазнять их теми радостями, которые необходимо будут вытекать из их стараний действовать в направлении, им указуемом.

Чтобы вызвать этими двумя приемами наиболее сильное и полезное действие, нужно комбинировать все средства, все возможности, какие могут предложить искусства.

Проповедник, естественно призванный пользоваться главнейшим из искусств — красноречием, должен заставить свою аудиторию трепетать перед картиной ужасного положения, в котором оказывается в этой жизни человек, заслуживший общественное презрение; он должен показать божью руку, вознесенную над человеком, все чувства которого не подчинены человеколюбию.

Или же он должен вызвать в душе слушателей чувства более возвышенные и бодрые, внушая им представление о превосходстве радости, какую дает общественное уважение, над всеми другими радостями.

Усилия проповедников должны поддержать поэты; они должны доставлять культу поэтические сочинения, годные для исполнения хором, так чтобы все верующие становились как бы проповедниками друг для друга.

Музыканты должны обогатить своими аккордами религиозную поэзию, придать ей музыкальный характер, проникающий в душу верующих.

Живописцы и скульпторы должны сосредоточивать внимание христиан в храмах на наиболее выдающихся христианских подвигах.

Архитекторы должны сооружать храмы так, чтобы проповедники, поэты и музыканты, живописцы и скульпторы могли по желанию зарождать в душе верующих или чувство страха или чувство радости и надежды.

Теперь ясно, на каких основах должен быть поставлен культ и какими средствами нужно пользоваться, чтобы сделать его полезным обществу.

Что же сделал в этом отношении Лютер? Он свел культ реформированной церкви к простому проповедничеству; все христианские чувства он, сколько мог, пропитал прозаическим духом; он удалил из храмов всякие скульптурные и живописные украшения; он упразднил музыку и отдал предпочтение таким церковным зданиям, незначительные формы которых менее всего способны располагать сердца верующих страстно стремиться к общему благу.

Протестанты не преминут возразить мне так: если у католиков много поют, если их храмы украшены произведениями величайших мастеров живописи и скульптуры, то зато проповеди реформатских пасторов производят на слушателей с точки зрения общественного блага действие, гораздо более плодотворное, чем все речи католических проповедников; главная цель последних всегда состоит в том, чтобы заставить верующих папского исповедания давать как можно больше денег на расходы по культу и на содержание духовенства; поэтому нельзя отрицать, что протестантский культ следует предпочесть католическому.

На это я отвечаю: цель моей работы не заключается вовсе в исследовании того, какая религия менее еретична — протестант-

ская или католическая; я взялся доказать, что они обе еретичны, хотя и в разной степени, т. е. что ни та, ни другая не является христианской. Я взялся показать, что с XV столетия христианство было покинуто; я взялся восстановить христианство, омоложив его. Я ставлю себе целью подвергнуть эту религию (в высшей степени проникнутую человеколюбием) очищению, которое освободит ее от всех суеверных и бесполезных верований и обычаев.

Новое христианство призвано доставить торжество принципам общей морали в той борьбе, которая происходит между этими принципами и стремлениями достигнуть частичного блага за счет блага общего. Эта обновленная религия призвана создать для всех народов состояние вечного мира, объединяя их против той нации, которая пожелала бы достигнуть своего частного блага за счет общего блага всего человечества, объединяя их против всякого правительства, которое проникнуто антихристианским духом до такой степени, чтобы общенациональные интересы принести в жертву частным интересам правителей. Она призвана связать между собой людей науки, художников и промышленников и сделать их как общими руководителями человечества, так и защитниками специальных интересов всех отдельных народов, его составляющих. Она призвана поставить искусства, опытные науки и промышленность во главе священных знаний,

между тем как католики отнесли их к мирским. Она призвана, одним словом, предать анафеме богословие и провозгласить нечестивым всякое учение, стремящееся направлять людей к вечной жизни какими-либо другими средствами, кроме посильных трудов на улучшение участи себе подобных.

Я ясно высказался о том, чем должен быть культ, чтобы создать наиболее благоприятные условия для привлечения в дни отдыха внимания верующих к христианской морали.

Я убедительно доказал, что протестантский культ лишен наиболее действительных вспомогательных средств для развития в душе верующих страстного стремления к общему благу. Я доказал, следовательно, что второе обвинение протестантизма в ереси имеет основание.

В-третьих, я предъявляю протестантам обвинение в ереси по следующему пункту:

Я обвиняю их в том, что они приняли плохую догму.

В то время, когда религия находилась еще в младенческом состоянии, когда народы были еще погружены в невсжество, их любознательность лишь в весьма слабой степени толкала их к изучению явлений природы, честолюбие человека не поднималось до такой высоты, чтобы пожелать господствовать над всей планетой и изменять ее наиболее выгодным для себя образом, у людей

было тогда мало ясно осознанных потребностей, но их возбуждали сильнейшие страсти, имевшие своим основанием смутные желания, неопределенные влечения и прежде всего какое-то предчувствие огромного дела, которое они призваны выполнить в природе. Торговля, которая впоследствии просветила мир, находилась еще только в зачаточном состоянии; каждый маленький народец был враждебно настроен по отношению ко всему остальному роду человеческому, и граждане не были связаны никакими моральными узами со всеми, кто не входил в состав их общины. Благодаря этому человеколюбие в ту эпоху могло существовать лишь как чисто отвлеченное чувство.

В то время все народы делились на два больших класса: класс господ и класс рабов; религия могла оказывать сильное влияние только на господ, потому что только они могли действовать свободно по своему усмотрению; мораль могла быть лишь наименее развитой частью религии, ибо не было взаимности общих обязанностей между двумя большими классами, на которые разделялось общество; гораздо большее значение сравнительно с моралью должны были иметь культ и догма; религиозные обряды, а также рассуждения об их пользе и верования, на которых они были основаны, были теми отделами религии, которые должны были более всего привлекать как священнослужителей, так и всю массу верующих.

Одним словом, материальная сторона религии играла тем более важную роль, чем ближе это учреждение к своему началу; духовная же сторона неизменно приобретала все большее значение по мере того, как развивался человеческий разум.

В настоящее время культ должен рассматриваться лишь как средство привлечения в дни отдыха внимания людей к человеколюбивым размышлениям и чувствам, а догма должна приниматься лишь как собрание толкований, имеющих своей целью общее применение этих размышлений и этих чувств к великим политическим событиям, которые могут произойти, или же облегчить верующим применение морали к существующим между ними повседневным отношениям.

Я разберу теперь, что думал о догме Лютер, что он об этом сказал и что он предписал в этом отношении протестантам.

Лютер полагал, что христианство в момент своего возникновения представляло собой нечто совершенное, и что со времени своего основания оно все более и более повреждалось. Этот реформатор сосредоточил все свое внимание на ошибках, которые совершило духовенство в продолжение средних веков, но он совершенно не заметил ни огромного движения вперед, которое сообщили цивилизации священнослужители, ни великого общественного значения, которое они придали людям мирного труда, уменьшив могущество и значение светской власти, этой

нечестивой власти, по самой природе своей стремящейся подчинить людей господству физической силы и управлять народами для своей выгоды. Лютер предписал протестантам изучать христианство по книгам, написанным в эпоху его основания, и особенно по Библии. Он заявил, что не признает никаких других догматов, кроме тех, которые изложены в священном писании.

Такое заявление Лютера было так же нелепо, как нелепо было бы утверждение математиков, физиков, химиков и всех других ученых, что разрабатываемые ими науки должны изучаться по первым произведениям, трактующим об их предметах.

Все сказанное сейчас мною несколько не противоречит вере в божественность основателя христианства; Иисус мог говорить с людьми только на языке, доступном их пониманию в ту эпоху, когда он к ним обращался; он дал в руки своим апостолам зародыш христианства и поручил своей церкви развить этот драгоценный зародыш; он возложил на нее заботы об уничтожении всех политических прав, происшедших от права сильнейшего, и всех учреждений, которые служили препятствием к улучшению морального и физического существования беднейшего класса.

Достаточные данные для твердого и определенного суждения о причинах явлений получаются посредством их изучения и тщательнейшего анализа их последствий. Я пойду по этому пути и разберу отдельно глав-

нейшие отрицательные последствия, которые вытекали из ошибки Лютера, сосредоточившего на Библии слишком уж специальное внимание протестантов: из этого разбора естественно будет вытекать заключение, что третье мое обвинение протестантской религии в ереси оказывается обоснованным.

Четыре серьезных отрицательных явления произошли из слишком углубленного изучения Библии протестантами.

1. Такое изучение устранило с их горизонта идеи положительного и современного значения; оно привило им вкус к бесцельным изысканиям и внушило склонность к метафизике. И действительно, на севере Германии, являющемся очагом протестантизма, во всех произведениях наиболее известных философов и наиболее популярных романистов господствует какая-то смутность идей и чувств.

2. Такое изучение загрязняет воображение образами многочисленных бесстыдных пороков, какие только можно себе представить, изжитых уже цивилизацией, как скотоложство и кровосмешительство во всех степенях.

3. Такое изучение останавливает внимание на политических стремлениях, противоречащих общественному благу; оно побуждает управляемых к установлению в обществе такого равенства, которое совершенно неосуществимо; оно мешало протестантам работать над образованием такой политической системы, в которой общие интересы были бы в

руках людей, наиболее способных в области опытных наук, искусств, промышленных комбинаций,—наилучшей социальной системы, какой только может достигнуть человеческий род, ибо она самым прямым и действительным образом способствовала бы улучшению морального и физического существования бедняков.

4. Такое изучение внушает всем занимающимся им склонность считать его самым важным занятием; это приводит к образованию библейских обществ, распространяющих среди публики миллионы экземпляров Библии ежегодно. Вместо того чтобы посвятить свои силы выработке и распространению учения, соответствующего состоянию цивилизации, эти мнимохристианские общества дают человеколюбивым чувствам ложное направление, противоречащее общественному благу; думая служить прогрессу человеческого духа, они, наоборот, заставили бы его двигаться назад, если бы это было когда-либо возможно.

Из этих четырех важных фактов я заключаю, что мое третье обвинение протестантов в ереси с точки зрения усвоенной ими догмы вполне обосновано.

Я должен был подвергнуть протестантизм наиболее суровой критике, чтобы дать протестантам почувствовать, насколько несовершенна была реформа Лютера и насколько она уступает новому христианству; но, как я заявил в самом начале своего разбора трудов

Лютера, я не менее глубоко сознаю, какие большие услуги, несмотря на все его многочисленные ошибки, он оказал обществу критической частью своей реформы. Кроме того, моя критика относится к протестантскому учению, рассматриваемому протестантами как окончательная реформа христианства, но она далека от того, чтобы нападать на непреклонный дух Лютера. Когда переносишься в те времена, когда он жил, в те обстоятельства, с которыми ему приходилось бороться, то понимаешь, что он сделал все, что можно было тогда сделать, чтобы заложить основы реформы и заставить их принять. Утверждая, что мораль должна привлекать внимание верующих в гораздо большей степени, чем культ и догма, Лютер подготовил новую реформу христианской религии, хотя протестанская мораль и не соответствовала состоянию современной цивилизации. Однако новое христианство вовсе не следует рассматривать как усовершенствование протестантизма. Новая формула, в которой я выражаю первоначальный принцип христианства, находится совершенно вне рамок каких бы то ни было улучшений, которым до сих пор подвергалась христианская религия.

На этом я останавлиюсь. Я полагаю, господин Консерватор, что я достаточно развил свои взгляды на новое христианское учение, чтобы вы могли теперь же вынести свое первое суждение о нем. Скажите, считаете ли вы, что я хорошо проникся духом христиан-

ства, признаете ли вы, что мои усилия обновить эту возвышенную религию отнюдь не искажают ее первоначальной чистоты.

Консерватор. Я внимательно следил за вашей речью. По мере того как вы говорили, мои собственные мысли прояснялись, мои сомнения рассеивались, и я чувствовал, как вырастала моя любовь, мое восхищение христианской религией; моя приверженность к религиозной системе, просветившей Европу, ничуть не мешала мне понимать, что ее можно сделать совершеннее, и в этом отношении вы меня окончательно убедили.

Совершенно очевидно, что преподанный богом своей церкви моральный принцип — все люди должны относиться друг к другу как братья — включает в себе все идеи, которые вы вкладываете в это наставление: каждое общество должно работать над улучшением морального и физического существования самого бедного класса; общество должно быть организовано так, чтобы наилучшим образом притти к этой великой цели.

Верно и то, что при зарождении христианства этот принцип должен был быть выражен в первой формуле и что в настоящее время должна быть применена вторая формула.

Во время основания христианства, сказали вы, общество было разделено на два со-

вершенно различных по своей политической природе класса: класс господ и класс рабов; это были как бы две различные, хотя и перемешанные между собой, человеческие породы. Тогда не было никакой возможности установить полную взаимность в моральных отношениях этих двух пород; поэтому божественный основатель христианской религии и ограничился тем, что возвестил свой принцип морали в такой форме, чтобы сделать его обязательным для всех индивидуумов каждой человеческой породы: провозгласить свой принцип как связующее начало, ссоединяющее господ и рабов, он тогда не мог.

Мы живем в такую эпоху, когда рабство совершенно уничтожено; теперь существуют только люди одной и той же политической породы, классы отличаются один от другого не более, чем оттенками. Из такого положения вещей вы заключаете, что основной принцип христианства должен быть представлен такой формулой, которая делала бы его обязательным для целых масс в их отношениях между собой, не теряя своего обязательного характера для отдельных лиц в их индивидуальных отношениях. Я считаю ваше заключение правильным и в высшей степени важным, и с этого момента я, как новый христианин, присоединяю к вашим и свои усилия для распространения нового христианства.

Но тут я хочу сделать вам кое-какие замечания по поводу общего хода ваших рассуждений. Новая формула, в которой вы выражаете принцип христианства, охватывает всю вашу систему общественной организации; эта система опирается одновременно на философские соображения, касающиеся области науки, искусств и промышленности, и на религиозное чувство, наиболее распространенное во всем цивилизованном мире, на чувство христианское.

Ну что ж! Почему бы эту систему, составляющую предмет всех ваших мыслей, не представить с самого начала с чисто религиозной точки зрения, с наиболее возвышенной и наиболее популярной точки зрения? Зачем вам было обращаться к промышленникам, к ученым и к художникам вместо того, чтобы идти с религией прямо в народ? И даже в настоящий момент зачем губить драгоценное время на критику католиков и протестантов вместо того, чтобы теперь же установить ваше религиозное учение? Хотите ли вы, чтобы о вас сказали то же, что вы сказали о Лютере: он хорошо критиковал, но плохо учил?

Умственные силы человека весьма ограничены; только сосредоточивая их на одной какой-нибудь цели, только направляя их к одной точке, можно вызвать значительные последствия и достигнуть важных результатов. Почему же вы употребляете свои силы в первую очередь на критику вместо того,

чтобы начать с учения? Почему вы открыто и с самого же начала не приступаете прямо к вопросу о новом христианстве?

Вы нашли средство сломить религиозное безразличие наиболее многочисленного класса, ибо бедный люд не может оставаться равнодушным к такой религии, которая провозглашает своей целью возможно скорейшее улучшение его физического и морального существования.

Так как вам удалось воспроизвести основной принцип христианства в совершенно новом виде, то не должна ли была ваша первая забота заключаться в пропаганде этого возрожденного принципа среди класса, который больше всего заинтересован в его признании? Так как этот класс сам по себе бесконечно более многочислен, чем все остальные вместе взятые, то успех вашего начинания не подлежал бы сомнению.

Надо было сначала приобрести многочисленных сторонников, чтобы обеспечить себе поддержку в ваших нападках на католиков и протестантов.

Словом, как только вы ясно сознали силу, плодотворность и неопровержимость своей концепции, вам следовало немедленно воплотить ее в учение без всяких предосторожностей и без всякой тревоги за то, что его распространение встретит какие-либо политические препятствия или какие-либо серьезные возражения.

Вы говорите: «Общество должно быть

организовано согласно принципу христианской морали; все классы должны всеми силами способствовать улучшению морального и физического существования людей, составляющих наиболее многочисленный класс; все общественные учреждения должны со всей возможной энергией и неуклонностью спешествовать достижению этой великой религиозной цели.

При настоящем состоянии просвещения и цивилизации ни одно политическое право не должно основываться на праве сильнейшего по отношению к отдельным лицам, на праве завоевания по отношению к массам; королевская власть законна только в том случае, если короли употребляют ее на то, чтобы заставить богачей стремиться к улучшению морального и физического существования бедняков».

Какие препоны может встретить подобное учение? Разве те, кто заинтересован в его поддержке, не бесконечно многочисленны тех, кому выгодно помешать его осуществлению? Сторонники этого учения имеют опору в принципе божественной морали, в то время как его противники не могут противопоставить ему другого оружия, кроме привычек, приобретенных еще в эпоху невежества и варварства и нашедших поддержку в принципах иезуитского эгоизма.

Таким образом, я полагаю, что вам следовало непосредственно приступить к пропаганде вашего учения и подготовить миссии всех

цивилизированных народов, чтобы убедить их его принять.

Новатор. Новые христиане должны развить те же черты и идти по тому же пути, что и христиане первоначальной церкви; чтобы содействовать принятию своего учения, они не должны прибегать к другим средствам, кроме силы разума. Только путем убеждения и доказательств они должны стремиться обращать католиков и протестантов; только посредством убеждения и доказательств им удастся склонить этих заблудших христиан отречься от ереси, которой заражены папская и лютеранская религии, и искренне принять новое христианство.

Новое христианство, подобно христианству первоначальному, будет поддерживаться, распространяться и защищаться силой морали и всемогущим общественным мнением; и если бы, к несчастью, его принятие повлекло за собой акты насилия и несправедливые приговоры, то новые христиане сами покорились бы этим актам насилия и несправедливым приговорам, но они ни в коем случае не употребят физическую силу против своих противников, ни в коем случае они не будут фигурировать ни в качестве судей, ни в качестве палачей.

После того как найдено средство обновить христианскую религию, подвергнув изменению ее основной принцип, моей первой заботой было, должно было быть принятие всех

необходимых мер предосторожности, чтобы распространение нового учения не толкнуло бедный класс к актам насилия против богатых и правительств.

Я должен был сначала обратиться к богатым и сильным, чтобы расположить их в пользу нового учения, я должен был внушить им, что оно совершенно не идет в разрез с их собственными интересами, ибо улучшить моральное и физическое существование бедного класса явно невозможно другими средствами, кроме тех, которые приводят к увеличению наслаждений богатого класса.

Я должен был внушить художникам, ученым и руководителям промышленного труда, что их интересы по существу совпадают с интересами народных масс, что они принадлежат к классу трудящихся, являясь в то же время его естественными вождями, что одобрение народными массами услуг, которые они им оказывают, есть единственная награда, достойная их славного труда. На этом обстоятельстве, ввиду его чрезвычайно значения, мне нужно было особенно настаивать, так как это единственное средство дать народам вождей, действительно заслуживающих их доверия, вождей, способных направлять их воззрения, чтобы они были в состоянии здраво судить о том, соответствуют ли те или иные политические мероприятия интересам большинства населения или же противоречат им. Наконец, я должен

был точно указать католикам и протестантам момент, когда они вступили на ложный путь, чтобы облегчить им возможность вернуться на правильный. На этом мне нужно было настаивать потому, что обращение католического и протестантского духовенства дало бы новому христианству сильнейшую опору.

После этого пояснения я возвращаюсь к изложению своих взглядов. Я вовсе не стану останавливаться на всех религиозных сектах, происшедших от протестантизма; наиболее важная из них, религия англиканская, настолько тесно связана с национальными учреждениями Англии, что она может быть надлежащим образом рассмотрена только в связи со всей совокупностью этих учреждений, а это я рассмотрю, когда перейду, как я уже об этом заявлял, к разбору всех духовных и светских учреждений Европы и Америки. Греческий раскол¹³² находился до сих пор вне европейской системы, и о нем я вовсе не буду говорить; впрочем, все элементы критики этих различных ересей заключаются в критике протестантизма.

Но моя цель — не только доказать ерeticность католиков и протестантов; для полного обновления христианства мне не достаточно доставить ему торжество над всеми прежними религиозными философиями, — мне нужно также доказать его научное превосходство над всеми учениями философов, подвизавшихся вне религии. Развитие этой идеи

я должен отложить до другой беседы, а пока я вам дам беглый обзор моего труда в его целом.

Род человеческий никогда не переставал двигаться вперед, но действовал он не всегда одинаково и не всегда употреблял одни и те же средства для увеличения запаса своих познаний и для поднятия своей цивилизации: напротив, наблюдение показывает, что с XV в. и до наших дней он шел путем, противоположным тому, которым шел от основания христианства и до XV столетия.

Начиная с основания христианства и до XV в. человечество было главным образом занято согласованием своих общих чувствований, установлением всеобъемлющего и единого принципа, созданием общего института, имеющего целью поставить аристократию таланта над аристократией рождения и вместе с тем подчинить все частные интересы общему интересу. В течение всего этого периода непосредственные наблюдения в области частных интересов, отдельных фактов и второстепенных принципов находились в пренебрежении, они стояли очень низко в умах людей; господствовало убеждение, что второстепенные принципы должны быть выведены из общих фактов и всеобъемлющего принципа, — убеждение чисто умозрительного характера, так как ум человеческий совершенно не обладает средствами устанавливать с достаточной точ-

ностью общие понятия, чтобы из них можно было, как прямые следствия, выводить все частные явления.

С этим важным положением связаны и наблюдения, изложенные мною в настоящем диалоге при разборе католицизма и протестантизма.

После распада в Европе духовной власти в результате восстания Лютера, после XV века, человеческий ум отрешился от слишком общих точек зрения, он устремился в частности, он занялся анализом отдельных фактов, особых интересов различных классов общества; он стал работать над установлением принципов вторичного порядка, принципов, которые могли бы служить основанием для разных отраслей его знаний. В этот второй период сложилось убеждение, что рассуждения об общих фактах, общих принципах и общих интересах всего человечества — пустые и метафизические рассуждения, не способные оказать реальное содействие успехам просвещения и совершенствованию цивилизации.

Таким образом, после XV века человеческий ум пошел в направлении, обратном тому, каким он шел до этой эпохи, и бесспорно, что важные и положительные успехи, которые явились в результате этого поворота во всех областях наших знаний, неопровержимо доказывают, насколько наши предки эпохи средних веков ошибались, считая мало полез-

ным изучение отдельных фактов, вторичных принципов и анализ частных интересов.

Но равным образом верно и то, что для общества получился весьма существенный вред от пренебрежения, в котором после XV столетия оказалось изучение общих явлений, общих принципов и общих интересов. Пренебрежение этими проблемами породило эгоистическое чувство, приобретшее господство во всех классах и у всех индивидуумов. Это эгоистическое чувство, получившее господство во всех классах и у всех индивидуумов, облегчило кесарю возможность вернуть себе значительную часть политической власти, которую он утратил до XV столетия. В этом-то эгоизме и следует видеть причину политической болезни нашего времени, которая обрекает на страдания всех полезных обществу работников, болезни, которая дает возможность королям поглощать наибольшую часть заработка бедняков для своих личных затрат, для затрат своих придворных льстецов и своих солдат, болезни, которая заранее создает непомерные преимущества для королевской власти и родовой аристократии по сравнению с уважением, которое подобает ученым, художникам и руководителям промышленного труда за оказываемые ими обществу непосредственно полезные и положительные услуги.

Поэтому в высшей степени желательно, чтобы деятельность, направленная на развитие наших познаний в области общих явле-

ний, общих принципов и общих интересов. поскорее приобрела свою прежнюю активность, чтобы она отныне пользовалась таким же покровительством общества, как и деятельность, имеющая целью изучение отдельных фактов, второстепенных принципов и частных интересов.

Таков беглый обзор идей, которые будут развиты в нашей второй беседе; ее предметом будет изложение христианского учения с теоретической и научной точки зрения и доказательство превосходства христианской теории над всеми другими как религиозными, так и научными и философскими теориями специального характера.

Наконец, в третьей беседе я буду непосредственно трактовать новое христианство, или христианство законченное. Я изложу его мораль, его культ и его догму; я предложу исповедание веры для новых христиан.

Я покажу, что это учение есть единственное социальное учение, которое при настоящем состоянии просвещения и цивилизации могло бы удовлетворить европейцев. Я докажу, что принятие этого учения дает самое лучшее и самое мирное средство избавиться от огромных затруднений, возникших в результате происшедшего к XV в. захвата духовной власти физической силой, и прекратить этот захват путем реорганизации духовной власти на новых основаниях, путем предоставления ей достаточной силы для

обуздания неограниченных притязаний светской власти.

Я докажу далес, что принятие нового христианства, подвигая вперед одновременно и разработку обобщений человеческих знаний и усовершенствование специальных дисциплин, ускорит прогресс цивилизации бесконечно сильнее, чем этого могла бы достигнуть какая-либо другая общая мера.

Я кончаю эту первую беседу, свободно излагая перед вами свои мысли о христианском откровении.

Мы, конечно, значительно превосходим своих предшественников в области положительных и специальных наук; только с XV в. и особенно с начала последнего столетия мы достигли огромных успехов в математике, химии, физике и физиологии. Но существует наука, гораздо более важная для общества, чем физические и математические знания, наука, складывающая общество, служащая ему основанием, это — мораль. Мораль же следовала по пути, совершенно противоположному пути физических и математических наук. Вот уже болес восемнадцати веков, как провозглашен ее основной принцип, и после этого уже никакие изыскания людей крупнейшего ума не могли открыть более высокого по своей всеобщности и определенности принципа, чем принцип, который в то время был преподан основателем христианства. Скажу больше: когда общество утратило этот принцип, когда оно перестало считать

его общим руководящим началом своего поведения, оно тотчас снова подпало под иго кесаря, т. е. под власть физической силы, которую этот принцип подчинил силе умственной.

Я спрашиваю теперь: разве тот разум, который восемнадцать веков тому назад провозгласил направляющий человеческую жизнь принцип и, следовательно, провозгласил его за пятнадцать столетий до наших важнейших успехов в области физических и математических наук,—разве этот разум, спрашиваю я, не имеет явно сверхчеловеческих свойств и разве существует лучшее доказательство христианского откровения?

Да, я верю, что христианство есть божественное установление, и я убежден, что бог оказывает особое покровительство тем, кто стремится подчинить все человеческие учреждения основному принципу этого высокого учения; я убежден, что и сам я выполняю божественное предначертание, призывая народы и королей к истинному духу христианства. И полный веры в божественное покровительство, оказываемое, в частности, моей деятельностью, я чувствую в себе отвагу обратиться к объединившимся королям Европы, давшим своему союзу имя Священного союза, по поводу их поведения; я обращаю свою речь прямо к ним и осмеливаюсь сказать им:

Государи!

Какова природа, каковы свойства власти, которой вы обладаете в глазах бога и христиан?

Каковы основы системы общественной организации, которую вы стараетесь установить? Какие меры приняли вы для улучшения морального и физического существования бедного класса?

Вы называете себя христианами, но вы все еще основываете свою власть на физической силе, вы все еще не что иное, как преемники кесаря, вы забываете, что истинные христиане считают конечной целью своей деятельности полное уничтожение власти меча, власти кесаря, которая по своей природе есть власть временная.

И эту-то власть вы задумали положить в основу общественной организации? Только ей одной принадлежит, по-вашему, руководящая роль в области всех улучшений общего характера, требуемых прогрессом просвещения. Чтобы поддержать эту чудовищную систему, вы держите под ружьем два миллиона людей, вы заставили все суды принять ваш принцип, вы добились от духовенства католического, протестантского и греческого открытой проповеди еретического взгляда, что власть кесаря и есть власть, регулирующая христианское общество.

Призывая народы к христианской религии

символом вашего союза, предоставляя им пользоваться миром, этим высшим их благом, вы тем не менее не вызвали с их стороны никакой признательности; в ваших расчетах, которым вы приписываете значение общего интереса, слишком преобладает ваш личный интерес. Высшая власть в Европе, сосредоточенная в ваших руках, далека от того, чтобы быть христианской властью, какой она должна была стать. С самого начала своей деятельности вы обнаруживаете характерные черты и отличительные признаки силы физической, силы противохристианской.

Все сколько-нибудь значительные мероприятия, которые вы провели со времени вашего объединения в Священный союз, все эти мероприятия сами по себе имеют тенденцию ухудшить участь бедного класса, и не только настоящего поколения, но и тех поколений, которые за ним последуют. Вы увеличили налоги, вы увеличиваете их из года в год для того, чтобы покрыть всё растущие расходы, обусловленные вашими наемными армиями и роскошью ваших царедворцев. Из ваших подданных особое покровительство вы оказываете дворянскому классу, который так же, как и вы сами, основывает все свои права на мече.

Впрочем, ваше заслуживающее порицания поведение кажется извинительным с некоторых точек зрения. Вас должно было ввести в заблуждение одно обстоятельство,— то одобрение, которое встретили ваши совме-

стные усилия, направленные на ниспровержение власти новейшего кесаря. Борясь против него, вы действовали весьма по-христиански, но это исключительно потому, что приобретенная Наполеоном власть кесаря обладала гораздо большей силой, чем власть, оказавшаяся в ваших руках, в которые она попала лишь по преемству. Ваше поведение имеет еще и другое извинение,— то, что духовенство, которое должно было остановить вас на краю пропасти, бросилось в нее вместе с вами.

Государи!

Внемлите гласу бога, говорящего вам моими устами: станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестивых судей своей главной опорой. Объединенные во имя христианства, сумейте выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает употребить все силы на то, чтобы возможно быстрее увеличить социальное благополучие бедняка.

КОММЕНТАРИИ

АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН

(Биографический очерк)

Клод Анри де Рувруа Сен-Симон происходил из старинного французского аристократического рода, ведшего свое происхождение от императора Карла Великого и давшего ряд видных царедворцев и крупных военных и административных деятелей. Наиболее выдающимся из них был герцог и пэр Франции Луи де Рувруа Сен-Симон, прославившийся своими «Мемуарами»; Анри Сен-Симон неоднократно с гордостью указывал на родство с ним. Родители Сен-Симона — отец, граф Бальтазар Анри Сен-Симон (1721—1783), и мать, тоже из рода Сен-Симонов, — владели поместьем в северной части Франции, в провинции Пикардии. В Париже, где они обычно проводили зиму, у них был свой дом-особняк. Сен-Симоны были достаточно состоятельны и культурны, чтобы дать своим детям прекрасное образование.

Клод Анри Сен-Симон родился в Париже 17 октября 1760 г. Он получил домашнее образование под руководством превосходных преподавателей, сообщавших ему, по его собственным словам, такое огромное количество знаний, что он не был в состоянии как следует подумать над ними и привести их в какую-либо систему. Эта бессистемность сказалась во всей жизни и литературной деятельности Сен-Симона.

Мальчик с ранних лет отличался прекрасными способностями, памятью, любознательностью, а вместе с тем впечатлительностью и сильной волей. Среди его наставников видную роль играл знаменитый «энциклопедист» Д'Аламбер. Под его влиянием у Сен-Симона с ранних лет возник интерес к точным наукам, склонность к материалистической философии, развилось критическое отношение к религиозным суевериям.

Это обнаружилось уже очень рано, когда Сен-Симону исполнилось 13 лет. Ему предстояло принять так называемое таинство первого причастия, которым обусловлено было вступление в лоно церкви согласно истарившемуся ритуалу. Мальчик решительно отказался от этой церемонии, ссылаясь на то, что не верит в таинства религии, что они не согласуются с его убеждениями, а лицемерить он не намерен. Возмущенный дерзким свободомыслием и ослушанием сына, Бальтазар Сен-Симон отправил мальчика в крепость, чтобы строжайшим содержанием

заставить его вернуться «на путь истины». Но ничто не могло сломить твердую волю юного еретика. Через несколько недель одиночного заключения Сен-Симон убежал из тюрьмы и укрылся у одной своей родственницы, которой с трудом удалось помирить его с отцом и вернуть в родную семью.

Биографы Сен-Симона приводят и другие эпизоды из его детской жизни, рисующие его сильный характер. Вместе с тем у него рано развивается сомнение, складывается и все крепнет убеждение, что он призван к великому подвигу. Рассказывают, что в 15 лет Сен-Симон приказал своему слуге ежедневно будить его по утрам следующими словами: «Вставайте, граф, вас ожидают великие дела». Анри Сен-Симон мечтал о славе на общественном поприще, на поприще служения человечеству, всеобщему счастью.

На семнадцатом году Сен-Симон, по старой дворянской традиции, поступил на военную службу, которую начал в чине младшего лейтенанта, но военная карьера его совершенно не удовлетворяла, она была для него нестерпимо скучна, угнетала своей бессодержательностью. От скуки он спасался в работе над собой, над своим самообразованием. Он жаждал большой, общественно-полезной деятельности. Выход своему стремлению он нашел в революционной борьбе, которую в это время вели американские колонии Англии за свою независимость и свободу. Он с энтузиазмом приветствовал решение французско-

го правительства оказать помощь восставшим, добился принятия его добровольцем в экспедиционный корпус и под начальством своего двоюродного брата маркиза де Сен-Симона отправился в 1779 г. за океан, чтобы принять непосредственное участие в военных действиях против Англии.

В Америке Сен-Симон храбро сражался в рядах французской армии, участвовал в пяти кампаниях, получил несколько контузий, был повышен в военных чинах. Особенно отличился он в знаменитом сражении при Йорктауне, закончившемся в октябре 1781 г. капитуляцией англичан. В 1782 г. Сен-Симон попал в плен, был доставлен на остров Ямайку, но вскоре благодаря счастливому случаю получил свободу. Впоследствии он с гордостью говорил, что «может считать себя одним из основателей свободы Соединенных Штатов».

Однако военные операции сами по себе не увлекали Сен-Симона. «Во время моего пребывания в Америке,— говорит он в «Письмах к американцу»,— я гораздо больше занимался политической наукой, чем военной тактикой. Война сама по себе меня не интересовала, но целью войны я живо интересовался и благодаря этому интересу переносил ее тяготы без отвращения... Я не был призван быть солдатом, меня тянуло к другой, могу сказать, противоположной деятельности: изучать движение человеческого разума, чтобы затем работать над усовер-

шенствованием цивилизации,— такова была цель, которую я себе поставил. Я всецело отдался ей, посвятил ей всю свою жизнь; с тех пор эта новая работа начала занимать все мои силы. Остаток времени моего пребывания в Америке я посвятил размышлению о великих событиях, свидетелем которых я был; я стремился открыть их причины, предвидеть последствия. Особенно привлекало меня изучение тех последствий, которые могли произойти для моей родины».

После войны голова Сен-Симона была полна грандиозных планов научных трудов и проектов практических работ. Прежде чем вернуться на родину, он с острова Ямайки направился в соседнюю Мексику, чтобы предложить вице-королю проект соединения каналом Атлантического океана с Тихим. Проект этот, конечно, оказался в то время неосуществимым (Панамский канал начали проводить лишь через 100 лет после предложения Сен-Симона).

В 1783 г. Сен-Симон вернулся во Францию и, продолжая военную службу, получил чин полковника. Снова наступила томительная, скучная, бессмысленная в его глазах жизнь. Она тем более была ему в тягость, что американские переживания и впечатления, новые освободительные идеи пробудили в нем неукротимое желание пересадить «растение другого мира» на родную почву, толкали его кипучую натуру к активной работе «на благо человечества». «Праздность,

в которой я пребывал,— вспоминал Сен-Симон об этом времени,— мне скоро наскучила. Учение летом, придворная служба зимой — такая жизнь была для меня невыносима». Светлым пятном этого периода его жизни явились лишь лекции знаменитого математика Монжа в военно-инженерной школе в городе Мезьере, где некоторое время стоял полк Сен-Симона, но уже в 1784 г. Монж оставил этот город.

Мятущийся Сен-Симон бросается в разные стороны, путешествует по Европе, обуреваемый грандиозными проектами. В 1785 г. мы видим его в Голландии, в тот момент, когда в этой стране, ослабленной борьбой с Англией, происходили революционные волнения, направленные против штатгальтера. Сен-Симон носился с проектом общей экспедиции Франции и Голландии для захвата английских колоний в Индии. Целый год употребил он на разработку совместно с французским посланником генералом де Вогюоном плана этой экспедиции, в которой он мечтал занять видное положение, но в конце концов проект не был принят Голландией, и Сен-Симон, разочарованный, вернулся во Францию.

В 1787 г. Сен-Симон уже в Мадриде. Его интересует превращение испанской столицы в морской порт посредством канала. Работы по проведению канала были уже начаты раньше, но приостановлены за отсутствием у правительства необходимых средств и ра-

ботников. Сен-Симон вступает в соглашение с крупным финансистом и дельцом, выходцем из Франции, Кабаррюсом. Последний берет на себя финансирование предприятия, а Сен-Симон обязуется обеспечить его работниками и правильной организацией. Испанское правительство заинтересовалось проектом. В это же время Сен-Симон организовал в Испании контору дилижансов. Но вскоре он бросает все свои испанские дела и спешит вернуться во Францию, куда его потянула разразившаяся там революция.

Осенью 1789 г. Сен-Симон прибыл в родную Пикардию. Здесь, в коммуне Фальви, а затем недалеко от нее, в городке Перонн, он старался стать как можно ближе к населению и около двух лет принимал активное участие в его революционных выступлениях, не выходя, впрочем, за рамки местного масштаба. Он публично пропагандировал идеи политического равенства и свободы, составлял приветствие Национальному собранию, требовал отмены всяких привилегий дворянства и духовенства. Он и сам официально отказался от графского титула и дворянского звания; чтобы отрезать путь к прошлому, он с соблюдением всех формальностей переименовал и самое имя свое и превратился таким образом из графа Сен-Симона в «гражданина Бонома» (*bonhomme* — простак, мужик). Но от занятия каких-либо видных выборных должностей Сен-Симон решительно уклонялся. Он отказался от предложен-

ных ему в Перонне постов мэра и начальника местной национальной гвардии, указывая на опасность поручать подобные посты выходцам из бывших привилегированных сословий.

Однако по мере того, как расширялось и углублялось революционное движение, принимая более решительные и насильственные формы, Сен-Симон стал отходить в сторону от революционного потока, а впоследствии, говоря о своем прошлом, не только умалчивал о своей деятельности в 1789—1791 гг., но и прямо отрицал ее — скорее всего потому, что не хотел компрометировать себя в глазах правительств Наполеона и Людовика XVIII.

Вспоминая в автобиографической записке 1808 г. свое отношение к революции, Сен-Симон писал: «Революция уже началась, когда я вернулся во Францию. Я не хотел в нее вмешиваться, потому что, с одной стороны, и без того был убежден в недолговечности старого строя, а с другой стороны, я испытывал отвращение к разрушению». Позднее, в 1820 г., в своем обращении к суду присяжных Сен-Симон снова подчеркивал: «В течение всего хода французской революции я неизменно и исключительно играл роль только зрителя и наблюдателя, не занимая никаких политических должностей ни при каких следовавших одно за другим правительствах».

При всей приверженности Сен-Симона к идеям политической свободы и правового равенства, при всем его сострадании к «уча-

сти наиболее многочисленного и бедного класса», режим революционного террора, казнь короля оттолкнули его от революции. «Перомое,— писал Сен-Симон в 1817 г. («Первое письмо к американцу»),— несколько раз готово было набросать картину бедствий, которые французы сами себе создали, воспроизвести те сумасбродства, которым они предались, те жестокости, которые были совершены ими во время революции, но сердце мое противилось этому; оно содрогается при одном воспоминании об ужасных сценах, свидетелем которых я был». Сен-Симон предавался мечтам о «реорганизации общества» мирным путем.

Состояние семьи Сен-Симонов сильно пострадало от революции. В поисках материальных ресурсов Сен-Симон остановился на спекуляции национальными имуществами на основании закона 15 мая 1790 г., но его личные средства были для этого недостаточны, и он стал искать богатого компаньона, готового вложить деньги в спекулятивные операции. Такого компаньона он нашел в лице своего старого знакомого (они познакомились еще в Испании) графа Сигизмунда Редерна, немецкого дипломата и богатого дельца. Редерн, не имея возможности как иностранец действовать в революционной Франции самостоятельно, предоставил в распоряжение Сен-Симона значительный капитал (несколько сот тысяч ливров), с тем чтобы полученную прибыль разделить поровну Ему самому

пришлось выехать из Франции. Сен-Симон с головой погрузился в новую, непривычную для него деятельность. Со свойственной ему страстностью и настойчивостью он быстро развернул смелые и широкие финансовые операции, удачно используя особенности рыночной конъюнктуры и колебания денежного курса. Его поощряли наблюдавшиеся им в Америке примеры быстрого образования крупных состояний. «Я работал,— писал он об этом времени своей жизни,— на финансовом поприще до 1797 г. с жаром, уверенностью и успехом».

Успех, действительно, был поразительный. Сен-Симон в короткое время увеличил предоставленный ему Редерном капитал в несколько раз и стал миллионером. Это дало ему возможность вести широкий образ жизни. В своем парижском роскошно обставленном, барском особняке он устраивал пышные приемы, лукулловские пиры, безудержно сорил деньгами, раздавал щедрые пособия начинающим ученым и писателям. Он устанавливал и поддерживал тесное общение с крупнейшими представителями французской научной мысли, преимущественно с корифеями точных и естественных наук. У него бывали такие люди, как математики Лагранж и Монж, как молодые еще натуралисты дрозья-соперники Кювье и Жоффруа Сент-Илер, бывали видные писатели, артисты, политиче-

ские деятели, вообще, цвет французской интеллигенции.

Финансовая деятельность Сен-Симона была прервана на некоторое время в 1794 г., когда органы революционного правительства добрались и до него. Он был предупрежден о предстоящем аресте и успел скрыться, но, узнав, что вместо него задержан невинный человек по обвинению в пособничестве его бегству, он сам отдался в руки властей и был заключен в тюрьму. Причины его ареста не совсем ясны. По одним источникам он был репрессирован как аристократ, по другим — вследствие недоразумения: его спутали с банкиром Симоном, скрывшимся за границу. Сам он, говоря впоследствии (в письме к присяжным заседателям в 1820 г.) об этом аресте, писал, что он подвергся «преследованиям, которые при робеспьеровском режиме испытывали все честные люди».

Около десяти месяцев Сен-Симон содержался в тюрьме в самых тяжелых условиях, доводивших его до болезни, до расстройства умственной деятельности. Он галлюцинировал: к нему явился Карл Великий, напомнивший ему о его высоком призвании и предсказавший ему славу в области философии. Термидор освободил Сен-Симона.

По выходе из тюрьмы Сен-Симон продолжал прерванную деятельность спекулянта. Но в 1797 г. в Париж возвратился Редерн, опасавшийся, что Сен-Симон растратит все

нажитое им огромное состояние. Предстоял раздел. Юридическим владельцем приобретенного имущества был Редерн, на имя которого Сен-Симон вел свои операции. На этом основании Редерн, пользуясь вместе с тем наивной доверчивостью Сен-Симона, выделил ему всего 150 000 франков, что составляло приблизительно одну двадцатую всего их общего имущества. Сен-Симон полагал, что это только предварительная часть и что окончательный раздел будет произведен впоследствии, но ошибся: Редерн обобрал его самым бессовестным образом.

Свою спекулятивную деятельность и свою широкую жизнь во время революции, всю эту темную полосу своей биографии Сен-Симон потом объяснял возвышенными мотивами — стремлением получить средства для создания крупных промышленных и научных учреждений, имеющих целью «улучшение участи человечества», и желанием в непосредственном общении с гениальными людьми в обычной житейской обстановке изучать их психологию и творческие процессы, а вместе с тем наблюдать и жизнь рядовых людей. Нужно, однако, признать, что описанный период жизни Сен-Симона остается недостаточно освещенным. Это один из многих экстравагантных зигзагов сложной, снедаемой внутренними противоречиями, не лишенной авантюризма жизни Сен-Симона.

После разрыва с Редерном (1797) потому

ли, что материальные ресурсы Сен-Симона были уже сильно ограничены, или потому, что все его уmonoстроение изменилось, как оно и раньше менялось не раз, стчль жизни Сен-Симона принял новый характер. Он беретса за науку. Наступила пора работать для «улучшения участи человечества», и Сен-Симон «мечтает проложить новый путь человеческому разуму — путь физико-политический». Но для этого нужны знания, прежде всего знания в области наук о природе, и Сен-Симон с обычной своей страстностью и целеустремленностью отдастса научным занятиям.

Как раз в это время, в последние годы XVIII в., точные и естественные науки обогатились крупнейшими достижениями французских ученых. Были опубликованы физико-математические работы Лапласа («Изложение системы мира», 1796, и начало «Трактата о небесной механике», 1799), Лагранжа («Теория аналитических функций», 1797), Карно («Размышления о метафизике исчисления бесконечно-малых», 1797) и Монжа («Описательная геометрия», 1799), биологические исследования Кювье («Простая картина естественной истории животных», 1798) и Бишá («Физиологические исследования о жизни и смерти», 1800), начал печататься Жоффруа Сент-Илер, один из предшественников Дарвина; получили распро-

странение материалистические взгляды Кабаниса и Вик-д'Азира.

Этот мощный поток новых научных и философских идей всецело захватил Сен-Симона. Он решил внести некоторую плановость в свои занятия: раньше изучать более простые явления природы — мир неорганических тел, а затем уже более сложные — органическую природу. Он начал с того, что поселился возле Политехнической школы, основанной Конвентом, сохранившей революционные традиции и при наступлении реакции и славившейся высоким уровнем преподавания физико-математических наук. Здесь он прожил около трех лет, слушая лекции, занимаясь в библиотеках и находясь в тесном общении с наиболее выдающимися преподавателями. В 1801 г. он устроился с той же целью вблизи Медицинской школы, которую использовал для расширения своих знаний в области биологических дисциплин. Все это время он продолжал принимать у себя, хотя и не с такой расточительностью, как бывало раньше, многих представителей науки.

«Я употреблял свои деньги, — писал он об этом времени, — для приобретения знаний; обильное угощение, хорошее вино, много внимания к профессорам, для которых кошелек мой всегда был открыт, доставило мне все возможности, каких только я мог желать».

Кошелек Сен-Симона, действительно, был открыт не только для материальной поддержки нуждавшихся ученых, особенно начинающих, но и для разного рода научных начинаний — для устройства бесплатных курсов, для постановки опытов, для печатания научных трудов и т. д.

Сен-Симон продолжал думать, что для его научного роста необходимо личное, интимное общение с учеными, но считал, что встречи с научным миром в его холостой квартире не достигают цели, что лучшие результаты дадут приемы в «салоне» с хорошо воспитанной, знающей жизнь и все правила светского этикета хозяйкой. Такую подходящую «салонную» хозяйку он нашел в лице двадцатисемилетней, хорошо образованной Гюри де Шангран, получившей уже некоторое имя в изящной литературе. Сен-Симон не думал о супружестве, о семье — ему нужна была только салонная хозяйка, и в 1801 г. он вступил в условный брак с мадам Гюри де Шангран. Однако открытый им салон, несмотря на гостеприимство хозяев, разочаровал его: кроме банальных разговоров, в салоне ничего почти не было слышно.

А между тем у Сен-Симона все больше росла уверенность в его великом призвании — открыть человечеству новый путь, путь к всеобщему счастью. Он в это время с восторгом познакомился с последним произведением мадам де Сталь: «О литературе в ее отношении к общественным учреждениям»

(1800). Взгляды этого автора на великую роль наук и совершенствование человека, еще раньше данная им высокая оценка чувств и страстей в жизни народов и отдельных людей были так близки Сен-Симону, что он почувствовал в мадам де Сталь родную душу и конгениальный ум. Он решил, что тесное сотрудничество с ней должно принести наилучшие плоды, что союз таких гениев, как он и она, даст изумительное потомство, которое будет творить великие дела.

Недолго думая, Сен-Симон в середине 1802 г. развелся с женой (она вскоре после этого вышла замуж за барона де Бавра; под этим именем она больше всего известна как автор романов и мелодрам) и направился в швейцарское местечко Коппэ на берегу Женевского озера, где в изгнании проживала де Сталь, чтобы познакомиться с ней и добиться ее руки; она в это время уже была в разводе с мужем. Сен-Симон потерпел горькое фиаско: де Сталь приняла его очень любезно, но отклонила его предложение.

С 1802 г. Сен-Симон весь сосредоточился на научной и литературной работе. Он посетил Англию и Германию, чтобы узнать, работает ли научная мысль этих стран в том направлении, которое он намечал, но был разочарован. Он убедился, что англичане «не направляют своих научных трудов к физико-политической цели и не занимаются реорганизацией научной системы», а немецкая наука

«находится еще в младенческом состоянии, так как построена еще на мистических началах». Сен-Симон окончательно приходит к убеждению, что никто другой, кроме него, не в состоянии осуществить охватившую его мысль — проложить новый путь реорганизации европейского общества, путь к счастью человечества. Он принимается за перо и пишет в том же 1802 г. первое свое произведение: «Письма женеvского обитателя к современникам», в котором старается обобщить все приобретенные им знания в различных областях наук и намечает самые общие, еще расплывчатые контуры почти всех элементов своего мировоззрения.

К 1802 г. от богатства Сен-Симона уже ничего не осталось: все было растрчено на гостеприимство и путешествия. Сен-Симон не только не располагал средствами для печатания своих произведений, но нуждался буквально в куске хлеба. Ему пришлось одно время служить переписчиком в ломбарде, работая по девяти часов в день и получая всего 1000 франков в год. Но это не лишило его бодрости, он продолжал усиленно работать, проводя ночи за книгами, разрабатывая свои идеи. Не останавливала его и болезнь, появившееся кровохаркание.

Положение Сен-Симона улучшилось, когда он встретился в 1805 г. со своим бывшим слугой Диаром, приобретшим во время службы у него некоторое состояние. Диар приютил его у себя и дал ему возможность все-

цело отдаться работе. На средства Диара Сен-Симон в 1808 г. выпустил свою вторую работу: «Введение к научным трудам XIX века», развивавшую более обстоятельно и планомерно основные идеи «Писем женеvского обитателя». Он подробнее останавливается здесь на методологии научной работы, набрасывает классификацию наук и более обстоятельно разрабатывает мысль о необходимости обобщения накопленных уже в достаточном количестве эмпирических данных, обобщения естественных и социальных наук на единой базе положительных знаний. Сен-Симон не решился пустить в широкое обращение свою новую работу. Она была напечатана всего в ста экземплярах и разослана автором наиболее крупным ученым с просьбой подвергнуть ее критике и сообщить ему свои замечания. Но ожидаемого отклика Сен-Симон не получил. Та же участь постигла и его следующие работы: «Письма в Бюро долгот» (1808) и «Новая энциклопедия» (1810).

Однако ни этот неуспех, ни вновь наступившая острая нужда после смерти Диара (1810) несколько не обескуражили Сен-Симона. Наоборот, он продолжал работать с еще большей энергией, с еще большей верой в свои силы и в свое призвание. Казалось, этот моральный подъем был тем выше, чем ниже опускалось его материальное положение. Он дошел до полной нищеты. В 1812 г. он писал: «Вот уже две недели я питаюсь хлебом и водой, работаю без огня; я все продал

вплоть до моей одежды, чтобы оплатить издержки на переписку моих трудов. Страсть к науке и общественному благу, стремление найти способ прекращения мирным путем страшного кризиса, переживаемого всем европейским обществом, довели меня до такой нужды. Поэтому я, не краснея, могу признаться в своей нищете и просить помощи, необходимой для продолжения моего труда».

И Сен-Симон, действительно, «не краснея», обращался за помощью ко всем, от кого только мог ее ожидать. Свои просьбы он не считал унижительными: он просил не подачки, не милостыни, а поддержки творимого им общественно-важного дела, дела счастья всего человечества. Но его бывшие друзья, которые многим были ему обязаны и пользовались раньше его материальной помощью, большею частью игнорировали его просьбы. Вспомнил Сен-Симон и о разбогатевшем его стараниями Редерне и стал писать ему письма, то суля славу от совместной философской работы, то льстя его самолюбию, то угрожая судом, то стараясь разжалобить своим бедственным положением, чтобы получить от него хоть небольшую часть тех богатств, на которые Сен-Симон в сущности имел право. Но Редерн, так подло поступивший с ним в 1797 г., отделался и на этот раз лишь ничтожной суммой.

В 1813 г. Сен-Симоном были написаны два произведения: «Очерк науки о человеке» и «Труд о всемирном тяготении». Обе работы

не были им напечатаны; они были лишь размножены в нескольких копиях и разосланы компетентным ученым для критического рассмотрения. Сен-Симон ждал серьезной критики, готовности вступить с ним в сотрудничество, но и на этот раз обманулся в своих ожиданиях.

Чтобы привлечь внимание правительства к своей работе, Сен-Симон сопровождал свой «Труд о всемирном тяготении» подзаголовком злободневного политического характера: «Средство заставить англичан признать свободу мореплавания». «Свобода мореплавания» в связи с континентальной блокадой имела весьма актуальное значение. Подзаголовок этот совершенно не отвсчал содержанию «Труда», который так и остался незамеченным. Не помогло ни посвящение «Труда» Наполеону, ни представление его в Сенат, государственный совет и академию, ни напоминание о родстве автора с «герцогом де Сен-Симоном, автором «Воспоминаний о регентстве»...

Грозные потрясения, которые переживала в это время Франция, а вместе с ней и вся Европа, бесконечные войны, приводившие в расстройство всю хозяйственную и политическую жизнь народов континента, не могли не отразиться на умонастроении и работе впечатлительного и вечно думающего Сен-Симона. Его мысли сосредоточиваются на социально-политических проблемах и прежде всего на проблеме «умиротворения» Европы. Во-

просы естественнонаучные, философия природы, закон всемирного тяготения в качестве универсального принципа отходят на второй план, хотя «позитивный метод» остается основной при объяснении социальных явлений.

В 1814 г. Сен-Симон сблизился с талантливым начинающим ученым, будущим знаменитым историком Тьерри, который стал его секретарем. При сотрудничестве Тьерри он публикует новую работу: «О реорганизации европейского общества, или о необходимости и средствах соединения народов Европы в единое политическое тело при сохранении за каждым из них его национальной независимости». В этой работе предлагается как выход из всеобщего кризиса политическое объединение европейских государств, начиная с давно враждующих между собой Франции и Англии, путем установления всеевропейского парламента. Сен-Симон искренне верил в осуществление этой идеи «умиротворения Европы»; его сочинение предназначалось для рассылки государям, в том числе и Александру I, которому он написал сопроводительное письмо (письмо это не было опубликовано).

Работа «О реорганизации европейского общества» имела успех. Сен-Симона стали признать. Улучшилось и его материальное положение. Следя за политическими событиями, отзываясь на них в печати, Сен-Симон в своем отношении к ним обнаружил большие колебания, поддаваясь впечатлениям данного момента. Так, в 1815 г., на высадку Наполео-

на во Франции Сен-Симон 15 марта отозвался направленной против него брошюрой. «На нашей границе,— писал в ней Сен-Симон,— появляется человек, который десять лет терзал Францию всеми эксцессами военного деспотизма». А всего через два месяца, 18 мая, во время «Ста дней», Сен-Симон опубликовал (совместно с Тьерри) брошюру: «Мнение о мероприятиях против коалиции 1815 г.», в которой призывает Францию с Наполеоном во главе к союзу с Англией.

По окончании наполеоновских войн во Франции, как и во всей Европе, политическое положение временно стабилизируется. В эпоху Реставрации страна быстро движется по пути индустриального развития, растут крупные торгово-промышленные предприятия, банки. Сен-Симон чутко прислушивается к биению пульса хозяйственной жизни Франции. Все яснее становится ему роль «индустриалов», «промышленников», этих руководителей и участников экономического строительства Франции: они должны занять «первенствующее положение». Он начинает обращать на себя внимание представителей капитала, и некоторые из них не прочь оказать ему поддержку в его литературных начинаниях, становятся его учениками.

Сен-Симон получает возможность публиковать свои работы; он выпускает их в виде сборников и альманахов.

В 1817—1818 гг. вышли четыре сборника Сен-Симона под общим названием: «Промыш-

ленность, или политические, моральные и философские рассуждения в интересах всех людей, отдавших полезным и самостоятельным трудам». Из статей, помещенных в этих сборниках, наиболее интересны «Письма к американцу» и «Взгляд на собственность и законодательство». В январе — мае 1819 г. были изданы 12 выпусков альманаха «Политик»; из материалов этого альманаха отдельным изданием вышла статья-памфлет «О раздорах между пчелами-работницами и трутнями или о взаимоотношениях производителей и не производящих потребителей».

В 1819—1820 гг. Сен-Симон выпускал сборники «Организатор»; в одном из них была помещена его знаменитая «Притча» (или «Парабола»), которая привела его на скамью подсудимых по обвинению в «неуважении к принципам королевской фамилии». Обвинение, разумеется, не имело под собой никакой почвы, так как Сен-Симон оказывал достаточно почтения Бурбонской династии. Опровергнуть обвинение Сен-Симону не стоило большого труда (его «Письма господам присяжным заседателям» были тогда же опубликованы), и суд оправдал его.

В 1821 г. был издан новый сборник произведений Сен-Симона под названием: «О промышленной системе» с эпиграфом: «Бог сказал: любите и помогайте друг другу». Здесь Сен-Симон в различных статьях, заметках, письмах и обращениях излагает свою концепцию «промышленной системы» уже в

достаточно ясных и определенных чертах.

Сен-Симон был полон энергии, неутомим и очень продуктивен в своей работе. Но это был человек неуравновешенный, с неустойчивой нервно-психической системой. 9 марта 1823 г. в состоянии душевной депрессии он покушался на самоубийство пистолетным выстрелом в голову. Покушение оказалось неудачным, он только лишился правого глаза. Эпизод этот не отразился на последующей его деятельности: последние два года жизни ознаменовались как раз наиболее важными и законченными произведениями. Сен-Симон работал уже не один, он был окружен учениками. Ближе всех к нему в это время стоял, кроме Тьерри, Огюст Конт, в будущем знаменитый философ, основатель «позитивизма», заимствовавший у своего учителя все основные положения своей философии. В 1823—1824 гг. был опубликован «Катехизис промышленников» в четырех «тетрадах», из которых одна, третья, была написана Контом; * Сен-Симон ограничился лишь предисловием к ней, в котором разъяснял намечавшиеся между ним и Контом расхождения.

В 1825 г. появились «Литературные, философские и промышленные рассуждения» с жизнерадостным эпиграфом: «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас». Нако-

* Эта «тетрадь» составляет первый том «Системы позитивной политики» Конта.

нец, в апреле 1825 г. вышло в свет последнее произведение Сен-Симона, венчающее все построенное им идеологическое здание,— «Новое христианство».

В последние годы жизни Сен-Симон был окружен заботами и вниманием друзей и учеников. В апреле 1825 г. он тяжело заболел. Силы его быстро убывали, но он до последней минуты сохранял ясную мысль и бодрость духа. Перед самой смертью он сказал своим ученикам: «Помните, что для совершения великого дела необходимо страстное увлечение... Целью всех трудов моей жизни было создать всем членам общества ширчайшие возможности для развития их способностей... И в этот момент я могу только сказать вам: настало время, когда ваши объединенные усилия должны увенчаться наибольшим успехом. Груша уже созрела, и вам остается ее сорвать».

19 мая 1825 г. Сен-Симон скончался.

ИЗДАНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕН-СИМОНА

*(звездочкой отмечены произведения, вошедшие
в настоящее издание)*

* Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains. 1802.

Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle (2 vol.). 1807.—1808.

Lettres au Bureau des Longitudes. 1808.

Nouvelle Encyclopédie (Lettre à son neveu Victor de Saint-Simon). 1810.

* Mémoire sur la science de l'homme. 1813.

* Travail sur la gravitation universelle. 1813.

Dé la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance nationale.¹ 1814.

Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815.² 1815.

* L'Industrie ou Discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants. 1817—1818.³

Le Politique, par une société de gens de lettres. 1819.

¹ Это произведение написано Сен-Симоном совместно с его учеником Огюстеном Тьерри.

² Написано совместно с Тьерри.

³ В настоящем издании помещены из «L'Industrie» «Письма к американцу» и «О собственности и законодательстве».

Considérations sur les mesures à prendre pour terminer la révolution, présentées au roi, ainsi qu'à m. m. les agriculteurs, négocians... qui sont membres de la Chambre des députés. 1820.

* L'Organisateur. 1819—1820.¹

* Du système industriel. 1821.²

Des Bourbons et des Stuarts. 1822.

* Suite à la brochure des Bourbons et des Stuarts. 1822.

* Catéchisme des industriels. 1823—1824.

* Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. 1825.

* Nouveau Christianisme. 1825.

Собрание сочинений Сен-Симона было впервые издано в 1832 г. его учеником О. Родригом, предполагавшим посвятить им 10—12 выпусков. Из них вышли в свет только два:

Oeuvres complètes de Saint-Simon. Publiées par Olinde Rodrigues, son disciple («Lettres d'un habitant de Genève», «Parabole politique», «Nouveau christianisme», «Fragments de l'histoire de sa vie»). Paris, 1832. XXXVIII + 201 p.

Oeuvres complètes de Saint-Simon («Catéchisme politique des industriels», «Vues sur la propriété et la législation»). Seconde livraison. Paris, 1832. 364 p.

Следующее издание, в точности воспроизводившее в одном томе эти два выпуска, было осуществлено тем же О. Родригом в 1841 г.:

Oeuvres complètes de Saint-Simon («Catéchisme politique»). Rodrigues. Paris, 1841. XXXVIII + 364 + 201 p.

Значительное место тексты произведений Сен-Симона занимают в книге G. Hubbard'a, вышедшей в 1857 г.:

G. Hubbard, Saint-Simon. Sa vie et ses travaux, suivi de fragments des plus célèbres écrits de Saint-Simon. Paris, 1857. 316 p. (стр. 117—311 занимают сочинения Сен-Симона).

¹ Из «L'Organisateur» в настоящем издании помещены: «Притча» и «О теории общественной организации»

² Из «Du système industriel» в настоящем издании помещены: «Предисловие», «Введение», «Послание королю» и «Обращение к друзьям человечества».

В 1859 г. под редакцией Ш. Лемоннье были изданы избранные сочинения Сен-Симона в трех небольших томах (в I и III томах дан перечень произведений Сен-Симона):

Oeuvres choisies de C.-H. de Saint-Simon, précédées d'un essai sur sa doctrine. Bruxelles, 1859. I, CXII + 264 p.; II, 455 p.; III, 388 p.

В более полном виде сочинения Сен-Симона были представлены в издании:

Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, publiées par des membres du conseil institué par Enfantin... et précédées de deux notices historiques. Vol. 1—47. Paris, 1865—1878. (Сен-Симону посвящены тт. 1, 15, 18—23, 37—40).

В 1925 г. литературное наследие Сен-Симона было издано к столетию со дня его смерти в отрывках из отдельных его произведений:

L'œuvre d'Henri de Saint-Simon. Textes choisis avec une Introduction par C. Bouglé. Paris, 1925. XXXII + 264 p. (I partie — La philosophie des Sciences, II partie — L'Organisation de la Paix, III partie — L'Industrialisme socialiste, IV partie — La Religion de l'Avenir).

Переводы на русский язык

«Родоначальники позитивизма». Пер. И. А. Шапиро под ред. Э. Л. Радлова. Вып. 2—3. СПб., 1910—1911.

Сен-Симон. Собрание сочинений под редакцией и с предисловием проф. В. В. Святловского. Т. I. СПб., 1912, 135 стр.

Собрание сочинений Анри де Сен-Симона. Пер. с французского под ред., с введением и примечаниями проф. В. В. Святловского. М.—П., 1923, XXII + 364 стр.

Сен-Симон. Избранные сочинения (1819—1825). Пер. с французского с предисловием В. П. Волгина. М.—П., 1923, XXXIII + 212 стр.

В. Семенов (составитель). Великие утописты. Сен-Симон, Фурье и их школы. М.—Л., 1926, 365 стр. (Отрывки из произведений Сен-Симона, стр. 85—218)

ПРИМЕЧАНИЯ К ВТОРОМУ ТОМУ

⁷⁵ «О промышленной системе» появилось в печати в 1821 г. в виде отдельной книги (XX + 311 стр.), составленной из «Предисловия», «Введения» и ряда писем и обращений к королю, к членам палаты депутатов, к земледельцам, торговцам, фабрикантам и другим «промышленникам», к ученым, художникам и пр., заканчивающихся «Обращением к друзьям человечества». Книга имела подзаголовок: «Рассуждения о мероприятиях для завершения революции» и эпиграф: «Бог сказал: любите и помогайте друг другу».

⁷⁶ Гильдебранд — римский папа Григорий VII (1073—1085). Рядом решительных мероприятий, как запрещение симонии (покупка и продажа церковных должностей), светской инвеституры (получение от светской власти церковной должности, связанной с вассальной зависимостью), установление celibата (безбрачия духовных лиц) и введение строжайшей дисциплины, Григорий VII сильно укрепил организацию католической церкви и придал ей значение независимой мировой теократии.

⁷⁷ Речь идет о короле Людовике XVI, низверженном французской революцией XVIII в. и казненном в 1793 г.

⁷⁸ См. прим. 61.

⁷⁹ Французские короли Людовик VI Толстый (1108—1137), Людовик XI (1461—1483) и Людовик XIV (1661—1715) имели наибольшее значение в борьбе королевской власти с крупными вассалами, в расширении владений французской короны, в соз-

дании централизованного национального государства, укреплении королевской власти и установлении абсолютизма во Франции. В своей деятельности они в значительной мере опирались на города и торгово-промышленный класс.

⁸⁰ Французский король Людовик XVIII, которому адресовано настоящее «Обращение» Сен-Симона, вернулся из эмиграции во Францию при реставрации Бурбонов в 1814 г. Тогда же он обнародовал свою конституционную хартию.

⁸¹ Хлодвиг I — король франков (481—511), основатель Франкского государства. Ко времени его царствования относится начало формирования феодальных общественных отношений.

⁸² Юлиан — римский император (361—363) и философ, пытался восстановить античную языческую религию, выступал против христианства (Юлиан Отступник).

⁸³ «Ультра» — сокращенное слово «ультрароялист», обозначение непримиримых приверженцев старого, дореволюционного порядка и крайнего монархизма. Слово было в широком употреблении особенно с 1814 г. при реставрации Бурбонов.

⁸⁴ Апостол Павел — легендарный автор нескольких «посланий», вошедших в состав Нового завета. «Послания» Павла много способствовали распространению христианства в греко-римском мире и превращению его из небольшой иудейской секты в универсальную религию.

⁸⁵ Полиевкт — канонизированный римский воин времен императора Валериана (254—260), подвергшийся истязаниям и убитый в Армении за борьбу с язычеством и распространение христианства.

⁸⁶ Речь идет о буржуазных революциях в Испании, Португалии и Неаполе, происходивших в 1820 г.

В Испании революция началась 1 января 1820 г. военным переворотом, направленным против реакционного правления короля Фердинанда VII. Была провозглашена либеральная конституция («Кадикская конституция» 1812 г.), которой король присягнул под

давлением ворвавшейся во дворец толпы. Однако вскоре, уже в 1823 г., все завоевания этой революции были уничтожены: в Испанию с разрешения Священного союза была введена стотысячная французская армия, подавившая либеральное движение, Фердинанд отменил конституцию и ввел в стране крайне реакционный режим.

Вслед за Испанией произошли революционные вспышки и в Португалии, движущей силой которых явилась также армия. Португалия была в это время оккупирована англичанами, а португальский король Иоанн VI находился в Бразилии. В результате движения была выработана либеральная конституция (1820), вернувшая король, который по предложению кортесов ей присягнул. Однако он вскоре нарушил свою присягу и после ряда монархическо-клерикальных заговоров отменил конституцию.

Такой же характер и такую же судьбу, как в Испании и Португалии, имела революционная вспышка 1820 г. и в Неаполе. В июле этого года восстание карбонариев при ведущей роли армии заставило короля Фердинанда I Бурбонского присягнуть либеральной конституции, но уже в следующем году движение было подавлено австрийскими войсками при участии самого Фердинанда, и в стране воцарилась самая мрачная реакция.

⁸⁷ Трехцветная (сине-красно-белая) кокарда получила распространение во время французской революции в 1789 г.; белая кокарда — эмблема королевской власти.

⁸⁸ Доминик П р а д т (1759—1837) — аббат, французский дипломат и весьма плодовитый реакционный публицист. Был депутатом от духовенства в Генеральных штатах 1789 г.

⁸⁹ Это произведение Сен-Симона было опубликовано в январе 1822 г., спустя несколько дней после появления его маленькой брошюры под названием «О Бурбонах и Стюартах», значительная часть которой взята из написанной Сен-Симоном совместно с Тьерри работы: «О реорганизации европейского общества». Упомянутое в конце «Продолжения» сочи-

нение об общественном договоре (*Du contrat social*) вышло в 1822 г., но оно написано Контом, Сен-Симону принадлежит лишь предисловие.

⁹⁰ Генрих IV — король Франции (1589—1610), первый представитель Бурбонской династии на французском троне, много способствовал укреплению абсолютизма и хозяйственному росту страны. Свободный от религиозного фанатизма (от протестантизма он перешел по политическим мотивам в католичество), он в 1598 г. издал Нантский эдикт, предоставивший протестантам во Франции религиозные и политические права. Этот эдикт подвергся ограничениям уже при Людовике XIII, сыне Генриха IV (у протестантов были отняты политические права) и был совершенно отменен в 1685 г. при его внуке Людовике XIV.

⁹¹ Герцог Сюлли (1560—1641) — друг детства и ближайший советник короля Генриха IV.

⁹² Мишель Лувуа (1641—1691) — военный министр Людовика XIV, реорганизацией армии поднявший военную мощь Франции на большую высоту. Лувуа проявил большую жестокость в многочисленных войнах, особенно против протестантов (драгоны).

⁹³ Регент — Филипп Орлеанский, правивший Францией во время малолетства короля Людовика XIV (1715—1723).

⁹⁴ Кардинал Гильом Дюбуа (1656—1723) — видный государственный деятель во время регентства Филиппа Орлеанского, ловкий, удачливый дипломат, отличался беспринципностью и отсутствием каких-либо моральных устоев.

⁹⁵ См. прим. 2.

⁹⁶ Дюбарри — парижская кокотка, любовница короля Людовика XV, имевшая большое влияние на него.

⁹⁷ «Катехизис промышленников» — первое произведение Сен-Симона, написанное после его покушения на самоубийство. Оно состоит из четырех «тетрадей»: первая появилась в декабре 1823 г.,

вторая, третья и четвертая — в марте, апреле и июне 1824 г.

⁹⁸ Здесь, как и во многих других местах, с полной очевидностью выступает отсутствие у Сен-Симона ясного представления о классовой структуре современного ему общества. Об этом см. во вступительной статье В. П. Волгина.

⁹⁹ *Primus inter pares* — первый между равными.

¹⁰⁰ Шоссе д'Антен — одна из красивейших улиц Парижа, где во время Сен-Симона жили по преимуществу крупные финансисты; здесь расположены богатые отели и магазины.

¹⁰¹ Сен-Жерменское предместье — квартал в Париже, возникший на месте древнего аббатства и занятый многочисленными аристократическими отелями старинного дворянства.

¹⁰² Том, о котором говорит Сен-Симон, составляет третью «тетрадь» «Катехизиса промышленников». Он написан Контом. Сен-Симон ограничился лишь небольшим предисловием к нему (см. стр. 237—238).

¹⁰³ Сен-Дени, Веррери, Бурдоннэ — парижские улицы, населенные преимущественно представителями промышленности, торговли и ремесел.

¹⁰⁴ Уильям Блэкстон (1723—1780) — английский юрист-государствовед, автор имевших в свое время большой успех «Комментариев к английским законам», содержащих самодовольное восхваление социально-политического строя Англии. Блэкстон — последователь Монтескье в учении о разделении властей, но расходится с ним в определении природы королевской власти: король, по Блэкстону, не только носитель исполнительной власти, но несет и законодательные функции, составляя вместе с верхней и нижней палатами неотъемлемую часть парламента.

¹⁰⁵ Жан Луи Делольм (1740—1806) — швейцарский юрист-государствовед, демократ, автор апологетического труда об английской конституции (1771), оказавшего большое влияние на развитие европейской политической мысли.

¹⁰⁶ Речь идет о сроке полномочий (легислатуре) английской нижней палаты, который определялся в

семь лет (в 1911 г. он был сокращен до пяти лет).

¹⁰⁷ Гуго Капет — основатель королевской династии Капетингов, правившей Францией с 987 по 1328 г. В 1328—1589 гг. престол французских королей занимали представители династии Валуа, потомки Капетингов по боковой линии, а с 1589 г. — династия Бурбонов.

¹⁰⁸ См. прим. 93.

¹⁰⁹ Мальзерб (1721—1794) — французский министр. За защиту прав парламента и предложение созыва Генеральных штатов был удален Людовиком XV, но снова призван к власти Людовиком XVI вместе с Тюрго. В процессе короля выступил его защитником. Мальзерб был гильотинирован по обвинению в заговоре против республики.

¹¹⁰ Бисетр и Шарантон — два населенных пункта во Франции, известные своими лечебницами для умалишенных.

¹¹¹ См. прим. 71.

¹¹² В 1816 г. была распущена «бесподобная палата» (см. прим. 58 и 59) и новые выборы принесли победу противникам «ойней» реакции, уничтожив преобладание крупных землевладельцев — аристократов. Новая палата провела в 1817 г. избирательный закон, предоставлявший участие в выборах всем лицам, платившим 300 франков прямых налогов, и ряд либеральных мероприятий.

¹¹³ Речь идет о малолетнем сыне Наполеона I, названном бонапартистами Наполеоном II, в пользу которого Наполеон I отрекся в 1814 г. Он проживал в Австрии в качестве герцога Рейхштадтского и фактически никогда не занимал французского престола.

¹¹⁴ «Консерватор» («Conservateur») — газета ультрароялистской партии, основанная Шатобрианом (см. прим. 54) и выходившая в 1818—1820 гг.

¹¹⁵ «Минерва» («Minerve Française») — либеральная газета, выходившая в 1818—1820 гг. (ее заменила в 1820—1822 гг. «Minerve littéraire»).

¹¹⁶ См. прим. 102.

¹¹⁷ В ночном заседании 4 августа 1789 г. и в следующие дни Учредительное собрание, созданное

французской буржуазной революцией, в принципе отменил феодальные учреждения.

¹¹⁸ Collège de France — учебное заведение в Париже, независимое от церкви и свободное от школьной схоластики и учебно-административной опеки.

¹¹⁹ На этом «Катехизис промышленников» заканчивается.

¹²⁰ «Рассуждения литературные, философские и промышленные» вышли в свет в 1825 г. Они состоят, кроме введения, из семи отдельных произведений, написанных Сен-Симоном и некоторыми его учениками. Здесь даются два из них, принадлежащих самому Сен-Симону и носящих названия: 1) «Некоторые философские рассуждения для применения в XIX веке» и 2) «Об общественной организации (отрывки из неизданного сочинения)».

¹²¹ Минос — по древнегреческим легендам основатель и царь могущественного государства на острове Крите, давший ему первые законы. Ликург (IX в. до н. э.) — легендарный законодатель древней Спарты, установивший все ее государственные и общественные учреждения. Солон (ок. 638—558 гг. до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, произведший коренную реформу политического строя и социальных законов в Афинах; один из «семи мудрецов» древней Греции.

¹²² Альфред Великий — король англо-саксов (871—900), один из первых организаторов английского государства, много сделавший для укрепления его военной силы и культурного развития.

¹²³ См. прим. 76.

¹²⁴ Роджер Бэкон (1214—1294) — английский философ и естествоиспытатель, установивавший экспериментальный метод в изучении природы и выступавший против господствовавшей в его время церковной схоластики. За критику нравственной испорченности духовенства Бэкон подвергался преследованиям.

¹²⁵ Свои мысли о роли разных видов искусств при

отправлении религиозного культа Сен-Симон развивает в «Новом христианстве».

¹²⁶ Первый отрывок, озаглавленный: «Сравнение между интеллектуальным развитием отдельного человека и общества» представляет собой дословную выдержку (с небольшим сокращением) из Предисловия к четвертой тетради «Катехизиса промышленников», см. стр. 242—246.

¹²⁷ Речь идет об ультрароялисте Виллеле, возглавлявшем французский кабинет министров в 1822—1828 гг.

¹²³ «Новое христианство» — последнее произведение Сен-Симона, написанное им в 1825 г., незадолго до смерти. Издавая его в 1832 г., его ученик Родриг предпослал ему предисловие, в котором сообщает, что «Новое христианство» должно было войти во второй том «Рассуждений литературных, философских и промышленных», но ввиду «особой важности трактуемого в нем предмета, а также по политическим обстоятельствам того времени» было решено издать это сочинение отдельно и безотлагательно.

По словам Родрига, Сен-Симон, уже лежа на смертном одре, сказал ему о «Новом христианстве»: «Возможно, что это последнее наше произведение будет плохо понято. Нападками на религиозную систему средневековья была в сущности доказана только одна вещь, а именно, что она перестала гармонировать с прогрессом положительных наук, но неправильно было отсюда выводить заключение, что религиозная система должна была совершенно исчезнуть: ее следовало только согласовать с прогрессом наук».

¹²⁹ Римские папы основывали свою власть и главенство над христианской церковью на преемстве от апостола Петра, который, согласно легенде, был первым епископом в Риме. Свои владения папы также называли «наследием св. Петра».

¹³⁰ Блэз Паскаль (1623—1662) — знаменитый французский ученый и мыслитель, оставивший крупный след своими работами в области математики и

физики. Религиозно настроенный и склонный к мистицизму, он в «Письмах к провинциалу» (1656—1657) бичует моральное разложение ордена иезуитов.

¹³¹ Орден иезуитов, основанный в 1534 г., после изгнания из ряда стран в эпоху «просвещенного абсолютизма» (из Португалии, Испании, Франции, Италии) был формально закрыт в 1773 г. папой Климентом XIV, но в 1814 г. снова легализован папой Пием VII и тотчас же стал оплотом самой необузданной реакции в такой степени, до какой не доходил раньше.

¹³² Греческий раскол — греко-восточная (православная) церковь, выделившаяся в христианстве при разделении церквей, окончательно оформившемся в 1054 г.

ЛИТЕРАТУРА О СЕН-СИМОНЕ

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, М. 1933. «Немецкая идеология», стр. 491—507.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 259 сл. и passim. То же в книге: Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1940, 104 стр.
- Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VII. М.—Л., 1925. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Гл. III, стр. 84—113.
- Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XVIII. М.—Л., 1925. «Французский утопический социализм», стр. 57—73 и 86—132.
- Арк. А.-н (Аннекштейн). Анри де Сен-Симон, его жизнь и учение. С приложением очерка учения и деятельности сен-симонистов. М.—Л., 1926, 240 стр.
- Р. Виппер. Социальная философия сен-симонизма (по поводу книги Ив. Иванова: «Сен-Симон и сен-симонизм»). Журн. «Мир божий», 1901, № 12, стр. 256—271.
- В. П. Волгин. Сен-Симон и сен-симонизм. 2-е изд., М., 1925, 104 стр. (то же в книге: В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. 4-е изд. М.—Л., 1935, стр. 231—316).
- В. П. Волгин. История социалистических идей. Часть 2, вып. 1, М.—Л., 1931, 142 стр. (О Сен-Симоне стр. 5—34).

- И в. И в а н о в. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1901, 735 стр.
- Н. О с о с к о в а. Нравственный облик Сен-Симона и его отношение к религии. «Записки Научного общества марксистов», 1922, № 3, стр. 86—99.
- Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полное собрание сочинений, т. VI, СПб., 1906. «Июльская монархия», стр. 127—150.
- Б. Н. Ч и ч е р и н. Сен-Симон и его школа. Журн. «Вопросы философии и психологии», 1901, XI—XII, стр. 615—698.
- С. Ш т е й н б е р г. Общественные и исторические взгляды Сен-Симона. Журн. «Жизнь», 1900, № 2, стр. 69—85.
- A. J. B o o t s. Saint-Simon and Saint-Simonism. A chapter in the history of socialism in France. London, 1871, IX + 262 p.
- C. B o u g l é. Chez les prophètes socialistes. Paris, 1918, 246 p. (Сен-Симону посвящены стр. 1—110).
- G. B r u n e t. Le mysticisme social de Saint-Simon Paris, 1925, 125 p.
- Doctrine de Saint-Simon. Exposition, Paris, 1830. Последнее издание (под редакцией Бугле и Галеви), Rivière, 1924. Русский перевод: Изложение учения Сен-Симона. Пер. с французского под редакцией и с комментариями Э. А. Желубовской. Вступительная статья В. П. Волгина. М.—Л., 1947, 599 стр.
- G. D u m a s. Psychologie de deux messies positivistes Saint-Simon et Auguste Comte. Paris, 1905, 314 p.
- E. D u r k h e i m. Le socialisme. Sa définition, ses débuts. La doctrine saint-simonienne. Paris, 1928, XI + 352 p. (Сен-Симону посвящены стр. 117—352).
- J. E. F i d a o. Le droit des humbles. Etudes de politique sociale. Paris, 1904, 360 p. (Сен-Симону и сен-симонизму посвящены стр. 80—149).
- H. G o u h i e r. La jeunesse d'Auguste Comte et la formation du positivisme. T. II. Saint-Simon jusqu'à la Restauration. Paris, 1936, 388 p.

- J. E. Grabowski. Saint-Simon. Utopja-filosofja-industrializm. Warszawa, 1936, III + 395 s.
- W. Hausenstein. Die grossen Utopisten. Berlin, 1920, 64 S. (Сен-Симону посвящены стр. 27—44).
- G. Hubbard. Saint-Simon. Sa vie et ses travaux. Paris, 1857, 316 p.
- P. Janet. Saint-Simon et le saint-simonisme. Paris, 1878, VII + 171 p.
- M. Leroy. Le socialisme des producteurs. Henri de Saint-Simon. Paris, 1924, XIX + 193 p.
- M. Leroy. La vie véritable du comte Henri de Saint-Simon. Paris, 1925, 336 p.
- E. Levasseur. Les études sociales sous la Restauration Saint-Simon et le saint-simonisme. Fourier et le fouriérisme. Paris, 1902, 56 p.
- F. Muckle. Saint-Simon und die ökonomische Geschichtstheorie. Ein Beitrag zu einer Dogmengeschichte des historischen Materialismus. Jena, 1916, 45 S.
- F. Muckle. Henri de Saint-Simon. Die Persönlichkeit und ihr Werk. Jena, 1908, VI + 384 S.
- A. Pereire. Autour de Saint-Simon. Documents originaux. Paris, 1912, XII + 237 p.
- «Revue d'Histoire économique et sociale». 1925, № 2. Numéro spécial, consacré à Saint-Simon. 129—238 p.
- G. Salomon. Saint-Simon und der Sozialismus. Berlin, 1919, 108 S. (Даны извлечения из некоторых произведений Сен-Симона).
- L. von Stein. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Zweiter Band. München, 1921, 567 S. (Сен-Симону посвящены стр. 133—231).
- O. Warschauer. Geschichte des Socialismus und neueren Kommunismus. Erste Abteilung: Saint-Simon und der Saint-Simonismus. Leipzig, 1892, X + 106 S.
- G. Weill. Saint-Simon et son oeuvre. Paris, 1894, X + 247 p.
- P. Weisengrün. Die socialwissenschaftlichen Ideen Saint-Simon's. Basel, 1895, 97 S.
- H. Fournel. Bibliographie saint-simonienne de 1802 au 31 décembre 1832. Paris, 1833, 130 p.

- J. S t a m m h a m m e r. Bibliographie des Sozialismus und Communismus. Bd. I—III. Jena, 1893—1909.
Литература о Сен-Симоне на русском языке.
Журн. «Под знаменем марксизма», 1925, № 5—6,
стр. 265—269.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Римские цифры указывают том, арабские — страницы)

Авель — I, 142

Адам — I, 137, 167

Александр I — II, 317

Александр (Македонский) — I, 176

Аль-Мамун — I, 180, 185, 191, 198, 265, 461; II, 267

Аль-Рашид — I, 180; II, 267

Альфред Великий — II, 275, 291, 473

Ангулемский герцог — I, 430, 431, 467

Антипатр — I, 176

Анфантен — I, 456

Апеллес — I, 176

Ариосто — II, 385

Аристотель — I, 179, 180, 240, 246, 248, 412, 460;
II, 238, 267 — 269

Архимед — II, 192

Базар — I, 456

Беррийский герцог — I, 430, 467

Биша — I, 152, 457; II, 451

Блэкстон — II, 185, 471

Бугенвиль — I, 155, 457

Буйе — I, 89, 90

Бурбонский герцог — I, 430, 431

Бурбоны — I, 14, 306; II, 27, 57, 217—219, 461,
468

Бэйль — I 260, 461

- Бэкон, Роджер — II, 294, 473
Бэкон, Френсис — I, 179, 183, 204, 221—238
Валериан, император — II, 468
Вашингтон — I, 89, 293
Верак, де — I, 90
Верньо — I, 419
Вик-д'Азир — I, 152, 456; II, 452
Виклиф — I, 259—260, 461
Виллель — II, 338—339, 474
Вогюон, де ля — I, 90; II, 444
Вольтер — I, 260; II, 302
Галилей — I, 205, 219, 263
Гарвей — I, 219
Генрих IV — II, 109, 470
Геродот — I, 153
Гизо — II, 199—200
Гильдебранд — см. Григорий VII
Гиппократ — I, 214, 460
Гомер — I, 29, 174, 176
Григорий VII (Гильдебранд) — II, 33, 49, 275, 282, 283, 289, 291, 467
Гуго Капет — II, 208, 472
Гури де Шангран (мадам Бавр) — II, 453—454
Гюадэ — I, 419
Гюйгенс — I, 263
Д'Агессо — I, 193, 458
Д'Аламбер — I, 5, 93, 168, 218; II, 302, 440
Данай — I, 463
Данте — II, 385
Дарвин — II, 451
Декарт — I, 263, 267
Делольм — II, 185, 471
Диар — I, 98, 454; II, 455—456
Дидро — II, 302
Дракон — I, 175
Дюбарри — II, 110, 470
Дюбуа — II, 109, 470
Ева — I, 167
60 Сеп-Симон, т. II

Жансоннэ — I, 419

Жоффруа Сент-Илер — I, 455; II, 448, 451

Зенон — I, 194

Иисус Христос — II, 366, 369, 374, 376, 377, 384,
386, 393, 394, 395, 415.

Иоанн VI — II, 469

Иосиф II — II, 163

Итар — I, 159, 161, 162, 458

Кабанис — I, 152, 457; II, 452

Кабаррюс — I, 90; II, 445

Кавендиш — I, 183, 264

Каин — I, 142

Камбасерес — I, 421, 466

Карл Великий — I, 5, 89, 198, 232—234, 259, 260,
308, 309, 463; II, 267, 275, 289, 291, 307, 392,
439, 449

Карл I — I, 205, 316

Карл V — I, 204, 260; II, 392

Карл X — I, 467; II, 360

Карно — II, 451

Кеплер — I, 263; II, 386

Клеант — I, 194

Климент XIV — II, 475

Колумб — I, 321; II, 385

Кольбер — I, 37

Конде, де — I, 430, 431

Кондильяк — I, 222—225, 460

Кондорсэ — I, 152, 168, 218, 454, 455, 457

Константин Великий — I, 308, 462; II, 79.

Конт — I, 62, 66, 67, 415, 466; II, 159, 237, 462,
470, 471

Коперник — I, 35, 36, 204, 205, 260, 263; II, 295,
300—302

Корнуэлс — I, 293, 462

Корунканий — I, 194

Кук — I, 155—157, 164, 165, 457

Кювье — I, 455; II, 448, 451

Лагранж — II, 448, 451

Лаперуз — I, 155, 458

Лаплас — II, 451

Лев X — II, 374, 375, 380, 389—392

Лелий — I, 194

Леонардо да Винчи — II, 385

Ликург — I, 175; II, 275, 473

Локк — I, 183, 206, 219, 267

Лува — II, 109, 470

Людвик VI Толстый — II, 48, 467

Людвик IX — II, 293

Людвик XI — I, 36, 395; II, 48, 132—137, 151, 467

Людвик XIII — II, 109, 470

Людвик XIV — I, 37, 147, 205, 206, 306, 395, 438; II, 48, 109, 132, 135, 137, 139—141, 208—210, 218, 220, 221, 256, 358, 392, 467, 470

Людвик XV — I, 147; II, 109, 209—211, 472

Людвик XVI — I, 39, 147; II, 209—211, 213, 214, 216, 334, 467, 472

Людвик XVIII — I, 464, 467; II, 446, 468

Лютер — I, 35, 68, 70, 147, 189, 204, 259, 316; II, 72, 73, 283, 300—302, 392—398, 406—408, 410, 414—418, 421, 428

Магомет — II, 81

Мальзерб — II, 212, 472

Медичи — II, 297, 386, 392

Ментенон — I, 438

Микеланджело — II, 385

Минос — II, 275, 473

Монж — II, 444, 448, 451

Монтескье — I, 184; II, 55, 185, 192, 471

Мор, Томас — I, 8

Наполеон I, Бонапарт — I, 9, 11—13, 80, 81, 260, 325, 336, 420—422, 451, 459; II, 15, 51, 57, 66, 111, 116, 214, 223, 307—309, 316, 392, 435, 446, 458, 459, 460

- Наполеон II (герцог Рейхсгадтский) — II, 217, 472.
Неккер — II, 211
Нума — I, 187, 195, 459
Ньютон — I, 63, 105, 116, 137—143, 183, 206, 219,
263—267, 287, 454; II, 386
Орлеанский, герцог — I; 430, 431
Павел, апостол — II, 89, 100, 468
Паскаль — II, 384, 474
Пенн, Уильям — I, 301, 462
Петр, апостол — II, 381, 474
Пий VII — II, 475
Питг — I, 379
Пифагор — I, 252—255, 460
Платон — I, 179, 180, 220, 240, 246, 248, 460;
II, 256, 268—271
Полиевкт — II, 89, 468
Прадт — II, 101, 469
Пристли — I, 183
Рафаэль — II, 385
Редерн — I, 91, 92, 96; II, 447—450, 457
Ришелье — I, 110, 454
Робеспьер — I, 9, 325, 419
Родриг — I, 453; II, 474
Ромул — I, 187, 195, 459
Руссо — I, 25, 26, 168, 330; II, 55
Сегюр — I, 97
Сен-Пьер — I, 115, 211, 454
Сен-Симон, Бальтазар Анри — II, 439, 440
Сен-Симон, Луи, герцог — I 89, 95, 96, 209, 453;
II, 109, 439, 458
Сивилла — I, 195, 459
Сикар — I, 159—161, 163, 458
Смит, Адам — I, 330, 331, 412—414, 417
Сократ — I, 30, 178—182, 191, 238—261, 271—277;
II, 249, 264—268, 271
Солон — I, 175; II, 275, 473
Сталь, мадам де — II, 453—454
Стюарт, Джемс — I, 329, 464
Стюарты — I, 316

- Сцевола — I, 194
Сципион — I, 194
Сэй — I, 328, 330, 413, 414, 463
Сюлли — II, 109, 470
- Тассо — II, 385
Тацит — I, 153, 275, 462
Тьерри — I, 33; II, 459, 460, 462, 469
Тюрго — II, 211, 472
- Фердинанд I — II, 469
Фердинанд VII — II, 468
Фидий — I, 176
Филипп (Македонский) — I, 176
Филипп Орлеанский (регент) — II, 109, 210, 470
Фокс — II, 197
Фукидид — I, 153
- Хлодвиг — II, 51, 468
Хризипп — I, 194
- Цицерон — I, 64, 194—196, 327, 458—459; II, 75
- Шатобриан — I, 320, 463; II, 472
- Экштейн — I, 80
- Юлиан — II, 51, 468
Юм — I, 153
Юнг — I, 376, 465
Юстиниан — I, 394, 465
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О промышленной системе	5
1. Предисловие	5
2. Введение	22
3. Послание королю	29
4. Обращение к друзьям человечества	61
Продолжение брошюры „О Бурбонах и Стюартах“ (О старой и новой политической системе)	102
Катехизис промышленников	121
Рассуждения литературные, философские и промышленные	273
1. Некоторые философские рассуждения для применения в XIX веке	273
2. Об общественной организации	318
Новое христианство	364

К о м м е н т а р и и

Анри де Сен-Симон (Биографический очерк)	439
Издания основных произведений Сен-Симона	464
Примечания	467
Литература о Сен-Симоне	476
Именной указатель	480

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *Е. Н. Симкина*
Корректор *Н. Н. Морозов*

*

РИСО АН СССР № 3169. А-08254 Издат.
№ 1414 а. Тип. заказ № 1009. Подп. и
печ. 21/VIII—1948 г. Формат бум. 70×90¹/₃₂.
Печ. л. 30¹/₂ + 2 вкл. Уч.-изд. 17,25
Тираж 10000. Цена в переплете 17 руб.

2-я типография Издательства Академии
Наук СССР.

Москва, Шубинский пер., д. 10

О п е ч а т к и

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
153	10 св.	ими	им
260	8 сн.	влиятельные	влиятельным
465	14 сн.	Oeuvres complètes de Saint-Simon („Catéchisme politi-	Oeuvres de Saint- Simon... publiés en 1832 par Olinde
482	19 св.	204, 260:	204—206;
484	15 св.	240, 246.	244—246,

Сен-Симон, т. II

17 руб.

